

«ЗА ПРИМЕРНЫЕ ТРУДЫ НА БЛАГО ОТЕЧЕСТВА»

К 300-летию со дня рождения
генерал-фельдмаршала по флоту И.Г. Чернышёва

Русский дипломат, генерал-фельдмаршал от флота, президент Адмиралтейств-коллегии (1769—1797 гг.), член Российской академии наук граф Иван Григорьевич Чернышёв родился 24 ноября (5 декабря) 1726 года.

Выходец из старинного дворянского рода, И.Г. Чернышёв начальное образование получил в доме родителей, учился в Сухопутном Шляхетском кадетском корпусе. В возрасте 16 лет по указу императрицы Елизаветы Петровны был направлен в русское посольство в Дании, где чрезвычайным посланником находился его брат Пётр. Под его надзором юный граф учился «дипломатическому служению». В 1742 году был назначен в посольство в Пруссии, а через четыре года — в Великобританию.

Всё своё свободное время использовал для глубокого познания наук и иностранных языков. Проявлял большой интерес к вопросам кораблестроения, развития флотов, системам их управления.

В 1756 году И.Г. Чернышёв вернулся на Родину и «за примерные труды на благо Отечества» был пожалован придворным чином камер-юнкера. Высокообразованный 30-летний граф, знакомый с тонкостями европейского этикета и церемониала, быстро завоевал расположение императрицы Елизаветы. Позже она поручила ему роль «приходящего» воспитателя маленького наследника престола Павла Петровича.

В 1761 году И.Г. Чернышёв принимал участие в Аугсбургском конгрессе, где горячо отстаивал интересы России от притязаний Пруссии. Пришедшая к власти в 1762 году мать Павла Петровича Екатерина II, покровительствовавшая брату И.Г. Чернышёва Захару Григорьевичу, сильному и влиятельному царедворцу, не решилась убрать наставника своего попавшего в опалу сына. Наоборот, она стала осыпать графа почестями. В 1762 году пожаловала его чином генерал-поручика, на следующий год назначила членом Адмиралтейств-коллегии, в ноябре 1763 года — советником в учреждённую Морскую комиссию российских флотов. Кроме того, императрица удостоила его звания кавалера орденов Белого Орла и Св. Анны. В довершение ко всему в 1764 году он стал командиром галерного флота, которым руководил без малого одиннадцать лет. Именно в эти годы И.Г. Чернышёв развернул большое строительство крупных гребных судов новой конструкции по чертежам и под наблюдением талантливых корабельных мастеров В. Борисова и А. Григорьева.

В начале 1767 года И.Г. Чернышёва, не освобождая от прежних должностей, отправили чрезвычайным

и полномочным послом в Англию. В 1769 году он стал вице-президентом Адмиралтейств-коллегии.

Вступив в должность, И.Г. Чернышёв ссудил коллегии 75 тыс. руб. «по случаю недостатка в оной денег». Эти средства пошли на строительство и оснастку кораблей, участвовавших в Русско-турецкой войне 1768—1774 гг. «За многие труды в приведении флота в доброе состояние» и в связи с заключением Кючук-Кайнарджийского мирного договора 10 июля 1774 года И.Г. Чернышёв был удостоен орденов Св. Апостола Андрея Первозванного и Св. Александра Невского.

При учреждении Екатериной II в 1782 году ордена Св. Владимира Иван Григорьевич стал одним из первых его кавалеров. Как особое отличие в войне со Швецией в сентябре 1790 года императрица вручила графу специальные редкие награды — дополнительные алмазные знаки ордена Св. Андрея Первозванного «за труды в вооружении флотов при

управлении Морским департаментом».

Взойдя на престол, император Павел I 12 ноября 1796 года возвёл своего любимца в ранг генерал-фельдмаршала по флоту «с тем, однако ж, чтобы он не был генерал-адмиралом», и назначил И.Г. Чернышёва президентом Адмиралтейств-коллегии.

Судьба распорядилась так, что Иван Григорьевич, занимаясь вопросами организации и строительства российского флота, не смог в полной мере применить все свои знания на пользу Отечества, о чём горько сокрушался в завещании. Так, будучи членом Российской академии наук, в 1776 году он за свой счёт подготовил и снарядил научную экспедицию на Камчатку, но по ряду причин она не состоялась.

Вот как говорил об этом выдающемся человеке русский историк и чиновник, тобольский и виленский губернатор тайный советник Д.Н. Бантыш-Каменский: «Граф Иван Григорьевич Чернышев с умом образованным соединял любезность и, вместе, некоторое непостоянство в характере... но в продолжительное пребывание свое вне Отечества остался русским во всем пространстве этого слова...»

Умер Иван Григорьевич 12(23) февраля 1797 года за границей — в Риме, куда выехал на лечение. Его прах был торжественно доставлен в Санкт-Петербург и с воинскими почестями в присутствии императора 31 августа захоронен в церкви Благовещения Александро-Невской лавры.

Публикация Н.Л. Крыловой

Портрет И.Г. Чернышёва
Неизвестный художник

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

11/2026

ISSN-0321-0626

Основан в августе 1939 года

«ВЕЛИКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ МИССИЯ ВЫПАЛА НА ВАШУ ДОЛЮ...»

К 85-летию военного парада на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года

7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве прошёл военный парад в ознаменование 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Этот парад по силе воздействия на ход событий приравнивается к важнейшей военной операции. Он имел огромное значение для поднятия морального духа советского народа, показав миру, что столица СССР не сдаётся и боевой дух Красной армии не сломлен, несмотря на то, что в некоторых местах линия фронта проходила в 30 км от центра города.

6 ноября, сразу после торжественного заседания, состоявшегося на станции метро «Маяковская», И.В. Сталин объявил высшему партийному руководству о времени начала парада войск на Красной площади. Командирам частей, участвовавших в параде, об этом стало известно в 23 ч, а приглашавшимся на Красную площадь представителям трудящихся сообщали о проведении торжества с 5 ч утра 7 ноября. Время начала парада в последний момент перенесли с 10 утра на два часа раньше. Большие опасения вызывала возможность бомбардировки Москвы германской авиацией, поэтому уже с 5 ноября советские Военно-воздушные силы нанесли упреждающие удары по аэродромам противника.

Для защиты парада с воздуха с фронта были сняты истребители, общее число которых составило 550 единиц. Как было сообщено на следующий день, на рубежах города силами 6-го истребительного корпуса и зенитчиками противовоздушной обороны (ПВО) Москвы были сбиты 34 немецких самолёта.

В ночь на 7 ноября по указанию И.В. Сталина кремлёвские звёзды были расчехлены и зажжены, от маскировки был освобождён и Мавзолей В.И. Ленина. В 7 ч 50 мин на трибуне мавзолея появились И.В. Сталин и члены правительства, остававшиеся в Москве. В 8 ч утра из всех громкоговорителей раздался торжественный голос известного советского радиокомментатора и журналиста В.С. Синявского: «Говорят все радиостанции Советского Союза. Центральная радиостанция Москвы начинает передачу с Красной площади парада частей Красной армии,

посвящённого 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции...»

Командовал парадом начальник столичного гарнизона генерал-лейтенант П.А. Артемьев, принимал парад Маршал Советского Союза С.М. Будённый, который в 8 ч выехал на коне из ворот Спасской башни. Последовали рапорт командующего парадом и объезд войск. С речью к войскам и народу страны обратился председатель Государственного комитета обороны, Верховный главнокомандующий и нарком обороны СССР И.В. Сталин. В своей речи он поприветствовал армию, флот, весь советский народ и сказал: «Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина! За полный разгром немецких захватчиков! Смерть немецким оккупантам! Да здравствует наша славная Родина, её свобода, её независимость! Под знаменем Ленина — вперёд к победе!»

Торжественный марш войск на Красной площади открыли курсанты 1-го Московского Краснознамённого артиллерийского училища имени Л.Б. Красина. С развёрнутыми знамёнами, под боевые революционные марши, исполнявшиеся оркестром штаба Московского военного округа под управлением В.И. Агапкина — автора «Прощания славянки», — шли по главной площади страны артиллеристы и пехотинцы, зенитчики и моряки. Потом двинулись конница, пулемётные тачанки, прошли танки Т-34 и КВ.

В параде приняли участие батальоны курсантов Окружного военно-политического училища, Краснознамённого артиллерийского училища, полк 2-й Московской стрелковой дивизии, полк 332-й дивизии имени М.В. Фрунзе, стрелковые, кавалерийские и танковые части дивизии имени Ф.Э. Дзержинского, Московский флотский экипаж, Особый батальон военного совета МВО и Московской зоны обороны, батальон бывших красногвардейцев, два батальона Всеобуча, два артиллерийских полка Московской зоны обороны, сводный зенитный полк ПВО, два танковых батальона резерва Ставки.

Всего в параде участвовали около 28,5 тыс. человек, 140 артиллерийских орудий, 160 танков, 232 автомашины. Из-за плохой погоды (снегопад, пурга, ограниченная видимость) в параде не приняла участия авиация. Парад продолжался 25 минут, но пришедшие на Красную площадь люди убедились в том, что боевой дух армии не сломлен. На трибунах по обе стороны Мавзолея помимо рабочих и служащих находились аккредитованные в столице корреспонденты иностранных газет.

В соответствии с Федеральным законом «О днях воинской славы и памятных датах России» от 13 марта 1995 года 7 ноября — День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвёртой годовщины Октябрьской социалистической революции (1941 г.) — является Днём воинской славы России.

Публикация Н.Л. Крыловой

**Парад на Красной площади
в Москве 7 ноября 1941 года**
Художник К.Ф. Юон

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), оценку степени их научной разработанности (историографический обзор), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.
2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных и сетевых научных (научно-популярных) изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.
3. Рекомендованный объём статьи — 20–30 тыс. знаков с пробелами.
4. Список литературы, оформляемый концевыми ссылками, должен составлять не менее 20 источников, не менее 30% которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации, в том числе в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10% от списка использованных источников.
5. Материал должен обязательно содержать иллюстрации (цветные и чёрно-белые) с указанием источников заимствования и авторских прав.
6. Все поступившие в редакцию работы проходят внутреннее и внешнее рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат» (рекомендуемая оригинальность — 80%), по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Информацию о результатах предварительной экспертизы рукописи авторы могут получить не ранее чем через 15 дней с момента её поступления в редакцию. Редакция имеет право не вступать с авторами в переписку.
7. Статьи направляются в редакцию журнала по e-mail: mil_hist_magazin@mail.ru или ric_vig_1@mail.ru.
8. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов.
9. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Статья должна содержать следующие элементы:

- 1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);
- 2) аннотацию на русском и английском языках (150—200 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую: вступительное слово о теме исследования; цель научного исследования; основные результаты, выводы исследовательской работы. В аннотации не должны повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также её название;
- 3) ключевые слова на русском и английском языках (15—20 слов);
- 4) рукопись должна быть иллюстрирована как чёрно-белыми, так и в обязательном порядке цветными портретами или фотографиями упоминаемых персоналий, сканами исторических документов, картами, диаграммами, схемами, батальной живописью, фото музейных экспозиций, изображениями военной символики и др. из расчёта не менее одной иллюстрации на три страницы текста;
- 5) текст публикации должен содержать автоматические концевые ссылки на источники и литературу, примечания научно-справочного характера;
- 6) примечания должны содержать список литературы (от 20 источников) с полными библиографическими сведениями, который оформляется на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008, архивные и другие исторические источники, сведения научно-справочного характера (краткие биографические сведения, определения терминов и т.д.), которые нумеруются в порядке упоминания в тексте;
- 7) сведения об авторах на русском и английском языках: Ф. И. О. полностью, учёная степень, учёное звание, должность, место работы (название организации), город, страна, почтовый адрес, e-mail.

Общие правила оформления текста

1. Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 x 297 мм).
2. Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в форматах doc и docx (Microsoft Office).
3. Шрифт текста — Arial, кегль (размер шрифта) — 13.
4. Текст набирается с соблюдением следующих правил: поля — верхнее и нижнее — 2,54 см, левое и правое — 3,17 см; межстрочный интервал — полуторный; абзац — автоматический: отступ первой строки на 1,25 см (недопустимо делать отступы (левые, правые) пробелами); перенос слов — отключён; инициалы между собой пробелами не отделяются; при наборе должны различаться тире (—) и дефисы (-); кавычки типографские, внешние — ёлочки «*»*», внутренние — лапки “*”*”.
5. Таблицы нумеруются и ссылками отражаются в тексте. Оформление заголовков таблицы должно быть единообразным. Шрифты в таблице должны быть на один пункт меньше основного текста. Ширина таблицы — не более 16,5 см, высота — до 20 см.
6. Все физические величины, встречающиеся в тексте, должны быть выражены в Международной системе единиц (СИ) согласно ГОСТ 8.417 — 2002 «Единицы физических величин».
7. Иллюстрации:
 - 1) векторные — схемы, графики, созданные средствами Microsoft Word, должны быть сгруппированы и помещаться в печатное поле;
 - 2) растровые — рисунки, фотографии должны быть с разрешением не менее 300 dpi, каждая присылается отдельным файлом в форматах jpg и jpeg.
- Фон рисунков желательно сделать белым, сами рисунки должны быть чёткими, надписи и обозначения — хорошо читаться;
- 3) все иллюстрации в тексте должны быть пронумерованы и иметь подрисовочные подписи, которые оформляются на отдельном файле в форматах doc и docx (Microsoft Office).

Адрес редакции для переписки:
119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, 38,
редакция «Военно-исторического журнала».
Тел.: (495) 941-26-50, (495) 941-26-12
E-mail: ric_vig_1@mail.ru

Подписку на «Военно-исторический журнал» можно оформить:
• по каталогу АО «Почта России» по индексу П5905 в любом почтовом отделении, кроме Республики Крым и г. Севастополя;

• Объединённому каталогу «Пресса России» через ОАО «АРЗИ» по индексу 39887 в почтовых отделениях Республики Крым и г. Севастополя;
• интернет-каталогу «Пресса России», индекс ЭЗ9887 для подписчиков всех регионов;
• интернет-каталогам агентств на сайтах: www.podpiska.pochta.ru www.akc.ru www.ppressa-rr.ru;

• заявке на e-mail: kr_zvezda@mail.ru с личным получением в АО «Красная Звезда», г. Москва, или доставкой бандеролью.

Сдано в набор 18.09.2026
Подписано к печати 19.10.2026
Формат 60x84/8.

Тираж экз. 0000 Зак. № 4488-2026
Регистрац. № 01978 от 30.12.1992

Журнал издаётся ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» Минобороны России
125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38
Тел.: (495) 941-23-80
E-mail: ricmorf@yandex.ru

Отдел рекламы (495) 941-28-46
E-mail: reklama@kornet.ru
Отпечатано в АО «Красная Звезда»
117342, г. Москва, Севастопольский проспект, д. 56/40
Цена свободная
© «Военно-исторический журнал», 2026

Отдел распространения периодической печати (495) 941-39-52
E-mail: kr_zvezda@mail.ru,
Web-сервер: <http://www.redstarprint.ru>
Секретариат (495) 191-15-51

РЕДАКЦИЯ
Главный редактор

ЧАХУХ

Игорь Мадинович,
заслуженный
журналист РФ,
полковник запаса

**Заместитель
главного редактора**

КИКНАДЗЕ

Владимир Георгиевич,
доктор исторических наук,
доцент, член-корреспондент
РАН,
полковник запаса

Научные редакторы

П.А. АФАНАСЬЕВ,
полковник в отставке;

Е.В. ДОБЫЧИНА,
кандидат
исторических наук;

В.А. ЕВДОКИМОВ,
подполковник в отставке;

Н.Л. КРЫЛОВА;

А.Л. КУРСОВА;

С.В. МАНЮКОВ,
полковник в отставке;

А.Н. ОВЧИННИКОВ,
подполковник в отставке;

А.В. ПЕТРОЧИНИН;

А.А. ПИМЕНОВ,
полковник в отставке;

О.А. ТВИРОВА

**Ответственный
секретарь**

М.В. ЗАБРОДИНА

Секретариат

А.А. ЛАНЦОВА
(заместитель
ответственного секретаря);
Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

Н.И. ВАХРОМЕЕВА;

А.М. ПЕТРОВ,
полковник в отставке;
Е.Б. ШМИДТ

Заведующий редакцией
Е.С. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Перевод

А.М. БОРОВИК

Компьютерная вёрстка
Е.Н. ПЛЕТНЁВА

Обложка номера

И.В. НИКОЛАЕВ
капитан 1 ранга запаса

В оформлении обложки номера
использован портрет И.Г. Чернышё-
ва кисти художника Д.Г. Левицкого.
Павловский музей-заповедник.

**ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
УЧРЕДИТЕЛЬ:
МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ноябрь

№11 (799)

2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

I.I. BASIK — the Chief of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.), Senior Researcher (Moscow)

А.А. БУДКО — директор Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы в отставке, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)

A.A. BUDKO — the Director of the Military Medical Museum of the Russian Defence Ministry, Colonel (med. service, ret.), D. Sc. (Medicine), Professor, Honoured Doctor of Russia (St. Petersburg)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Ye.Yu. GUSKOVA — the Director of the Centre for the Studying the Balkans crisis of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

А.А. ЗДАНОВИЧ — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор исторических наук, профессор (Москва)

A.A. ZDANOVICH — Senior Researcher of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Lieutenant-General, D. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)

В.М. КРЫЛОВ — полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор, действительный член РАН, заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)

V.M. KRYLOV — Colonel (ret.), D. Sc. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences (RAMAS), RF Honoured Worker of Culture (St. Petersburg)

В.Н. ЛОБОВ — генеральный инспектор Министерства обороны РФ, генерал армии, доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

V.N. LOBOV — General Inspector of the Ministry of Defence of the Russian Federation, General of the Army, D. Sc. (Mil.), Cand. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)

С.В. МИРОНЕНКО — научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

S.V. MIRONENKO — Scientific leader of the State Archives of the Russian Federation, D. Sc. (Hist.), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник в отставке, кандидат исторических наук (Москва)

A.K. NIKONOV — the Director of the Central Museum of the Armed Forces, Colonel (ret.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Э.А. ПАДЕРИН — начальник Архивного управления Вооружённых сил Российской Федерации, полковник (Москва)

E.A. PADERIN — Head of the Archival department of the Russian Armed Forces, Colonel (Moscow)

И.А. ПЕРМЯКОВ — директор Российского государственного архива новейшей истории, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

I.A. PERMYAKOV — The Director of the Russian State archive of Modern History, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Ю.А. ПЕТРОВ — научный руководитель Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

Yu.A. PETROV — Scientific Leader of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

В.С. ХРИСТОФОРОВ — главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, генерал-лейтенант, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

V.S. KHRISTOFOROV — Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Lieutenant-General, D. Sc. (Law), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.О. ЧУБАРЬЯН — научный руководитель Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

A.O. CHUBARYAN — Scientific leader of the Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences, Academician of the RAS, Professor (Moscow)

«Военно-исторический журнал» включён в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук; в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science; Белый список и Единый государственный перечень научных изданий

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

- 2-я стр. обл.** «Великая освободительная миссия выпала на вашу долю...». К 85-летию военного парада на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года (*Публикация Н.Л. Крыловой*)

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

- 4** **В.В. ГАВРИЩУК** — «Людей для проведения такой операции в штабе руководства иметь поменьше, но потолковее...». Особенности организации связи в Днепровской воздушно-десантной операции 1943 года
- 18** **Л.Ч. ХАБЛИЕВА** — Вклад Северной Осетии в Великую Победу. Региональные аспекты Великой Отечественной войны

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

- 26** **А.С. САЕНКО** — «Мы добьёмся, чтобы оценка таких преступлений была незыблема в системе международного права». Историческая оценка преступлений нацистов и их пособников на территории Донбасса в 1941—1943 гг.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

- 38** **В.В. КАНИЩЕВ** — «Теперь уже не приходилось жалеть патронов и дрожать за каждый израсходованный снаряд...». Первые дни Брусиловского прорыва в документах и воспоминаниях его участников
- 48** **Ш.К. АХМЕТШИН** — «При наборе людей всадники шли с полной охотой...». Татарский конный полк Кавказской туземной дивизии в период Первой мировой войны

ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЁННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX—XXI вв.

- 56** **В.Н. ПРЯМИЦЫН, Э. КАЛЫБЕК УУЛУ** — «Горная местность никогда не служила препятствием для наступления русских и советских воинов». Горные аспекты физической подготовки военнослужащих 40-й общевойсковой армии в Афганистане в 1980—1988 гг.
- 64** **А.С. САФОНОВ, А.А. ДМИТРИЕВ** — «...Оказать посильную помощь истекающей кровью пехоте». Взаимодействие армии и флота в Тифлисской операции 1921 года

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

- 70** **А.В. БУДАНОВ** — «Все конструктивные и технологические улучшения по изделию Р-11 будут внедрены и на изделиях Р-11ФМ, изготавливаемых заводом № 385». Становление производства ракет семейства Р-11 в г. Златоусте Челябинской области в 1955—1960 гг.

ЭКОНОМИКА И ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ

- 78** **А.Н. ЩЕРБА** — «Мины последнего заказа заводу Лесснера были прекрасны во всех отношениях...». Производство торпедного вооружения в Санкт-Петербурге в последней четверти XIX века
- 86** **Н.С. БАЙКАЛОВ** — «Шли от малого к большому, от палаток — к сборно-щитовым домам и казармам...». Формирование военных городков железнодорожных войск на строительстве Байкало-Амурской магистрали (1970—1980-е гг.)

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

- 96** **К.А. КИСИН, В.Р. КРАВЧУК** — «...Идти бить нечестивых врагов». Религиозные организации Российской империи в мобилизации боевого духа народа и войск в начале Первой мировой войны

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

- 106** **А.А. БОЧАРОВ** — «...Законченный тип испытанных опытных и выдержанных моряков». Вольные матросы в Военно-морском флоте Российской империи (1830—1870 гг.)

НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ

- 112** **А.А. ЗДАНОВИЧ** — «Арест полицейскими... явился следствием игнорирования элементарной конспирации со стороны самого тов. Павлова». Действия советских контрразведчиков по спасению попавшего в окружение в ходе операции «Скачок» командира 25-го танкового корпуса генерал-майора П.П. Павлова

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

- 116** **О.Ю. ТУРАНЦЕВ, А.Д. АЛЕКСЕЕВА** — «С распространением границ империи Всероссийской необходимо... и обеспечение оных, назнача по удобствам новые крепости...». Карты крепостей Российской империи

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

- 4-я стр. обл.** «За примерные труды на благо Отечества». К 300-летию со дня рождения генерал-фельдмаршала по флоту И.Г. Чернышёва (*Публикация Н.Л. Крыловой*)

CONTENTS

MEMORABLE DATES	
“A great mission of liberation fell to you...” On the 85th Anniversary of the military parade in Moscow’s Red Square, November 7, 1941 (<i>Publication by N. L. Krylova</i>)	p. 2 of the cover
GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945	
V.V. GAVRISHCHUK — “To conduct such an operation, the command staff should have fewer, but more skilled people...” Features of the communications organization in the Dnieper Airborne Operation of 1943	4
L.Ch. KHABLIYEVA — North Ossetia’s contribution to the Great Victory: regional aspects of the Great Patriotic War	18
NO LIMITATION PERIOD	
A.S. SAYENKO — “We will ensure that the evaluation of such crimes remains unwavering within the framework of international law.” A historical analysis of the crimes committed by the Nazis and their collaborators in the Donetsk and Lugansk regions during the 1941–1943 period	26
FIRST WORLD WAR	
V.V. KANISHCHEV — “Now, there was no need to spare ammunition or worry about each spent shell...” The first days of the Brusilov Offensive: documents and memories from its participants	38
Sh.K. AKHMETSHIN — “When recruiting soldiers, the horsemen approached their task with great enthusiasm...” The Tatar Cavalry Regiment of the Caucasus Native Division during the First World War	48
LOCAL WARS AND ARMED CONFLICTS IN THE 20–21st CENTURIES	
V.N. PRYAMITSYN, E. KALYBEK-UULU — “Mountainous terrain was never an obstacle for the advance of Russian and Soviet soldiers”. The role of mountainous terrain in the physical fitness of soldiers of the 40th Combined Arms army during the War in Afghanistan (1980–1988)	56
A.S. SAFONOV, A.A. DMITRIYEV — “Provide all possible assistance to the bleeding infantry”. Cooperation between the Army and Navy during the Tiflis Operation of 1921	64
HISTORY OF WEAPONS AND EQUIPMENT	
A.V. BUDANOV — “All design and technological improvements made to the R-11 missiles will also be applied to R-11FM missiles manufactured at Plant No. 385”. The production of the R-11 missile family in Zlatoust, Chelyabinsk Oblast between 1955 and 1960	70
ECONOMY AND ARMED FORCES	
A.N. SHCHERBA — “The mines of the latest order from the Lessner plant were excellent in every respect...” Torpedo production in St. Petersburg during the last quarter of the 19th century	78
N.S. BAYKALOV — “They went from small to large, from tents to prefabricated houses and barracks”. The formation of military towns for railway troops during the construction of the Baikal-Amur Mainline in the 1970s and 1980s	86
ARMY AND SOCIETY	
K.A. KISIN, V.R. KRAVCHUK — “...To go and fight against evil enemies.” How religious organizations in the Russian Empire inspired the fighting spirit of people and soldiers at the beginning of World War I	96
MILITARY CHRONICLE OF HOMELAND	
A.A. BOCHAROV — “...The finished type of experienced and seasoned sailors”. Free sailors in the Navy of the Russian Empire (1830–1870)	106
UNKNOWN FACTS FROM THE LIFE OF SECRET SERVICES	
A.A. ZDANOVICH — “The arrest of Comrade Pavlov was a result of his failure to take basic security precautions”. On the actions of Soviet counterintelligence officers to rescue Major General Pyotr P. Pavlov, the commander of the 25th Tank Corps during Operation Leap, when he was surrounded by enemy forces	112
A MILITARY HISTORIAN’S BOOKSHELF	
O.Yu. TURANTSEV, A.D. ALEKSEYEVA — “With the expansion of the borders of the All-Russian Empire, it becomes necessary to ensure their safety by establishing new fortifications wherever convenient”. Maps of the fortresses of the Russian Empire	116
MEMORABLE DATES	
“For exemplary service to the Fatherland...” On the 300th anniversary of the birth of Fleet Admiral I.G. Chernyshov (<i>Published by N.L. Krylova</i>)	p. 4 of the cover

«ЛЮДЕЙ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ТАКОЙ ОПЕРАЦИИ В ШТАБЕ РУКОВОДСТВА ИМЕТЬ ПОМЕНЬШЕ, НО ПОТОЛКОВЕЕ...»

Особенности организации связи в Днепровской воздушно-десантной операции 1943 года

Сведения об авторе. Гаврищук Владимир Владимирович — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, главный редактор журнала «Право и образование», доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Москва. E-mail: vgavr@1957@mail.ru).

Аннотация. В статье на основе архивных материалов раскрыты мероприятия по организации связи в Днепровской воздушно-десантной операции, проведённой осенью 1943 года. Показаны подготовительные действия, предусматривавшие разработку установленной документации по организации связи, инструктирование должностных лиц, обеспеченность десанта техническими средствами связи. Выявлены причины потери коммуникаций с десантом, отражены недостатки в действиях связистов непосредственно в ходе десантирования и в первые дни после их приземления в тылу противника. Освещены оперативные меры, предпринятые командованием Воронежского фронта и Воздушно-десантных войск Красной армии по восстановлению связи с парашютистами. Особое внимание обращено на боевую работу воинов-связистов в период успешных действий десанта в полосе 2-го Украинского фронта по захвату и удержанию плацдарма на западном берегу Днепра. В заключительной части исследования представлены выводы и сформулированы предложения по совершенствованию как организации связи десанта, так и самой воздушно-десантной операции.

Ключевые слова: Воздушно-десантные войска Красной армии; Днепровский воздушный десант; воздушно-десантная операция; воздушно-десантная бригада; радиосвязь; радиостанция; технические средства связи; парашютисты; радисты; Г.К. Жуков; И.И. Затевахин; П.М. Сидорчук; А.Ф. Новиницкий; А.Г. Капитохин; Г.Н. Чухрай.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Воздушно-десантные войска (ВДВ) Красной армии участвовали в нескольких воздушно-десантных операциях. Все они были разными по замыслу, подготовке и проведению, задачам, стоявшим перед парашютистами, разнились масштабами привлечённых сил и средств. Однако наиболее яркой и, пожалуй, самой памятной стала Днепровская воздушно-десантная операция, отличавшаяся массовостью выброски советских парашютистов в ночное время суток¹, жёсткими боевыми столкновениями с противником и сложными, а часто трагическими ситуациями, возникшими в ходе и после их приземления.

Днепровская воздушно-десантная операция была проведена 24 сентября – 25 ноября в ходе битвы за Днепр 1943 года в целях содействия войскам Воронежского фронта в форсировании реки. Планом

операции предусматривалось в течение двух ночей выбросить воздушный десант в Букринской излучине Днепра для захвата и удержания плацдарма на рубеже Липовый Рог, Македоны, Шандра, Степанцы, Костянец, Канев до выхода в этот район войск фронта.

В состав десанта привлекались 1, 3 и 5-я гвардейские воздушно-десантные бригады (гвдбр) (около 10 тыс. человек, 24 45-мм орудий, 180 50- и 82-мм миномётов, 378 противотанковых ружей, 540 пулемётов), временно объединённые в воздушно-десантный корпус (вдк) (генерал-майор И.И. Затевахин). Для обеспечения его десантирования планировалось от авиации: дальнего действия — 150 самолётов ПС-84, 150 ночных бомбардировщиков Ил-4; от авиации Воронежского фронта — самолёты У-2, самолёты-истребители, самолёты-разведчики и штурмовики Ил-2; ВДВ Красной армии — 10 самолётов — бук-

сировщиков планеров, 3 самолёта Ил-4 для выброски пушек на парашютах и 35 планеров А-7 и Г-11.

Операция готовилась в ограниченные сроки с использованием устаревших разведданных о противнике, что отрицательно повлияло на её результаты. Выброска 1-го эшелона 3 и 5 гвдбр осуществлялась вечером 24 сентября. Завершилось десантирование личного состава этих бригад утром следующего дня. Противник 24 сентября перебросил в район Букринской излучины Днепра шесть дивизий (24 тк), что не было установлено советской разведкой. Поэтому выброска парашютистов 3 и части 5 гвбр производилась зачастую над боевыми порядками врага, под сильным зенитным и стрелковым огнём его ПВО. Многие экипажи самолётов потеряли ориентировку, произвели выброску с больших высот, на высоких скоростях и в обширном районе (на площади 30 x 90 км). Всего было произведено 296 самолёто-вылетов, выброшены 4783 человека (без учёта парашютистов-разведчиков из состава 1 гвдбр) и 660 упаковок с боеприпасами и групповым оружием. Часть десантных подразделений оказалась в расположении вражеских войск и понесла большие потери, практически полностью было нарушено управление подразделениями и частями десанта. Связь штаба фронта с бригадами была потеряна, и дальнейшее десантирование прекратилось. Десять суток десантники

К сожалению, в научно-исторической литературе и публицистике до настоящего времени имеются значительные пробелы в объективном освещении названной операции. Прежде всего это касается вопроса использования в ней средств радиосвязи. Поэтому автор, опираясь на документы, находившиеся ранее на архивном хранении под грифом «секретно», анализирует план организации связи в операции, трудности, возникшие на её первом этапе, а также раскрывает последую-

щую работу связистов в боевой обстановке в тылу противника. На наш взгляд, важно внести ясность и точность в вопрос организации связи в Днепровском воздушном десанте, устранить имеющиеся до сегодняшнего дня белые пятна, ошибки и недосказанности.

К 1943 году связь в ВДВ в основном осуществлялась по радио с применением переносных радиостанций. Она имела свои особенности, связанные с мобильностью и автономностью действий парашютистов в тылу

вели бои отдельными группами. Лишь 5 октября командир 5 гвдбр подполковнику П.М. Сидорчуку удалось объединить в Каневском лесу несколько отрядов и групп в бригаду и установить связь со штабом фронта. Ведя активные действия, бригада продолжала присоединять к себе отдельные группы десанта и партизан. В конце октября объединённая бригада (до 1200 человек) прорвалась в Черкасский лес, установила связь со штабом 52-й армии 2-го Украинского фронта, находившейся на этом направлении, и начала действовать в её интересах.

Десант за период боёв в тылу врага потерял более 40 проц. личного состава. Хотя первоначальная цель десанта в полосе Воронежского (1-го Украинского) фронта вследствие крупных недостатков в его подготовке и проведении не была достигнута, десантники активными боевыми действиями оттянули на себя часть сил противника и совместно с партизанами нанесли ему значительный урон.

Наиболее ярко и героически объединённая бригада парашютистов под командованием подполковника Сидорчука проявила себя в ходе боевых действий в середине ноября 1943 года. Внезапными ударами с тыла она овладела сильно укреплёнными опорными пунктами обороны противника Лозовок, Секирна, Свиждовок и тем самым содействовала успешному форсированию Днепра войсками 52-й армии 2-го Украинского фронта.

врага. Радиосвязь использовалась для коммуникации с Большой землёй (штабами фронта, ВДВ и транспортной авиации), между десантными подразделениями (группами). Как правило, в ходе выполнения боевых заданий другие виды связи десантом не практиковались.

Переходя к рассмотрению особенностей организации связи в ходе подготовки и проведения Днепровского воздушного десанта, отметим, что длительное отсутствие радиосвязи штаба фронта и оперативного штаба

Схема общего замысла Днепровской воздушно-десантной операции

Составлена по: Лисов И.И., Рождественский С.Е. Воздушные десанты. М.: Воениздат, 1959. С. 86.

Плакат для обучения личного состава Воздушно-десантных войск Красной армии прыжкам с самолёта ПС-84 1942 г.

ВДВ с десанниками, действовавшими в тылу противника, стало одним из важнейших факторов, негативно повлиявшим на первом этапе операции как на ход и результаты десантирования, так и на ведение парашютистами боевых действий.

План проведения воздушного десанта на р. Днепр, утверждённый 19 сентября 1943 года представителем Ставки Верховного Главнокомандования Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым, относительно организации связи, во-первых, категорически запрещал пользоваться существовавшими проводными телефонными и телеграфными линиями по вопросам проведения десантной операции; во-вторых, разрешал телефонно-телеграфную связь по специально выданному коду и лишь с началом операции; в-третьих, установил, что управление воинскими частями до начала десантирования следовало осуществлять личными приказами командиров и через офицеров связи; в-четвёртых, предусматривал установление бесперебойной оперативной связи с партизанскими отрядами, действовавшими в местах десантирования. Кроме того, план определял, что указания и схему связи на операцию офицерам задействованных штабов следовало разработать к 12 ч 20 сентября 1943 года. В целях повышения скрытности операции Г.К. Жуков приказал: «Людей для проведения такой операции в штабе руководства иметь поменьше, но потолковее...»².

Что же касается применения десантом средств радиосвязи, то следует констатировать — должного внимания в плане на операцию оно не получило и было затронуто лишь фрагментарно³. Так, в документе отмечено: радиостанции авиационных разведчиков и наблюдателей должны работать на одних волнах с десантными частями, чтобы они могли в полной мере и своевременно использовать их данные.

И ни слова о средствах радиосвязи парашютистов...

Обратим внимание на мероприятия, которые осуществлялись в целях поддержания устойчивой связи. Для этого воспользуемся докладом «Об организации связи в воздушно-десантной операции 1, 3 и 5-й воздушно-десантных бригад (с 18 сентября по 7 октября 1943 г.)», подготовленным 14 октября 1943 года старшим помощником начальника связи ВДВ майором Шуевым и представленным начальнику 3-го отдела штаба ВДВ полковнику Васильеву⁴.

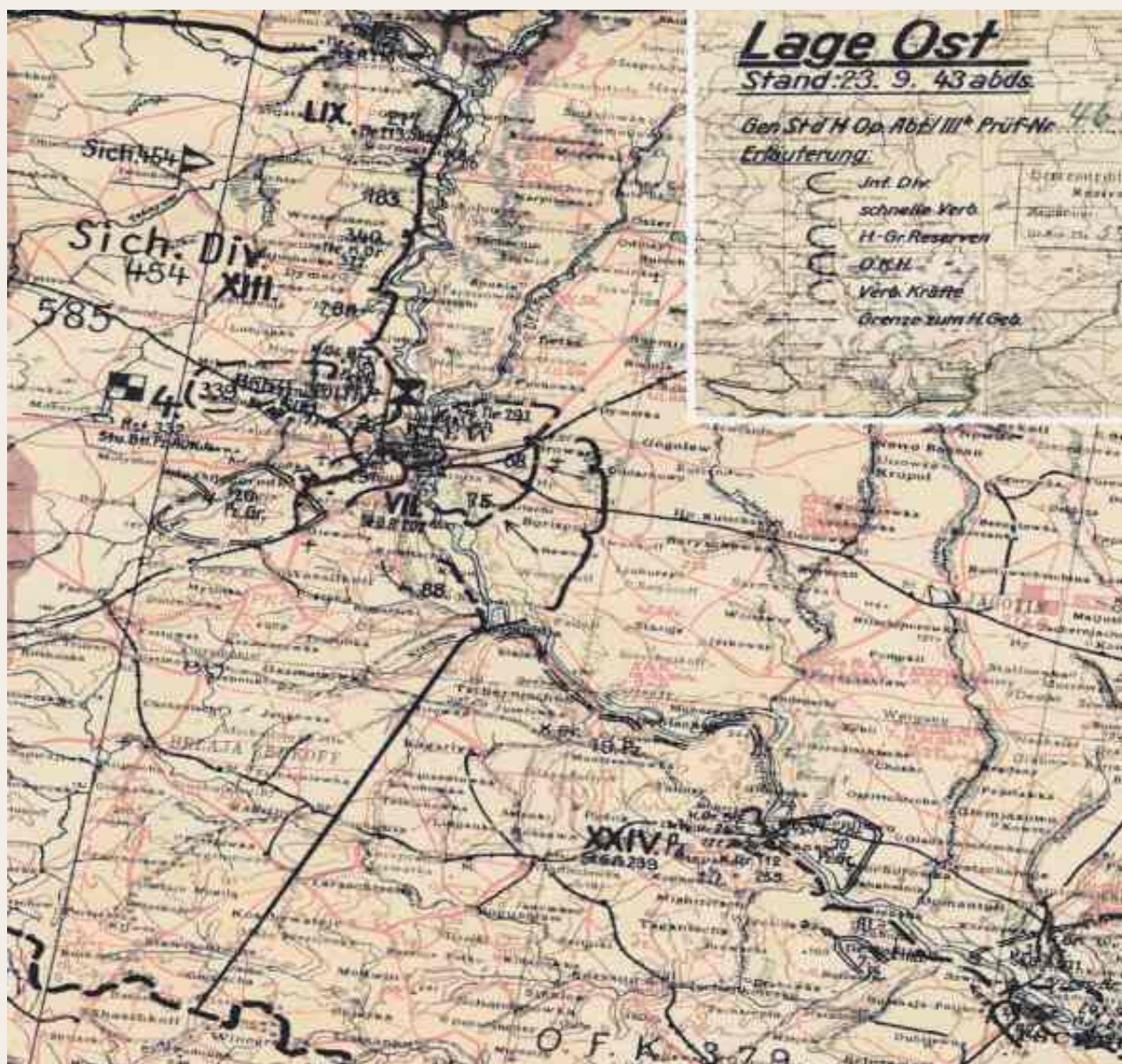
В своём докладе майор Шуев отметил, что 20 сентября в 20 ч он был вызван заместителем

командующего ВДВ по авиации генерал-майором М.П. Спириным в штаб оперативной группы десантников, расположенный в одной из комнат штаба Воронежского фронта. Здесь начальником штаба вдк полковником В.К. Нестеровым ему была поставлена задача внести предложения по организации связи и приступить к подготовке проекта приказа.

Однако оформить такой приказ не представлялось возможным, т.к. в полном объёме своих средств связи 1, 3 и 5 гвдбр не имели. В соответствии с планом операции средства связи гвардейским соединениям должны были выделить соответствующие

структуры фронта. Кроме того, организацию связи с десантом должен был обеспечивать штаб Воронежского фронта. Поэтому возникла необходимость все вопросы организации связи в воздушно-десантной операции увязать с начальником связи фронта.

21 сентября 1943 года начальник управления связи Воронежского фронта генерал-майор А.Ф. Новиницкий подписал распоряжение № 00908/1 начальникам связи 1, 3 и 5-й гвардейских воздушно-десантных бригад и воздушно-десантного корпуса об организации радиосвязи с десантными частями после проведения выброски.

Фрагмент трофейной карты с оперативной обстановкой на советско-германском фронте в районе Букрина на 23 сентября 1943 г.

душной армии располагались в г. Лебедине в непосредственной близости от оперативной группы ВДВ.

Поздним вечером 21 сентября 1943 года майор Шуев доложил генерал-майору М.П. Спирину и полковнику В.К. Нестерову схему связи, распоряжение начальника связи Воронежского фронта и схему радиосвязи штаба корпуса со штабами гвдбр. Представленными документами полковник Нестеров остался доволен и заявил, что план организации связи воздушного десанта его полностью удовлетворяет⁷.

Вместе с тем к исходу 21 сентября в штабе оперативной группы ВДВ возникли вопросы:

1. Как будет обозначаться площадка выброски десанта и грузов в тылу противника?

2. Будут ли в ходе проведения десантирования применяться пиротракеты?

Отвечая на возникшие вопросы, генерал-майор М.П. Спирин и полковник В.К. Нестеров сообщили подчинённым офицерам, что площадка выброски будет обозначена путём поджога четырёх обезлюдивших деревень, находившихся на правом берегу Днепра. Далее было отмечено, что задача по поджогу этих населённых пунктов возложена на партизан и бомбардировочную авиацию, которые вечером перед самой выброской десанта должны будут выполнить указанную работу. По этой причине применение в качестве условных сигналов пиротракетов не планировалось⁸.

В тот же день рассматривался вопрос об организации связи с аэродромом Смородино, где располагался 1-й отдельный авиационно-планерный полк ВДВ, предназначенный для транспортировки парашютистов, боеприпасов и вооружения с помощью планеров. Как отметил начальник связи 2-й воздушной армии подполковник Д.В. Хрусталёв, это было связано с тем, что батальон аэродромного обеспечения (бао) с аэродрома Смородино уже был перебазирован на новое место, а новый бао ещё не прибыл.

В.К. Нестеров

Вместе с тем заместитель командующего 2-й воздушной армией генерал-майор В.В. Нанейшвили гарантировал обеспечение связи с указанным аэродромом. В итоге связь с аэродромом Смородино была организована, но осуществлялась окружным путём через 2-ю воздушную армию, и на прохождение донесений уходило от двух до трёх часов⁹, что впоследствии негативно сказалось на выполнении поставленных задач.

По этому поводу в одном из документов, находящихся на хранении в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), автору статьи удалось обнаружить и более категоричное мнение. В документе отмечается, что схема связи в период нахождения бригад в районе сосредоточения требованиям оперативного руководства не отвечала, т.к. с некоторыми аэродромами взлёта она зачастую полностью отсутствовала¹⁰.

23 сентября 1943 года майор Шуев вручил начальникам связи 1 и 3 гвдбр указания по связи со штабом Воронежского фронта и штабом вдк. При этом было дано поручение на использование радиостанций «Север» (дублировавшие на неэкваториальных волнах) и проверку материаль-

ной части радиостанций, планировавшихся к использованию в воздушном десанте.

23 и 24 сентября 1943 года в 1 и 3 гвдбр и штабе вдк были проверены радиостанции «Прима», а также состоялся инструктаж начальников радиостанций. Как видно из архивных документов, данные по связи для 5 гвдбр были вручены начальнику штаба бригады через старшего офицера Генерального штаба Красной армии при Воронежском фронте полковника М.Н. Костина. Лично поставить задачу начальнику связи 5 гвдбр майору Шуеву не удалось, т.к. тот находился на одном из аэродромов взлёта Богодуховского аэроузла на расстоянии 80 км от штаба оперативной группы ВДВ.

Отметим, что начальники связи воздушно-десантных соединений прибыли в район сосредоточения, не имея готовых данных для организации связи внутри бригад. Поэтому разработка указаний по внутренней связи между батальонами и другими подразделениями производилась наспех, без соответствующего инструктажа начальников радиостанций¹¹.

24 сентября 1943 года выписки и схемы радиосвязи были вручены заместителю командующего ВДВ генерал-майору И.И. Затевахину¹², который выезжал в штаб 40-й армии Воронежского фронта. Радиостанция для его коммуникации со штабами гвдбр и штабом вдк была выделена распоряжением начальника связи 40-й армии. Кроме этого, для армии были отправлены схемы радиосвязи взаимодействия. И, наконец, в соответствии с установленным планом необходимые средства радиосвязи десантным соединениям были предоставлены тылом 40-й армии¹³.

Непосредственное десантирование 3 гвдбр (в полном составе) полковника В.К. Гончарова и 5 гвдбр (примерно 1/2 численного состава) под командованием подполковника П.М. Сидорчука состоялось в течение вечера 24 сентября и последующей

26 сентября в дневное время это подразделение связистов соединилось с достаточно большой группой парашютистов, которыми командовал начальник политотдела 5 гвдбр майор Л.Х. Лев. Здесь имелась ещё одна станция 12-РП из радио-звода лейтенанта Г.Н. Чухрая, который после возвращения из

[illegible]

Ключи к ПТ-42-1 и таблицы № 100-П с 23 сентября по 5 октября 1943 г.
ЦАМО РФ. Ф. 37. Оп. 11431. Д. 70. Л. 53.

КВ-радиостанция «Север»

**Фрагмент рапорта командира радиовзвода 3 гвдбр
лейтенанта Г.Н. Чухрая**
ЦАМО РФ. Ф. 37. Оп. 11431. Д. 70. Л. 153.

десантной операции доложил: «С помощью этой станции мы пытались связаться с радиостанциями бригадной сети, но ответов на наши вызовы не получали. После двух дней безрезультатной работы мы решили связаться с нашими войсками, действующими с фронта, но все попытки наши вступить в связь со станциями, работающими на берегу Днепра, не удались. Рации или уходили на другую волну, или отвечали: “Не мешайте работать”. Мы принимали все меры вплоть до того, что называли себя: “Мы парашютисты”, “Мы от Капитохина”, “Отвечайте, мы имеем для вас важные сведения”, “Ватутин нас знает”, “Спросите о нас у хозяина”, но на всё это получали ответ: “Не мешайте работать” или рации уходили с этой волны»¹⁸.

По нашему мнению, можно с большой долей уверенности предположить, что с помощью рации, развёрнутой по команде лейтенанта Г.Н. Чухрая утром 25 сентября 1943 года в тылу противника, радисты слышали позывные рации 1 гвдбр, прозвучавшие в 9 ч 24 мин. Однако начавшееся боестолкновение парашютистов с фашистами не позволило обеспечить радиосвязь.

Анализ архивных документов показал, что в сложившихся условиях у группы десантников-связистов под командованием лейтенанта Чухрая, находившейся в тылу противника, никакой реальной возможности для передачи или приёма радиоданных не было.

Несколько позднее по приказу майора Л.Х. Льва лейтенант Г.Н. Чухрай во главе группы красноармейцев перешёл линию фронта с задачей установить связь между парашютистами, действовавшими в тылу врага, и наступавшими советскими войсками. Об этом событии Чухрай вспоминал: «Решили тогда троих, в том числе и меня, послать через Днепр на связь. <...> И вот мы у своих. Там получили приказ вывести свой отряд через линию фронта»¹⁹. Данные

П.М. Сидорчук

слова подтверждаются справкой, выданной Чухраю 13 октября 1943 года начальником штаба 47-й армии полковником Е.В. Ивановым.

Приведём пример из действий другой группы десантников. Так, приземлившись в районе д. Черныши, к рассвету 25 сентября 1943 года капитан В.К. Маркин²⁰ располагал значительным числом парашютистов (110 человек). Отряд имел одну радиостанцию. По приказу командира личный состав сразу же начал оборудовать оборонительную позицию в лесу севернее названной деревни, производя отрывку индивидуальных ячеек. В то же время связисты готовили рацию к выходу в эфир, но вследствие её неисправности связь установить не удалось. Станцию пришлось спрятать, зарыв её по приказу капитана В.К. Маркина в землю. Как показало исследование, имели место и другие подобные случаи²¹.

Так как с десантом отсутствовала связь, в тыл противника в ночь на 28 сентября 1943 года были выброшены три разведгруппы добровольцев из состава 1 гвдбр под командованием старшего лейтенанта А.С. Доронина, младших лейтенантов А.Н. Абрамова и З.Г. Кулова.

Причём первые две группы имели по одной радиостанции РСБ с повышенной антенной. Разведгруппа младшего лейтенанта Кулова радиостанции не имела²². Задача групп состояла в том, чтобы найти командиров 3 и 5 гвдбр и передать им приказ командования о срочном выводе своих соединений на левый берег Днепра. Для этих групп была составлена оперативная схема радиосвязи, которую вручили начальникам раций. Каждому из них указывались данные связи внутри воздушно-десантного корпуса (радиосети № 1 и № 2). Кроме этого, с группами были установлены простейшие сигналы для связи с экипажами самолётов — ракетами и пирофакелами.

28 сентября в 4:00 в район выброски разведгрупп вылетели самолёты с представителями 1 гвдбр, которые доложили, что на сигнал с борта самолёта с земли поступил ответ, обозначавший, что группы соединились с десантом. Но через некоторое время выяснилось, что это утверждение было ошибочным. Следом по приказу командующего ВДВ генерал-майора А.Г. Капитохина был выслан самолёт У-2 с задачей произвести посадку в районе предполагаемого действия десанта и связаться с ним. Однако самолёт был подбит вражеским истребителем, загорелся в воздухе и приземлился на территории, занятой советскими войсками. Экипаж самолёта — старший лейтенант Еремеев и сержант Воронов — получил ранения²³.

30 сентября 1943 года заместитель начальника связи 40-й армии полковник Радченко сообщил, что им выделены дополнительные приёмники для прослушивания сетей № 1 и № 2 вдк и сети взаимодействия. Эти приёмники находились в передовых воинских частях на правом берегу Днепра, но работу радиостанций десанта не обнаружили.

Первая разведгруппа с радиостанцией приземлилась в районе

д. Пии. Однако при десантировании рация была разбита, а личный состав, не обнаружив парашютистов, 4 октября 1943 года вернулся в расположение своих войск. От второй разведгруппы, выброшенной с радиостанцией, сведений не было. И лишь 6 октября 1943 года радисты 47-й армии приняли радиogramму этой рации за подпись командира 5 гвдбр подполковника П.М. Сидорчука. Причём благодаря этой радиостанции в дальнейшем поддерживалась связь с воздушно-десантной бригадой, действовавшей в тылу противника.

После благополучного приземления разведывательная группа под командованием младшего лейтенанта З.Г. Кулова обследовала места, где по планам должны были находиться КП 3 и 5 гвдбр. При переходах группа встречала отдельных парашютистов и мелкие группы десанта, но установить связь с командованием бригады ей не удалось. Возвратилась она из тыла противника после выполнения оперативного задания лишь 4 декабря 1943 года.

Одновременно с выброшенными в тыл противника разведгруппами из состава 1 гвдбр к Днепру на автомобиле был направлен помощник начальника оперативного отдела бригады майор Трусов. Он следовал на легковом автомобиле «Виллис», в котором находилась радиостанция, и прибыл в назначенное место на берегу реки в 16 ч 28 сентября 1943 года. Однако, пробыв здесь более двух суток, офицер установить связь с выброшенными группами парашютистов-разведчиков не сумел²⁴.

3 октября из тыла противника прибыла радистка роты связи Т.А. Кислицина, которая заявила, что рация РБ разбилась, а рации «Прима» и «Север» сгорели в подбитом немцами транспортном самолёте Ли-2. На следующий день в расположение своей части возвратился красноармеец Буянов, выброшенный в составе разведгруппы старшего лейте-

В.К. Гончаров

нанта А.С. Доронина, и сообщил, что его группа с десантом не встретила (радиостанция РБ, позывной «Дно»). 6 октября радиостанцией разведки 47 А была перехвачена радиogramма от радиостанции с позывным «Дуб» разведгруппы младшего лейтенанта А.Н. Абрамова. В 18:00 эта же рация дала радиogramму, в которой сообщила свои координаты.

В 18 ч 7 октября связь оперативной группы ВДВ, располагавшейся в г. Лебедине, со всеми воинскими частями, штабом Воронежского фронта и Москвой была снята. В тот же день десанникам было приказано возвратиться в штаб фронта выделенный им на время радиоузел.

Таким образом, можно констатировать, что полноценную связь руководства с десантом на первом этапе операции установить не удалось. На наш взгляд, отсутствие радиосвязи штаба фронта и оперативной группы ВДВ со штабами гвдбр и вдк, десантировавшихся в тыл противника, объясняется следующим.

Во-первых, выброска десанта была произведена на высокой скорости и с больших высот (до 2 км), вследствие чего в ночное время связисты, входившие в состав расчётов радиостанций,

оказались разбросанными друг от друга на большие расстояния.

Во-вторых, отдельные радиостанции разбились при неудачном приземлении парашютистов.

В-третьих, многие связисты десантировались непосредственно в расположение немецких частей, вступили в бой и погибли (или оказались в плену).

В-четвёртых, радиостанции были распределены по самолётам неправильно. Например, в самолёте, в котором вылетело командование вдк и 3 гвдбр, средств связи не было вообще²⁵.

Требуется уточнения вопрос, связанный с количеством радиостанций, использованных в ходе десантирования. Так, в шифровке на имя Маршала Советского Союза И.В. Сталина от 2 октября 1943 года командование Воронежского фронта сообщило, что в тыл противника были выброшены 32 радиостанции и 20 особых бойцов-связистов²⁶. По мнению некоторых исследователей, с парашютистами были выброшены 30 радиостанций. В свою очередь И.И. Лисов и С.Е. Рождественский писали, что после приземления и сбора на территории, занятой противником, из всех десантированных радиостанций лишь пять маломощных могли работать. Судьба 26 других, в т.ч. четырёх радиостанций оперативной группы штаба вдк, была неизвестна²⁷. Значит, эти авторы считали, что у десанта имелась 31 радиостанция.

Конечно, это не самая существенная проблема, но вместе с тем она, безусловно, требует дополнительного исследования.

В настоящее время в российской историографии существуют различные мнения по вопросу сроков установления связи десанниками, действовавшими в тылу противника, с командованием Воронежского фронта и командованием ВДВ. Например, авторы книги «Воздушные десанты» И.И. Лисов и С.Е. Рождественский полагали, что такая связь была установлена 6 октября 1943 года²⁸. Аналогичную позицию И.И. Лисов отстаивал

Схема основных этапов Днепровской воздушно-десантной операции

Составлена по: Лисов И.И., Рождественский С.Е. Воздушные десанты. М.: Воениздат, 1959.

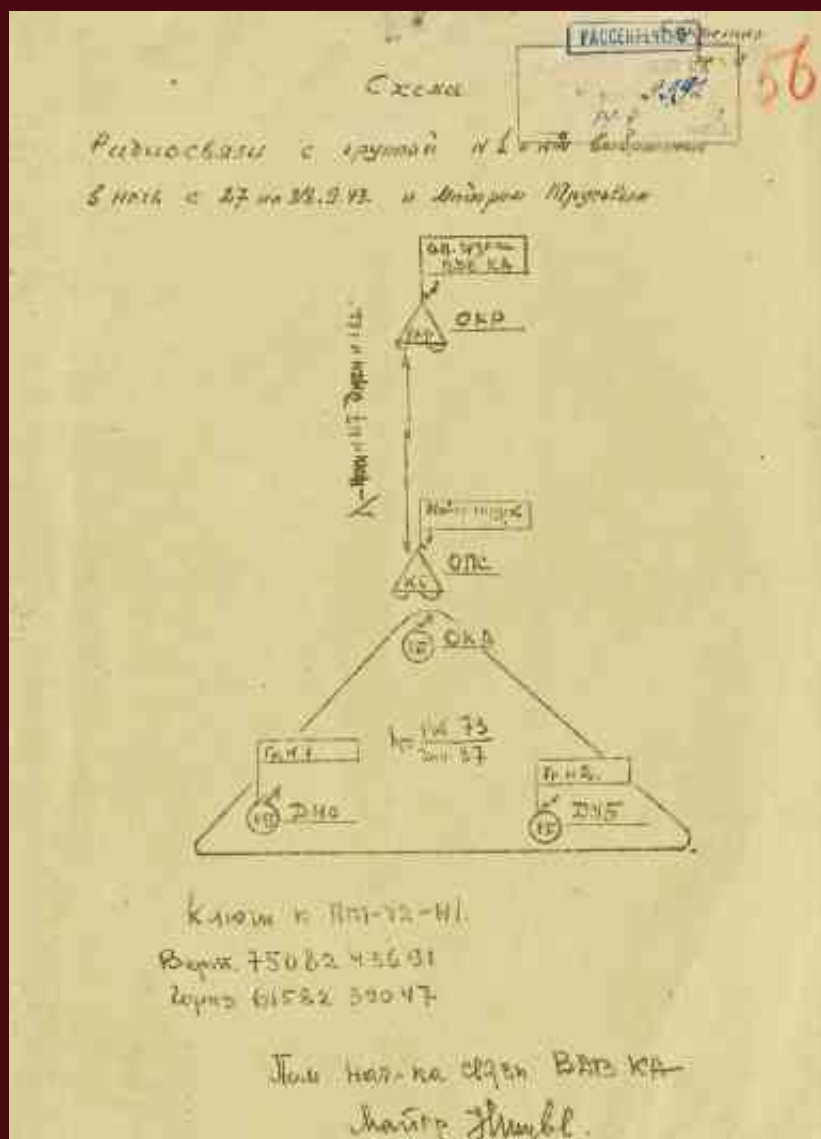

Схема связи оперативной группы ВДВ КА с разведгруппами № 1 и № 2, выброшенными в ночь на 28 сентября 1943 г., и майором Трусовым ЦАМО РФ. Ф. 37. Оп. 11431. Д. 70. Л. 56.

в своей диссертации по теме «Строительство и опыт применения Воздушно-десантных войск в Великой Отечественной войне (1930—1945 гг.)»²⁹, защищённой в 1972 году.

Как правило, в последующие годы военные историки данное утверждение безоговорочно поддерживали. Так, современный историк И.Н. Сидоров считает, что, несмотря на значительное число радиостанций, имевшихся в распоряжении десантников, связь с ними установить удалось лишь 6 октября 1943 года³⁰. Такая же точка зрения присуща и его коллеге по Рязанскому гвардейскому высшему воздушно-десантному командному училищу имени генерала армии В.Ф. Маргелова В.И. Шайкину³¹, который полагает днём установления связи с десантом также 6 октября 1943 года. По его мнению, этому способствовала специальная доставка парашютистам дополнительных средств радиосвязи. Далее он существенно образом изменяет свой тезис и утверждает, что, начиная с 15 октября 1943 года, в результате применения двух радиостанций («Север» и РБ) десант наконец получил устойчивую обратную радиосвязь со штабом фронта³².

В свою очередь непосредственный участник воздушно-десантной операции В.М. Чернов писал: «Наступило 5 октября. В этот день Капитохин, получив согласие Генерального штаба, решил свёртывать и свой штаб, чтобы отбыть в Москву. Оставаться в Лебедине действительно больше не имело смысла. В этот день, наконец, он и сам поверил, что чудес не бывает. Но именно в этот-то день и свершилось чудо: одна из радисток его штаба случайно перехватила давно отменённый позывной комбрига Сидорчука»³³.

Учитывая различные взгляды на срок установления радиосвязи с десантом, представляется важным его несколько конкретизировать и дать по возможности однозначные ответы на существующие вопросы. Так,

в обнаруженной нами справке, хранящейся в ЦАМО РФ, о перехвате работы раций воздушно-десантных войск содержится информация о первом кратковременном контакте главной рации воздушно-десантного корпуса с рацией 40-й армии. В соответствии с этим документом он состоялся 27 сентября 1943 года. В приписке к рапорту начальника радиоотделения управления связи Воронежского фронта подполковника В. Иванова отмечено: «4.00 27.9.43 г. рация 40 А приняла сигнал главной рации воздушно-десантного корпуса, предложила ей поднять антенну и передать радиogramму — разговор прерван»³⁴. Кроме того, на основании имеющихся архивных материалов можно утверждать, что 5 октября 1943 года командир 5-й гвардейской воздушно-десантной бригады подполковник П.М. Сидорчук впервые вышел на связь с командованием ВДВ и штабом Воронежского фронта. В тот день непосредственно на имя командующего фронтом генерала армии Н.Ф. Ватутина он направил телеграмму, в которой запросил для воздушного десанта отдельные виды оружия, боеприпасы, продовольствие и медикаменты. Это стало возможным благодаря тому, что начальнику радиостанции РБ старшему сержанту Я.Г. Балиашвили и радисту Иванову после настойчивых попыток удалось установить связь с радиостанцией артиллерийского полка с позывным «Лампа». Через эту радиостанцию в первое время подполковник П.М. Сидорчук передавал радиogramмы на имя командующего войсками Воронежского фронта.

Однако в докладе на имя командующего ВДВ генерал-майора А.Г. Капитохина, подготовленном после возвращения десантников из тыла противника, командир 5 гвдбр подполковник Сидорчук сообщил, что причиной отсутствия связи после десантирования стала гибель до прибытия на сборный пункт радистов с радиостанциями «Север» и «Прима»,

а также шифровальщиков. По его заявлению связь парашютистов с радиостанцией части, действовавшей в полосе фронта, была восстановлена неожиданно и совершенно случайно³⁵. К сожалению, точную дату, когда была установлена радиосвязь десанта с вышестоящим командованием, в своём докладе он не указал. С полным основанием можно лишь утверждать, что это произошло не 6 октября, а несколько раньше — 5 октября 1943 года.

Приведём отдельные радиogramмы, исходившие от подполковника П.М. Сидорчука, а также поступавшие в его адрес. «8.10.43 г. 13.41. Ватутину.

1. В деревне Степанцы расположен штаб соединения противника, нумерация не установлена.

2. Весь транспорт по дороге на д. Степанцы. Сидорчук»³⁶.

«9.10.43 г. Сидорчуку.

Донесение получил. Днём высылаю авиаразведку. Ночью 11 октября 1943 г. обозначьте себя буквой “Т” из костров.

Наш сигнал — серия красных ракет с самолёта.

Донесите о боевом и численном составе, потерях и о получении приказа. Ватутин, Иванов»³⁷.

«14.10.43 г. Сидорчуку.

Сегодня ночью с 22.00 Вам будем сбрасывать грузы. Обозначьте себя; сигналы старые. Обеспечьте посадку У-2 кострами посадочным “Т”. Подготовьте офицера связи с донесением. Затевахин»³⁸.

«Из Забоя. 14.10.43 г. 15.20. Затевахину.

Немедленно требуются ПТР, патроны к ним, патроны к ТТ, гранаты, миномёты, мины к ним, тол, продовольствие и медикаменты. Жду сегодня. Сидорчук»³⁹.

«14.10.43 г. 15.30. Затевахину.

Груз получил, для моей семьи требуется не 10 буханок, а 1000 на одни сутки. Согласно Вашей записке сделано всё. Жду выполнения моей просьбы. Работу над целью производите на 300—400 метров. Сидорчук»⁴⁰.

«17.10.43 г. Дьячкову из Забоя.

Требуется необходимое количество ПТР; груз получен,

к работе готовы, требуется продовольствие и соль; необходимо знать, когда вернётся наш представитель; получено 17 единиц, требуются шифровальщик, врач. Сидорчук»⁴¹.

«19.10.43 г. 16.50 из Забоя. Затевахину.

Необходимо продовольствие, сухари, ПППШ, миномёты, мины к 80-мм миномётам, аккумуляторы, анодное питание. К работе готовы. Сидорчук»⁴².

Существенную роль в организации связи с парашютистами сыграл приказ войскам Воронежского фронта № 0361 от 14 октября 1943 года. Он установил, что при штабе фронта впредь до особого распоряжения следовало иметь одного командира-десантника для поддержания связи с группами парашютистов и партизанами. В его распоряжение были оставлены два самолёта У-2 и один СБ.

Внимательное изучение вопроса показало, что, начиная с 14 октября 1943 года, когда в распоряжение бригады на самолёте У-2 был доставлен радист сержант Полозов с рацией «Север», с парашютистами была установлена вполне добротная радиосвязь. Кроме того, 15 октября в лесной лагерь, где размещался десант, с борта самолёта были сброшены в парашютно-десантном мягком мешке одна радиостанция РБ и питание для неё. Поэтому с этого дня десантники имели со штабом Воронежского фронта связь по двум радиоканалам радиостанций «Север» и РБ. Сама же радиосвязь в целях экономии питания велась исключительно сеансами.

Для организации связи внутри объединённой воздушно-десантной бригады, действовавшей в тылу противника практически до конца ноября 1943 года, применялись две радиостанции РБ и одна 12-РП. Они были сосредоточены при штабе командира бригады подполковника П.М. Сидорчука. Для практической работы в батальоны радиостанции выделялись в зависимости от поставленных боевых задач. Про-

водные средства связи в тылу противника десантниками не использовались.

На завершающем этапе десантной операции, с момента перехода бригады в оперативное подчинение 2-му Украинскому фронту, соединение парашютистов имело вполне надёжную связь со штабами фронта, 52-й армии, 254-й и 294-й стрелковых дивизий как с помощью радиосредств, так и путём доставки документов легкомоторными самолётами ночной авиации.

В ходе активных наступательных действий десантное соединение под командованием подполковника П.И. Сидорчука, выполняя приказ командующего 2-м Украинским фронтом, захватило и в результате прочной обороны сумело удержать днепровский плацдарм у д. Свиждовок (рядом с г. Черкассы)⁴³. Этим гвардейцы-парашютисты способствовали успешному форсированию реки частями 52-й армии⁴⁴. Без преувеличения можно сказать, что существенный вклад в это внесли и воины-связисты.

Выводы и предложения из анализа организации связи в Днепровской воздушно-десантной операции можно свести к следующему:

— при проведении операции воздушно-десантным частям и соединениям необходимо иметь штатные средства связи, которые обеспечат соответствующие коммуникации как в период

десантирования, так и после выброски парашютистов;

— штабу, организующему воздушно-десантную операцию, после выброски парашютистов и грузов необходимо быть в непосредственной близости к штабу фронта (группировки); такое решение позволит организаторам операции получать сведения о действиях воздушного десанта из многих источников (воинских частей, действующих с фронта, авиационной разведки, партизан);

— воинские части, участвующие в воздушно-десантной операции, должны иметь документы по организации связи заблаговременно, а радисты обязаны знать радиоданные наизусть;

— расчёты радиостанций воздушного десанта должны быть ознакомлены с единой аварийной волной связи; штабу фронта (группировки) и штабу, организующему десантную операцию, следует иметь приёмники, находящиеся на аварийной волне;

— при выброске десанта в оперативную глубину действий своих войск (армии) необходимо ставить в известность передовые соединения, на участке которых применяется воздушный десант; в этих соединениях приёмники должны быть настроены на волну воздушного десанта⁴⁵.

Кроме того, отметим, что проблема организации и поддержания связи в Днепровской воздушно-десантной операции

проявилась прежде всего в результате потерь значительной части радиостанций при десантировании, гибели телеграфистов и командиров расчётов, их разброса на большой территории, полной зависимости от радиосвязи при её технической и организационной слабости.

И, наконец, обращая внимание как на парашютный десант 1943 года, так и на операции, которые могут проводиться посадочным способом с помощью транспортных вертолёт, важно отметить, что для выполнения десантниками поставленных боевых задач, кроме высочайшего профессионализма, мужества и отваги, необходимы:

— тщательная разведка районов выброски (высадки) и организация разведки при дальнейших боевых действиях десанта;

— обеспечение не только авиационной транспортировки личного состава и материальных средств, но и надёжного огневого прикрытия наземных действий десантников, их материально-техническое обеспечение;

— внезапность и скрытность применения десанта;

— строгий учёт времени на проведение операции, её непродолжительность;

— обеспечение устойчивой радиосвязи с десантом, действующим в тылу противника;

— своевременность выхода подвижных частей к месту действий десанта и их соединение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По мнению западных исследователей, решение советского командования на проведение массового десантирования в ночное время было ошибочным. Это привело, как они считают, к тому, что рассеянный в темноте личный состав десантировавшихся бригад оказался без ориентиров на незнакомой местности и потерял способность к организованным боевым действиям (См.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. Die Ostfront 1943/44. Deutsche Verlags-Anstalt: Munchen, 2007). Следует отметить, что и в отечественной историографии можно встретить критику решения о применении ночного массового воздушного десанта в сентябре 1943 г. (См.: Красовский С.А. Жизнь в авиации. М.: Воениздат, 1968. С. 233). Кроме того, аналогичная кри-

тика прозвучала и в директиве Ставки ВГК № 30213 от 3 октября 1943 г. (См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: документы и материалы. 1943 г. Т. 16(5—3). М.: Терра, 1999. С. 217).

² Указания Маршала Советского Союза Г.К. Жукова от 19 сентября 1943 г. по проведению Воронежским фронтом воздушно-десантной операции // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 37. Оп. 11431. Д. 70. Л. 11.

³ Меры по организации связи входили в план десантирования лишь частично и предусматривались отдельными документами. Причём их основой стало распоряжение начальника управления связи Воронежского фронта от 21 сентября 1943 г. (См.: Гавришук В.В. Дне-

провская воздушно-десантная операция (24—28 сентября 1943 г.) // Абатуров В.В., Басик И.И., Васильев Н.М., Гавришук В.В. и др. Наступление. Оборона. Захват плацдармов. Украина: 1943 год. Особенности операций Красной армии. М.: ВАГШ ВС РФ, 2023. С. 239).

⁴ Об организации связи в воздушно-десантной операции 1, 3 и 5-й воздушно-десантных бригад (с 18 сентября по 7 октября 1943 г.) // ЦАМО РФ. Ф. 37. Оп. 11431. Д. 70. Л. 47—49 об.

⁵ Там же. Л. 47. Вместе с тем связисты, назначенные для работы на радиоузле, получили практический опыт, организовав связь лишь на радиостанциях малой мощности типа «Прима» и «Север».

⁶ Там же. Л. 10. Следует отметить, что в своих указаниях, содержавших

12 пунктов, Г.К. Жуков потребовал: «Взаимной информации командира воздушного десанта и передовых соединений, форсирующих Днепр, не производить — пусть знает каждый то, что ему положено знать, и только» (там же. Л. 11). К сожалению, вполне резонное требование военачальника привело к множеству недоразумений. Например, парашютисты, по ошибке выброшенные на территорию, занятую войсками 47-й армии, перерезали проводную связь советских воинских частей и подразделений, предполагая, что она вражеская. Кроме того, имели место случаи боестолкновений между парашютистами и советскими пехотинцами.

⁷ Там же. Л. 47 об. По имеющейся информации, полковник В.К. Нестеров сразу же после приземления вступил в стрелковый бой с противником и геройски погиб. Весной 1944 г. сержант М. Астахов после побега из немецкого плена оказался на поле, где сражались десантники под командованием полковника В.К. Нестерова, и обнаружил незахороненное тело начальника штаба вдк. Сержант снял полевой погон с погибшего, изъяс из его карманов ложку и носовой платок. В целях доказательства все эти вещи он представил комиссии ВДВ Красной армии, которая в то время работала в районе боевых действий десанта. В дальнейшем сержант М. Астахов похоронил тело полковника В.К. Нестерова на окраине д. Пищальники.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Д. 81. Л. 37—39.

¹¹ Там же. Д. 70. Л. 48.

¹² На период организации и проведения воздушно-десантной операции заместитель командующего ВДВ Красной армии генерал-майор И.И. Затевахин был назначен временно исполняющим обязанности командира воздушно-десантного корпуса.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 37. Оп. 11431. Д. 70. Л. 48.

¹⁴ Там же. Л. 57.

¹⁵ Там же.

¹⁶ **Чухрай Григорий Наумович** (1921—2001) — гвардии лейтенант. В послевоенные годы — известный советский и российский кинорежиссёр, сценарист и общественный деятель. С 1965 г. — бессменный секретарь Союза кинематографистов СССР. Руководитель Экспериментального творческого объединения при киностудии «Мосфильм». Лауреат Ленинской премии. Народный артист СССР. Международную славу ему принёс художественный фильм «Баллада о солдате», снятый в 1959 г.

¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 37. Оп. 11431. Д. 70. Л. 153.

¹⁸ Там же. Л. 154.

¹⁹ **Ровенский Г.В., Долгова Н.Н., Калябина Т.В.** 3-я гвардейская воздушно-десантная бригада. Героический и трагический Днепровский десант. 1943 г. Щёлково-Фрязино, 2017. С. 58.

²⁰ Как следует из трофейных документов, командиры немецких воинских частей, действовавших против парашютистов, были убеждены, что из числа всего воздушно-десанта именно героически погибший личный состав отряда капитана В.К. Маркина, включая и его командира, вёл самые активные и дерзкие наступательные боевые действия, вступал в открытые стрелковые бои, оказывал самое жёсткое сопротивление и ликвидировал значительное число солдат и офицеров врага.

²¹ **Опрышко А.В.** Обречённые на забвение (История Днепровской воздушно-десантной операции). Ростов-н/Д.: Книга, 2012. С. 101.

²² ЦАМО РФ. Ф. 37. Оп. 11431. Д. 81. Л. 91.

²³ Донесение командующего ВДВ Красной армии генерал-майора А.Г. Капитохина Верховному главнокомандующему И.В. Сталину о причинах неудачного применения ВДВ на Воронежском фронте // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 50. Д. 627. Л. 186.

²⁴ Там же. Л. 48.

²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 37. Оп. 11431. Д. 70. Л. 49.

²⁶ Там же. Ф. 5. Оп. 28. Д. 68. Л. 120.

²⁷ **Лисов И.И., Рождественский С.Е.** Воздушные десанты. М.: Воениздат, 1959. С. 97. К слову, аналогичный текст встречается и в работах других авторов (См., например: **Шайкин В.И. и др.** Воздушно-десантные войска (малоизвестные страницы истории): военно-исторический сборник. Рязань: РВВДКУ, 2020. С. 138).

²⁸ Там же. С. 48.

²⁹ **Лисов И.И.** Строительство и опыт применения Воздушно-десантных войск в Великой Отечественной войне (1930—1945 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 162.

³⁰ **Сидоров И.Н.** Подготовка и ведение Днепровской воздушно-десантной операции (23 сентября — 13 ноября 1943 г.). Рязань: РВВДКУ, 2007. С. 61.

³¹ **Шайкин В.И. и др.** Указ. соч. С. 137, 138, 142.

³² Там же. С. 138.

³³ **Чернов В.М.** Днепровский десант. Липецк: Липецкое изд-во, 2000. С. 77.

³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 37. Оп. 11431. Д. 70. Л. 57.

³⁵ Там же. Л. 215.

³⁶ Там же. Л. 73.

³⁷ Там же. Л. 78.

³⁸ Там же. Л. 86.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 94.

⁴² Там же. Л. 101.

⁴³ **Галин Б.А., Денисов Н.Н.** Десантники // Красная звезда. 1944. 16, 20, 26 января. (Данная статья стала первой публикацией, раскрывшей героические действия советского воздушно-десанта на Букринском плацдарме осенью 1943 г.)

⁴⁴ **Абсаямов М., Андрианов В.** Из опыта взаимодействия воздушных десантов с партизанами в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 1964. № 11. С. 104.

⁴⁵ ЦАМО РФ. Ф. 37. Оп. 11431. Д. 70. Л. 49, 49 об.

V.V. Gavrishchuk

«TO CONDUCT SUCH AN OPERATION, THE COMMAND STAFF SHOULD HAVE FEWER, BUT MORE SKILLED PEOPLE...»

Features of the communications organization in the Dnieper Airborne Operation of 1943

Information about author. Vladimir Gavrishchuk – senior researcher at the Military History Research Institute of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, chief editor of the *Pravo i Obrazovaniye* (Law and Education) journal, D. Sc. (Hist.), professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow. E-mail: vgavr@1957@mail.com).

Summary. This paper, based on archival materials, examines the communication efforts during the Dnieper Airborne Operation in the fall of 1943. It describes the preparatory activities, such as developing communication documentation, briefing officials, and providing technical equipment for landing forces. The paper identifies the causes of communication loss with the landing forces, highlighting deficiencies in the actions of signalmen during the landing and in the first days after landing behind enemy lines. It also highlights operational measures taken by commanders of the Voronezh Front and the Red Army Airborne Forces to restore communication with the parachute jumpers. Particular attention is given to the combat performance of signalmen warriors during successful airborne operations in the area of the 2nd Ukrainian Front, aimed at capturing and maintaining a bridgehead on the western bank of the Dnieper River. The final part of the study provides conclusions and formulates suggestions to improve both the communication organization of airborne forces and airborne operations themselves.

Keywords: airborne troops of the Red Army; Dnieper airborne assault; airborne operation; airborne brigade; radio communication; radio station; technical means of communication; parachuters; radio operators; Georgy K. Zhukov; Ivan I. Zatevakhin; Pyotr M. Sidorchuk; Alexey F. Novitskiy; Alexander G. Kapitokhin; Grigory N. Chukhray.

ВКЛАД СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ

Региональные аспекты Великой Отечественной войны

Сведения об авторе. Хаблиева Лариса Черменовна — доцент кафедры российской истории Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, кандидат педагогических наук (г. Владикавказ. E-mail: lara6715@yandex.ru).

Аннотация. В статье на примере Северной Осетии с использованием документов республиканских архивов раскрываются региональные аспекты Великой Отечественной войны, связанные с местными мобилизационными мероприятиями, перестройкой работы предприятий промышленности и транспорта, военной подготовкой населения и формированием нерегулярных военизированных подразделений, личным участием граждан в финансировании оборонных нужд государства и др. В СОАССР, как и в других прифронтовых регионах Советского государства, тесно переплетались военные, социально-экономические и политические процессы, которые имели долговременные последствия.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Северо-Осетинская АССР; прифронтовые районы; мобилизационная экономика; военно-мобилизационная работа; социум; г. Орджоникидзе; эвакуационные мероприятия; военная подготовка населения; Фонд обороны; «красные обозы»; «гектары обороны»; строительство оборонительных рубежей.

В последнее время всё большую актуальность приобретает региональный срез истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., что во многом связано с особенностями социокультурных, экономических и исторических условий существования разных территорий СССР. Для объективного воссоздания реальной картины боевых действий, мобилизационных мероприятий в экономике, повседневной жизни населения в условиях тыловой, а затем прифронтовой обстановки, общественных акций и многого другого необходимы исследования в рамках отдельных регионов. Последующие обобщение и анализ полученных результатов предоставят возможность значительно дополнить и скорректировать многие стороны самого героического и трагического периода российской истории.

В этой связи следует особо выделить исследовательскую работу группы сотрудников Южного научного центра (руководитель Е.Ф. Кринко), которая восполняет научную лакуну и разрабатывает методологические подходы к ряду региональных аспектов войны,

апробирует полученные результаты в ежегодных научных конференциях, например: «Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы»; форум кавказоведов «Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура». Новым словом в отечественной историографии стали современные монографии, касающиеся вышеуказанной темы, Е.Ф. Кринко, Р.Г. Бимбасова, Т.Т. Худалова, А.А. Магометова и др.¹ К примеру, Т.Т. Худалов в своём научном труде рассмотрел деятельность Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны, проанализировал этапы перестройки экономики Северо-Осетинской АССР (СОАССР) на военный лад, но в силу засекреченности многих фондов так и не смог выявить негативные и ошибочные шаги в деятельности органов власти и управления республики². В работе ростовских исследователей Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлыниной «История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография»³ подчёркиваются особен-

ности региональной историографии и выделяются дискуссионные вопросы.

Завершая оценку северокавказских исследований о событиях 1941—1945 гг., следует подчеркнуть, что на региональном уровне крайне мало обобщающих работ, комплексных трудов в русле военно-исторической антропологии. По идеологическим причинам многие сборники, вышедшие в советское время, формировались по соответствующим принципам, были малоинформативны. Эта ситуация проецировалась и на местные издания⁴,

В Северо-Осетинской АССР, как и по всей стране, с первых дней войны проходила широкомасштабная мобилизация. Помимо того что тысячи добровольцев отправлялись на фронт, общественные инициативы проявлялись в формировании военизированных частей, предназначенных для борьбы с врагом. В Северной Осетии это движение началось в первые недели войны, когда 11 июля 1941 года бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б) приняло постановление об организации народного ополчения⁵. 24 июня 1941 года с постановлениями Совнаркома СССР «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов», а также «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами, диверсантами противника в прифронтовой полосе»⁶ начинается процесс организации истребительных отрядов в автономных республиках Северного Кавказа. Например, в СОАССР через месяц после принятия этих документов силовым структурам помогали 800 кавалеристов, в Кабардино-Балкарии были организованы 17 батальонов⁷. 8 июля 1941 года на территории Северо-Осетинской АССР были сформированы 15 истребительных батальонов численностью 2650 человек и 1 кавалерийский эскадрон, основной задачей которых было выявление вражеской агентуры и парашютных десантов противника. Кроме того, они участвовали в операциях по выявлению паникёров, «шеп-

тунов», нарушителей трудовой и общественной дисциплины⁸. В республике в соответствии с постановлением ГКО СССР № ГКО-690сс от 17 сентября 1941 года с 1 октября было организовано обязательное военное обучение мужского населения в возрасте от 16 до 50 лет. 24 октября 1941 года был сформирован Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны.

При каждом райкоме ВКП(б) ещё до начала войны создавались военные отделы, предназначенные для формирования армейских резервов, создания условий для военного обучения и контроля за реализацией 110-часовой учебной программы. Местная власть проявляла внимание к оборудованию военно-учебных пунктов, оснащению их прицельными станками, винтовками, чучелами для ведения штыкового боя, учебно-наглядными пособиями. Все партийные и комсомольские организации были вовлечены в военную подготовку. Продолжительность обучения в группах всеобща каждой очереди составляла пять месяцев⁹. За период 1941—1942 гг. по городам республики курс по противовоздушной и противохимической обороне (ПВХО) прошли 144 929 взрослых и 24 934 ребёнка, обучены 2085 инструкторов ПВХО и 5047 человек комсостава групп самозащиты, организованы и подготовлены 185 групп самозащиты. Кроме того, подготовку по ГСО («Готов к санитарной обороне») прошли 60 587 человек взросло-

подача информации в которых осуществлялась дозированно и вызывала больше вопросов. Публикационная работа велась слабо и ограничивалась воспоминаниями полководцев и крупных военачальников. Воспроизвести реальную картину событий при знакомстве с этими трудами было крайне сложно. Использование широкого круга архивных источников и научной литературы последних десятилетий позволяет более объективно рассмотреть изучаемую проблему в контексте заявленной цели.

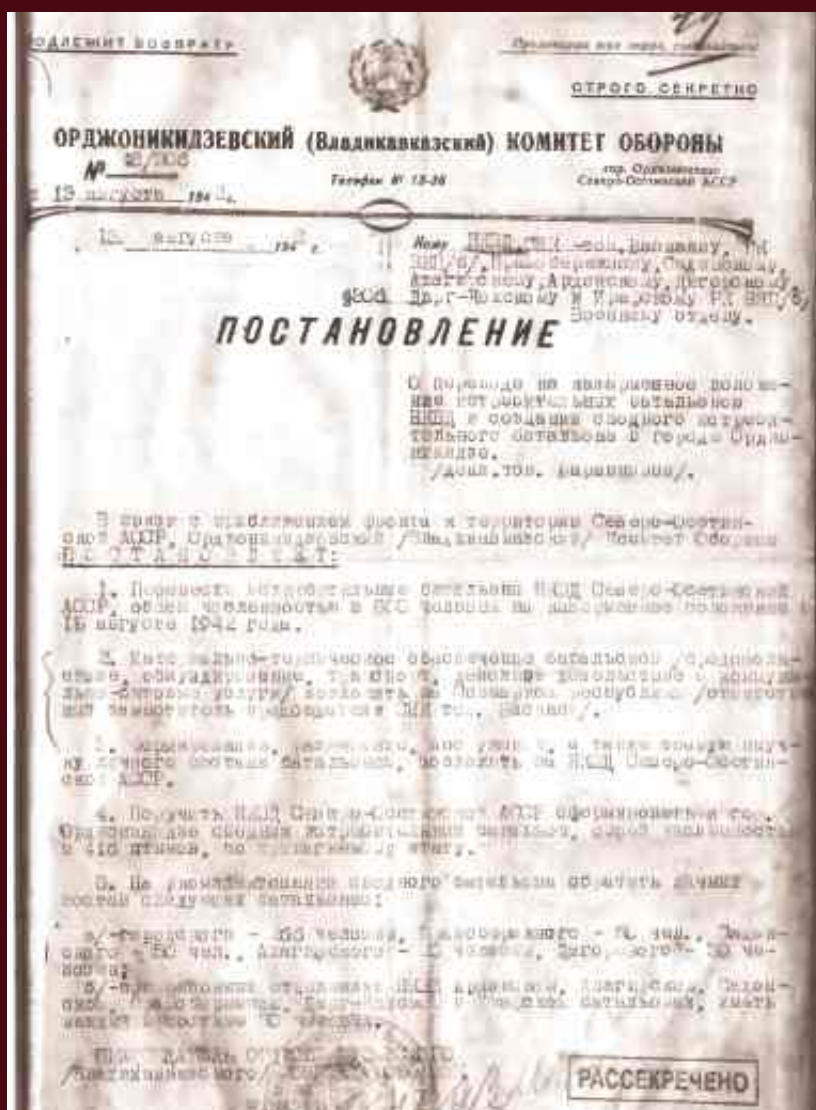
го населения, а по БГСО («Будь готов к санитарной обороне») — 20 461 школьник.

Кавказ имел выгодное геостратегическое положение, что и определяло приоритеты его обороны. К 1941 году регион являлся важным экономическим центром, в котором находилась мощная топливно-энергетическая база, работало сырьевое производство, имелись большие стратегические запасы, в частности нефти. Перестройка на военный лад охватила все отрасли индустрии, в том числе и предприятия местной промышленности Северной Осетии. Так, в сентябре 1941 года решением областного комитета партии Орджоникидзевскому кожезаводу было предложено организовать выпуск военной продукции для фронта¹⁰. Коллектив предприятия за короткий срок создал шорноседельное производство с четырьмя цехами по изготовлению кавалерийских седел казачьего типа.

Перестроил свою работу и коллектив Орджоникидзевского лесозавода «Красное Знамя», приступив к изготовлению продукции, необходимой действующей армии. На предприятии в течение двух дней был создан новый цех, оборудованный 14 станками и прессами¹¹. Здесь начался выпуск эфесов и ножен для кавалерийских сабель. Вскоре благодаря творческой инициативе рабочих производство было механизировано, что позволило изготавливать до 700—800 са-

Наградной лист М.И. Даурова, партизана Дарг-Кохского района СОАССР
Центр ИПД ГАНИ РСО-А. Ф. 268. Оп. 1 Д. 12. Л. 15, 15 об.

Постановление № 48/306 Орджоникидзевского (Владикавказского)
Комитета обороны о переводе на казарменное положение
истребительных батальонов НКВД и создании сводного
истребительного батальона в г. Орджоникидзе
ЦГА РСО-А. Ф. Р. 219. Оп. 1. Д. 2. Л. 49. Подлинник. Машинопись.

бельных эфесов и ножен в сутки. В первый период войны завод выпускал также повозки военного образца, ленчики и деревянные части для кавалерийских сёдел, стремена, фурнитуру и ряд других изделий. Когда фашистские полчища летом 1942 года стали приближаться к городу Орджоникидзе, предприятие в течение пяти дней переключилось на изготовление мин ЯМ-5¹².

Местная трикотажная фабрика, выпускавшая в мирное время в основном футболки и майки, с начала войны перешла на выпуск армейского белья, а с сентября приступила к изготовлению тёплых хлопчатобумажных свитеров для воинов Красной армии. За 2,5 месяца 1941 года фабрика изготовила для нужд фронта 10 тыс. комплектов белья, а за полгода — 26 662 комплекта тёплого белья, 4285 свитеров и около 20 тыс. тёплых кашне¹³.

Фабрика корпусной мебели переключилась на оборудование санитарных поездов и агитационных машин. К концу 1941 года здесь, а также на заводе «Красное Знамя» по заданию Комитета обороны начался выпуск ленчиков, казачьих сёдел, металлических частей для них¹⁴. Орджоникидзевский завод «Стеклотара» в считанные недели организовал производство кавалерийских шашек и химзапалов, тогда как в мирное время на создание подобных цехов потребовалось бы не менее 2—3 месяцев. Сотрудники механического цеха точили клинки, в керамическом цехе их подвергали термической обработке, а в стройцехе — шлифовали. Рабочие успешно штамповали и собирали угломеры на поточных линиях¹⁵.

На «Стеклотаре» впервые в стране был удачно внедрён опыт использования стеклянной массы, изготовленной не из дефицитной кальцинированной соды, а из сульфата. Летом 1942 года, когда враг рвался к Югу страны, завод по заданию Комитета обороны должен был в кратчайший срок наладить выпуск зажигательных ампул для бутылок с горючей жидкостью. Поскольку спрос на

эту продукцию всё возрастал, оставшийся запас стеклянных трубок для ампул быстро иссяк. Тогда коллектив предприятия взял обязательство за пять дней построить небольшую печь для варки стекла. Работа шла и днём и ночью. На четвёртые сутки кладка печи была закончена¹⁶.

В процессе перестройки работы промышленности на военный лад в республике ускоренными темпами осуществлялось капитальное строительство. 14 декабря 1941 года коллектив специального химико-металлургического цеха (который был построен для переработки из местного сырья гремучей ртути, необходимой для начинки мин и гранат) Са-донского полиметаллического комбината выдал первую продукцию, а в IV квартале следующего года комбинат выпустил для нужд Красной армии более 500 гранат Ф-1, 20 200 кг аммония, около 15 тыс. кг аммотола, более 2400 штук двухсотграммовых и 1000 четырёхсотграммовых под-

рывных шашек, около 4500 штук противотанковых мин и 248 кг металлической ртути. Кроме того, за этот квартал по заказу фронта на комбинате были отремонтированы 124 автомашины. Всего коллектив предприятия выдал военной продукции и отремонтировал для фронта автомашин на сумму около 1 107 000 руб.¹⁷

На Орджоникидзевском вагоноремонтном заводе имени С.М. Кирова в начале войны организовали производство по отливке и обработке мин¹⁸, а также выпуск нового вида миномётов и мин. Когда же потребовалось резкое увеличение производства различных вагонных деталей, коллектив в кратчайшие сроки оборудовал новый мощный литейный цех. Продукция вагоноремонтного завода использовалась как на Орджоникидзевской дороге, так и на других железнодорожных магистралях страны.

Нужды армии выдвигали перед коллективом завода «Электро-

цинк» всё новые и новые задачи. От Закавказского фронта поступило задание наладить выпуск угольных электродов и фосфора для зажигательной смеси «КС», необходимой для противотанковых мин. Вначале предполагалось, что завод будет давать в месяц 5 т этой смеси, однако с начала октября 1942 года уже выпускалось по 9 т¹⁹. Важно отметить, что производство основной продукции предприятия не сокращалось из-за дополнительных военных заказов, а только росло. Без особых капиталовложений в начальный период войны основные цеха повысили свои мощности.

В условиях военного времени особое значение имела железнодорожная сеть. Железнодорожники Орджоникидзевской магистрали с первых же дней войны в чрезвычайно сложных условиях осуществляли перестройку своей работы на военный лад. Был введён военный график движения поездов, ко-

Справка

В таблице перечислены истребительные батальоны НКВД ССАСР по состоянию на 1 июня 1942 г.

1. Орджоникидзевский р-н	1 бат.	500 чел.
2. Тбилисский р-н	2 бат.	263 чел.
Батальоны:		
Бесланский	80 чел.	
Зинковский	80 чел.	
В. Кавказский	29 чел.	
В. Кавказский	44 чел.	
3. Ардонский р-н	1 бат.	107 чел.
Батальоны:		
Ардонский	78 чел.	
Ардонский	37 чел.	
4. Дзержинский р-н	1 бат.	192 чел.
Батальоны:		
Дзержинский	103 чел.	
Дзержинский	58 чел.	
5. Алагирский р-н	1 бат.	192 чел.
Батальоны:		
Алагирский	92 чел.	
Алагирский	10 чел.	
Алагирский	10 чел.	
Алагирский	10 чел.	
Алагирский	10 чел.	
6. Садовский р-н	1 бат.	150 чел.
Батальоны:		
Садовский	50 чел.	
Садовский	50 чел.	
Садовский	50 чел.	
7. Тбилисский р-н	1 бат.	60 чел.
Батальоны:		
Тбилисский	60 чел.	

8. Орджоникидзевский р-н	60 чел.
Батальоны:	
Орджоникидзевский	20 чел.
Орджоникидзевский	20 чел.
9. Дзержинский р-н	134 чел.
Батальоны:	
Дзержинский	80 чел.
Дзержинский	20 чел.
Дзержинский	15 чел.
Дзержинский	19 чел.
10. Кировский р-н	100 чел.
Батальоны:	
Кировский	60 чел.
Кировский	40 чел.
11. Цхинский р-н	110 чел.
Батальоны:	
Цхинский	50 чел.
Цхинский	10 чел.
Цхинский	15 чел.
Цхинский	10 чел.
Цхинский	15 чел.
Цхинский	10 чел.

Всего в республике истребительных батальонов НКВД ССАСР - 17 бат.

Начальник штаба истребительных батальонов НКВД ССАСР капитан Баранников

3 июня 1942 г.

Справка начальника штаба истребительных батальонов НКВД ССАСР капитана Баранникова о численном составе истребительных батальонов республики по состоянию на 1 июня 1942 г.

ЦГА РСФСР. Ф. Р. 629. Оп. 2. Д. 546. Л. 139, 140.

Поздравительная телеграмма народного комиссара цветной металлургии СССР П.Ф. Ломако заводу «Электроцинк»
Социалистическая Осетия. 1942. 17 июля. С. 1.

Завод «Электроцинк» в 1941 г.
Социалистическая Осетия. 1941. 18 октября. С. 4.

Строительство оборонительных сооружений под г. Орджоникидзе
ЦГА РСО-А. Ф. Р. 681. Оп. 1. Д. 60. Л. 21.

торый значительно сокращал перевозки, не имевшие оборонного значения, предусматривал первоочередное продвижение на фронт военных грузов, а поездов с промышленным оборудованием и людьми — в глубокий тыл. К осени 1941 года все кавказские железные дороги оказались чрезмерно перегруженными, хотя и работали по военному графику круглосуточно. После оккупации Тихорецка немецко-фашистскими войсками была прекращена железнодорожная связь с остальными районами страны, тысячи вагонов и паровозов стояли на Кавказе, вследствие чего восточные регионы испытывали в них острую нужду²⁰. Кроме того, с Кавказа нужно было вывозить для фронта и тыла нефтепродукты и товары, поступавшие по ленд-лизу через Иран.

При подходе фашистских войск к границам Северной Осетии по решению Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны летом 1942 года были телефонизированы все огневые точки, а также наблюдательные пункты в штабе города, правительственный командный пункт и радиофицированы КП МПВО, ПВО и КП обороны г. Орджоникидзе. Для обеспечения беспроводной связью горных местностей построили радиостанцию в селении Зарамаг. Героический труд коллектива Управления связи Северной Осетии помог в обороне столицы республики.

Осенью 1941 года немецко-фашистские войска прорвались на Северный Кавказ. Приближение фронта сделало необходимым строительство оборонительных линий. Оборона Орджоникидзе имела несколько рубежей, опоясывавших город с запада, севера и востока. Вначале были построены первый Орджоникидзевский обвод и Архонский рубеж. Здесь располагались 31 батальонный узел обороны, 11 ротных районов с 4157 огневыми точками, опоясанных 10 км противотанковых рвов, под которые было вынуто 292 тыс. куб. м земли. С юга, в Дарьяльском ущелье, возвели 3 батальонных узла обо-

роны с 473 огневыми точками, преимущественно на вершинах гор, для чего было вынуто 16 тыс. куб. м земли. Помимо этого для обеспечения движения частей отремонтировали 50 км дорог и построили 12 мостов²¹.

Демонтаж оборудования, перебазирование промышленных предприятий, развёртывание их работы в кратчайшие сроки на новом месте являлись важнейшими военно-политическими задачами. Заводы и фабрики подлежали эвакуации после тщательного выбора нового места и с учётом обеспечения межзаводских связей. Только по данным Наркомата местной промышленности СОАССР, по состоянию на 21 марта 1942 года в Северо-Осетинскую АССР были эвакуированы 10 промышленных и транспортных предприятий (табл. 1). И это далеко не полный перечень.

Следует отметить большую работу органов власти и управления Северной Осетии по размещению и трудоустройству эвакуированного с прифронтовых территорий населения. К 10 мая 1942 года в г. Орджоникидзе и районы республики из прифронтовой полосы прибыли 19 730 человек, из которых 2593 человека — с эвакуированными предприятиями (табл. 2).

Таблица 1

Перечень промышленных и транспортных предприятий, эвакуированных на территорию СОАССР (по состоянию на 21 марта 1942 г.)

№ п/п	Наименование предприятия	Количество работников
1	Артель «Ростпромметалл»	101
2	Артель «Красный бондарь»	2
3	Артель «Красный кузнец»	43
4	Артель «Красный обувщик»	19
5	Артель «Красный гвоздильщик»	2
6	Завод «Укрцинк» (Константиновка)	120
7	ВРЗ им. Кагановича (Донбасс)	120
8	Сев.-Дон. ж.д. им. Л.М. Кагановича	175
9	Ж.д. им. К.Е. Ворошилова	51
10	Орджоникидзевск. ж.д.	27

Составлена по: Тускаева Г.Б., Тедеева У.Ш., Хаблиева Л.Ч. Эвакуация из прифронтовой полосы в Северо-Осетинскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2022. № 10-2. С. 44.

Ещё одной формой материальной помощи местного населения воюющей стране стало движение североосетинских колхозов, получившее название «красных обозов». В хозяйствах засеивались сверхплановые посевные площади, названные «тектарами обороны». Одними из инициаторов этого движения выступили колхозники Орджоникидзевского района, обратившиеся ко всем колхозам республики с данной инициативой и собравшие 200 сверхплановых подвод с пше-

ницей, мукой, картофелем для Красной армии²².

Средства от реализации билетов государственных военных займов и участия в денежно-вещевых лотереях также пополняли Фонд обороны страны. Всего за период 1941–1945 гг. были выпущены четыре военных займа на сумму более 70 млрд руб., что покрывало примерно четверть затрат на армейские нужды. Жители республики не только активно подписывались на военные займы, но и принимали

Таблица 2

Сведения об эвакуированном населении, размещённом в пределах СОАССР

№ п/п	Наименование района	Прибыло		Размещено		Общее количество		
		всего	в т.ч. детей до 14 лет	в городах	в сельской местности	прибывших из прифронтовой полосы	прибывших из Москвы	прибывших с эвакуированными предприятиями
1	Алагирский	1451	489	1220	231	1454	23	—
2	Ардонский	1154	304	—	1134	1154	10	—
3	Гизельдонский	47	9	—	47	47	2	—
4	Дарг-Кохский	1080	241	—	1080	1080	23	—
5	Дигорский	531	108	—	531	531	87	—
6	Ирафский	115	26	—	115	115	7	—
7	Кировский	1240	537	—	1240	1240	37	—
8	Орджоникидзевский	505	116	—	505	505	36	—
9	Правобережный	2263	831	—	2263	2263	81	23
10	Садонский	431	72	—	431	431	—	—
11	г. Орджоникидзе	10 913	2876	10 913	—	10 913	443	2570
Всего:		19 730	5609	12 133	7577	19 733	749	2593

Составлена по: Тедеева У.Ш., Хаблиева Л.Ч., Воротникова М.В., Фидарова К.К. Эвакуация населения, объектов промышленности и сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны: региональный аспект (по материалам ГАНИ РСО-А и ЦГА РСО-А) // Вопросы истории. 2021. № 7-1. С. 24–32.

Бронепоезд «Владикавказ»
ЦГА РСО-А. Ф. Р. 681. Оп. 1. Д. 60. Л. 21.

Монумент защитникам Эльхотовских ворот в Кировском районе Республики Северная Осетия — Алания на территории Эльхотовского сельского поселения

Участники акции «Бессмертный полк» во Владикавказе
Фото А. Кабисовой

активное участие в денежно-вещевых лотереях. Так, в результате проведения лотереи 31 декабря 1941 года рабочими и служащими Владикавказа было внесено 1 410 000 руб.²³ Кроме перечисления средств в Фонд обороны, трудящиеся осуществляли адресный сбор средств на строительство авиаэскадрильи и танковых колонн для Красной армии. Уже в первую неделю объявленного сбора колхозники Дарг-Кохского района СОАССР внесли более 40 тыс. руб., Дигорского района — 52 тыс., с Ногир — 109 тыс. руб.²⁴ Поступало немало личных вкладов от жителей республики. К примеру, бригадир тракторной колонны с. Ногир внёс 4500 руб., а мать 5 сыновей-красноармейцев Г. Цомаева, обещавшая им работать в колхозе «по-военному», пожертвовала на разгром врага 200 руб. своих сбережений²⁵. Почин жителей Осетии был высоко оценён председателем ГКО И.В. Сталиным, который направил им специальную телеграмму: «Передайте колхозникам и колхозницам Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республики, собравшим 3 047 214 рублей на строительство танковой колонны “Колхозник Северной Осетии”, мой братский привет и благодарность Красной армии»²⁶.

С создания Фонда обороны, по существу, началась массовая помощь фронту. Это были не только индивидуальные взносы личных средств граждан, коллективные взносы и отчисления заработной платы в городах и трудодней в колхозах. Население сдавало в фонд продовольствие, обмундирование, тёплые вещи, обувь, а также облигации государственных займов, золотые и серебряные изделия. Деятельность различных фондов, в первую очередь Фонда обороны, финансовые и материальные акции, инициативы по строительству танковых колонн и авиаэскадрильи, участие советских граждан в военных займах и денежно-вещевых лотереях способствовали тому, что за годы Великой Отечественной

войны советское правительство ни разу не прибегало к денежной эмиссии, а государственные цены оставались стабильными на протяжении всего военного времени.

Таким образом, в Северной Осетии, как и по всей стране, шёл процесс адаптации государственного-административной системы к военным условиям, шла консолидация всех ветвей исполнительной власти, использовался принцип жёсткой централизации, ответственности за исполнение заданий. Мобилизованная местная промышленность смогла в кратчайшие сроки наладить выпуск

необходимой фронту продукции, а жители республики, с оружием в руках отстаивавшие свободу и независимость нашего государства, ковавшие Победу за заводскими станками и на колхозной ниве, жертвовавшие в Фонд обороны значительные материальные средства, ещё раз доказали высокую степень сплочённости всех народов Советского государства перед лицом ненавистного врага.

Сегодня в Северной Осетии бережно сохраняют память о Великой Отечественной войне и воспитывают на примерах героических предков молодых жителей республики. В частно-

сти, на базе Северо-Осетинского государственного университета активно реализуется один из крупнейших в стране историко-патриотических проектов «Лица Победы», целью которого является создание цифрового архива из миллионов историй о каждом из фронтовиков. Студенты скрупулёзно исследуют собственные семейные архивы, бережно отбирая фотографии, письма, воспоминания своих родных — участников или свидетелей тех далёких событий, чтобы память о них стала достоянием самой широкой общественности и сохранилась для следующих поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование. Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022; Кринко Е.Ф. Новые подходы и проблемы в изучении нацистской оккупации советских территорий в годы Великой Отечественной войны // Фундаментальные исследования, инновационные технологии и передовые разработки в интересах долгосрочного развития Юга России: материалы Международного научного форума, посвящённого 20-летию ЮНЦ РАН. Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2023; Бимбасов Р.Г. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание населения Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны // Colloquium-Journal. 2020. № 1—5(53); Магомедов А.А. Республиканская печать и радио в период боёв в Северной Осетии в августе—декабре 1942 года // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2015. № 1; Медоев Е.О., Абаев А.И. Механизм осуществления переселенческого процесса в Северной Осетии в 1944 году // Там же. 2013. № 1; Спорыш А.С. Милиция Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны // Там же. 2016. № 1; и др.

² Худалов Т.Т. Северная Осетия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Владикавказ: Сев.-Осет. ин-т гуманитар. исслед., 1992.

³ Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920—1940-е гг.: современная российская историография. Ростов-н/Д: Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, 2009.

⁴ Северо-Осетинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): сборник документов и материалов / Сост. Т.Н. Кибизов и др. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1968.

⁵ Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия — Алания (ГАНИ РСО-А). Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 9.

⁶ КПСС о Вооружённых силах Советского Союза: сборник документов и материалов. 1918—1958. М.: Госполитиздат, 1958. С. 355.

⁷ Селюнин В.А., Селюнина Н.В. Истребительные отряды на Юге России в 1941—1944 гг. // Научная мысль Кавказа. 2006. № 2а. С. 73.

⁸ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия — Алания. Ф. Р. 220. Оп. 1. Д. 31. Л. 8.

⁹ ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 15. Л. 7.

¹⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 988. Л. 10.

¹¹ Там же. Л. 17.

¹² Там же.

¹³ Там же. Д. 395. Л. 34.

¹⁴ Абаев А.И. Рабочий класс Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Орджоникидзе: Ир, 1978. С. 72.

¹⁵ Нам 30 лет. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1965. С. 30.

¹⁶ Там же. С. 32.

¹⁷ Абаев А.И. Указ. соч. С. 78.

¹⁸ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 376. Л. 9.

¹⁹ Там же. Д. 1037. Л. 6.

²⁰ Цховребов И.Н. Морально-политическое единство народов Кавказа в период битвы за Кавказ // Известия ЮОНИИ. Вып. XX. 1976. С. 81.

²¹ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 65. Л. 122.

²² Алеги З. Постановки колхозников Северной Осетии в Фонд обороны // Социалистическая Осетия. 1942. 4 мая.

²³ История Владикавказа (1781—1990 гг.): сборник документов и материалов. Владикавказ: Сев.-Осет. ун-т; Сев.-Осет. объедин. музей истории, архитектуры и лит., 1991. С. 637.

²⁴ Борщенко В. Колхозники Северной Осетии — помощь фронту // Социалистическая Осетия. 1941. 18 июля.

²⁵ Выполнение колхозами своих обязательств, помощь Красной армии (передовица) // Там же. 1943. 18 мая.

²⁶ Приветственная телеграмма И.В. Сталина трудящимся Северо-Осетинской АССР // Там же. 7 ноября.

L.Ch. Khablijeva

NORTH OSSETIA'S CONTRIBUTION TO THE GREAT VICTORY

Regional aspects of the Great Patriotic War

Information about author. Larisa Khablijeva – assistant professor at the department of Russian history of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Cand. Sc. (Ed.) (city of Vladikavkaz. E-mail: lara6715@yandex.ru).

Summary. Using North Ossetia as a case study, this paper explores various aspects of the Great Patriotic War in the region, including local mobilization efforts, the reorganization of industrial and transportation enterprises, the training of the local population for military service, and the creation of irregular military units. It also discusses the personal involvement of citizens in funding state defense needs. In North Ossetian ASSR, as in other frontline areas, military, social, economic, and political events were closely interconnected, with long-lasting consequences.

Keywords: Great Patriotic War; North Ossetian ASSR; frontline areas; mobilization economy; military mobilization work; society; Ordzhonikidze; evacuation measures; military training of the population; Defense Fund; “red convoys”; “hectares of defense”; construction of defensive lines.

«МЫ ДОБЬЁМСЯ, ЧТОБЫ ОЦЕНКА ТАКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ БЫЛА НЕЗЫБЛЕМА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА»

Историческая оценка преступлений нацистов и их пособников на территории Донбасса в 1941—1943 гг.

Сведения об авторе. Саенко Антон Сергеевич — младший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН; ведущий специалист Управления общественных проектов, доцент кафедры теории и истории государства и права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: saenko.anton.2015@yandex.ru).

Аннотация. В статье проанализированы категории преступлений нацистов и их пособников на территории Сталинской и Ворошиловградской областей в период немецко-фашистской оккупации 1941—1943 гг. Рассматриваемым действиям дана историческая оценка. Актуальность темы исследования, связанная в первую очередь с необходимостью сохранения исторической памяти о жертвах преступлений нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны, всё чаще становится объектом политических нападок, фальсификаций и мифологизаций, исходящих от современных европейских государств. Для защиты исторической памяти в Российской Федерации проводится целый комплекс мер, включая законодательные. В 2024 году верховными судами Луганской и Донецкой народных республик, как и ещё в 31 субъекте РФ, признан геноцид народов СССР нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны. В статье на основе неопубликованных документов федеральных и ведомственных архивов, источников личного происхождения, зафиксированных автором, проанализированы классифицированные по нормам международного права факты преступлений нацистов и их пособников в Донбассе в 1941—1943 гг. Оценки этих преступлений (историческая, морально-этическая и судебно-правовая), подкреплённые новейшими исследованиями и решениями судов ЛНР и ДНР 2024 года, остаются актуальными и могут стать основой для рассмотрения современных международных преступлений в регионе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; нацизм; оккупация; военные преступления; преступления против человечности; геноцид; жертвы нацизма; Донбасс; Сталинская и Ворошиловградская области; федеральный проект «Без срока давности».

Целый ряд военных преступлений, преступлений против человечности совершили в период Великой Отечественной войны нацисты и их пособники. Некоторые из них были справедливо осуждены Международным военным трибуналом в Нюрнберге, Международным военным трибуналом для Дальнего Востока, в ходе судебных процессов в регионах Советского Союза, однако далеко не все понесли наказание за содеянное. Работа по их поиску и наказанию продолжалась долгие годы после окончания войны. Согласно международным конвенциям¹ и Уголовному кодексу (УК) РФ² совершённые нацистами и их пособниками в период временной оккупации территории Советского Союза военные преступления, преступления против человечности и геноцид не имеют срока давности.

Особо отметим, что в Российской Федерации на законодательном уровне продолжается работа по защите исторической правды о геноциде народов СССР в годы Великой Отечественной войны со стороны нацистов и их пособников. В частности, 1 января 2026 года вступил в силу Федеральный закон от 21 апреля 2025 года № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов». Он закрепил юридическое определение геноцида советского народа, установил формы увековечения памяти жертв (захоронение и перезахоронение останков, поисковая работа, создание музеев и экспозиций, публикация материалов и др.), а также определил полномочия органов власти в этой сфере. Кроме того, 20 апреля 2026 года вступил в силу ФЗ от 9 апреля 2026

года № 100 «О внесении изменений в статьи 243.4 и 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»³. Он внёс изменения в Уголовный кодекс, установив уголовную ответственность за ряд действий, связанных с геноцидом советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Вопросам наказания за вышеназванные преступления посвящены труды российских историков и юристов. Основы, результаты и значение Международного военного трибунала в Нюрнберге и Международного военного трибунала для Дальнего Востока рассмотрены в работах А.Н. Савенкова⁴, А.Г. Звягинцева⁵, Р.М. Валеева, Е.Ю. Антоновой⁶, С.В. Тужилина⁷, Е.Е. Корольковой⁸.

Были охарактеризованы судебные процессы в отношении нацистов и их пособ-

ников, состоявшиеся на территории Советского Союза в 1943—1949 гг.⁹, а также в субъектах РФ в 2020—2025 гг. касательно судебных дел о геноциде советского народа в годы Великой Отечественной войны¹⁰.

В судебном порядке признаны геноцидом народов СССР и преступления, совершённые в Сталинской (совр. Донецкой) и Ворошиловградской (Луганской) областях в период нацистской оккупации Донбасса (1941—1943).

Представленная в настоящей статье историческая оценка этих преступлений, сделанная на основе анализа архивных документов, призвана существенно дополнить историографию проблемы, способствовать сохранению памяти о жертвах нацизма и внести вклад в историко-правовое просвещение населения.

С 2019 года в России началась реализация федерального проекта «Без срока давности». Его цель — решение государственных, общественных, образовательных и просветительских задач, важнейшими из которых стали формирование, сохранение исторической памяти и защита исторической правды о жертвах нацистских преступлений среди мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Для выполнения этих задач задействованы ресурсы целого ряда министерств и ведомств России, которые в рамках своих компетенций осуществляют проект. Например, Министерство просвещения РФ реализует его образовательно-просветительские мероприятия в системе основного общего, среднего общего, среднего профессионального и высшего педагогического образования. Федеральной службой безопасности, Службой внешней разведки и Министерством обороны РФ рассекречиваются и публикуются документы, раскрывающие новые и малоизвестные факты, детали преступлений нацистов и их

пособников против советских граждан в годы войны. Однако решить эти задачи достаточно сложно, не имея исторических оценок, основанных на прочной доказательной базе.

Руководствуясь нормами права, Следственный комитет РФ, обнаруживая останки гражданского населения и советских военнопленных, погибших в период нацистской оккупации, возбуждает уголовные дела. Такая работа активно проводится сотрудниками следственных органов вместе с поисковиками и исследователями.

С 2020 по 2025 год по поручению Генерального прокурора России И.В. Краснова в 33 регионах страны состоялись 33 судебных процесса по признанию геноцида народов СССР во время Великой Отечественной войны¹¹.

Необходимость работы по оценке геноцида народов Союза ССР со стороны нацистов и их пособников неоднократно подчёркивалась на самом высоком государственном уровне. 27 января 2024 года Президент России В.В. Путин на спектакле-концерте в Санкт-Петербурге, посвящённом 80-летию полного освобождения Ленинграда

от фашистской блокады, заявил: «Их действия [нацистов и их пособников. — Прим. авт.] в отношении многонационального советского народа полностью соответствуют признанному во всём мире определению геноцида, и мы добьёмся, чтобы оценка таких преступлений была незыблема в системе международного права»¹².

Первый судебный процесс состоялся в Новгородской области ещё 27 октября 2020 года. Тогда Солецкий районный суд рассмотрел дело о признании геноцидом массового убийства мирных граждан в деревне Жестяная Горка Батецкого района Новгородской (Ленинградской) области в годы Великой Отечественной войны. В результате этого преступления погибли около 2600 человек¹³.

Вскоре были представлены доказательства преступлений и геноцида, совершённых нацистами и их пособниками в отношении советских военнопленных и гражданского населения СССР, в судебных процессах, состоявшихся в Псковской, Ростовской, Орловской, Брянской, Ленинградской, Московской, Белгородской областях, Крас-

Рабочая карта (Arbeitskarte) А. Оболтусовой: «Владельцу сего разрешается выход из помещения единственно ради работы»
Государственный архив Донецкой Народной Республики.
Ф. (не указан). Оп. 20. Инв. № 1113.

Водоочистительный цех металлургического завода имени Ильича в г. Мариуполе, взорванный немецкими войсками при отступлении
Осень 1943 г.
Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 155. Л. 1.

нодарском и Ставропольском краях, других регионах страны. Во время каждого такого судебного процесса прокуратура предъявляла документальные подтверждения преступлений. Основной массив данных привлекался за счёт федеральных, ведомственных, региональных архивов, в т.ч. рассекреченных документов.

Необходимо строго разграничивать категории этих преступлений. Проводя их историческую оценку, следует опираться на нормы международного права. Важным при этом является рассмотрение условий, которые позволяли нацистам и их пособникам совершать такие преступления и оправдывали их с точки зрения нацистского руководства. Считаю целесообразным дать и морально-этическую оценку таких преступлений, что необходимо для формирования духовно-нравственных ценностей, сознательного отношения к миру и безопасности, прошлому, настоящему и будущему.

Как известно, самые ужасные преступления чинились чаще всего в период войн. Во время Великой Отечественной войны нацистская Германия и её сателлиты на оккупированной территории Советского Союза совершали международные преступления. В ст. 6 Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге от 8 августа 1945 года военные преступления определены как нарушение законов и обычаев войны. К ним относятся: убийства, истязания (пытки) и увод в рабство военнопленных и гражданских лиц; убийство заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и т.д.

Первые военные преступления на территории региона нацисты совершали в периоды подготовки к взятию городов.

Войсками вермахта проводились бомбардировки и артиллерийские обстрелы, в итоге погибали мирные люди. В секретной директиве верховного командования вермахта (ОКВ) о разрушении Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза от 7 октября 1941 года указывалось следующее. Перед захватом город должен быть превращён в развалины артиллерийским огнём и авианалётами, а население — обращено в бегство¹⁴. Такие действия в соответствии с Гаагской конвенцией (1923) и Женевской резолюцией (1938) не являются военной необходимостью. Жертвами стали тысячи жителей Донбасса. Так, при бомбардировках г. Ровеньки Ворошиловградской области погибли более 2000 человек¹⁵. Кроме того, под удары попадали санитарные поезда и полевые госпитали. Такие же военные преступления совершались вермахтом и при отступлении с территории региона. В частности, 7 сентября 1943 года, когда нацисты оставили в Сталинской области г. Дружковку, продолжались его обстрелы, в итоге погибли 400 мирных жителей¹⁶.

В период оккупации Донбасса советские следственные органы зафиксировали многочисленные факты убийств гражданских лиц и советских военнопленных. Первые военные преступления нацистов в регионе были совершены в Мариуполе 8 октября 1941 года. Заходя в город, немецкие войска вели беспорядочный огонь и по военным, и по гражданским целям. Их главной задачей стало запугивание местного населения.

С особой жестокостью оккупанты убивали сельских активистов. Так, первого председателя Новотроицкого колхоза Добропольского района Сталинской области П.Г. Гетмана нацисты пытали, а после живьём закопали в землю¹⁷. Так же был убит и председатель колхоза с. Верхнешевы-

ревка Краснодонского района Ворошиловградской области И.Е. Шевырев¹⁸.

Оккупировав регион, нацисты приступили к созданию для его населения мест лишения свободы — тюрем, лагерей, гетто, где люди подвергались избиениям, пыткам, издевательствам и убийствам, что зафиксировано в многочисленных актах Чрезвычайной государственной комиссии, показаниях выживших и свидетелей. В ходе работы автором установлено, что в оккупированной Ворошиловградской области действовали 13 тюрем, а в Сталинской — 12. В тюрьмы люди попадали за невыполнение трудовой повинности, нарушение комендантского часа, по подозрению в помощи партизанам и т.д. Установить точное количество содержащихся там людей не представляется возможным. Однако известны факты истязаний и пыток гражданского населения в этих местах лишения свободы.

Ещё одна большая группа жертв военных преступлений

миссар иностранных дел СССР В.М. Молотов в ноте, направленной 11 мая 1943 года всем послам и посланникам стран, с которыми Советский Союз имел дипломатические отношения, указывал: «Лагерный режим, установленный для советских военнопленных, является грубейшим и возмутительным нарушением самых элементарных требований, предъявляемых в отношении содержания военнопленных международным правом и, в частности, Гаагской Конвенцией 1907 года, признанной как Советским Союзом, так и Германией»²⁰.

При детальном анализе документов Чрезвычайной государственной комиссии, а также недавно рассекреченных материалов Сталинского судебного процесса 1947 года автором установлено, что на территории Сталинской области для содержания советских военнопленных оккупанты создали 62 лагеря, в Ворошиловградской — 11. Известно, что самый большой лагерь

Оккупировав регион, нацисты приступили к созданию для его населения мест лишения свободы — тюрем, лагерей, гетто, где люди подвергались избиениям, пыткам, издевательствам и убийствам

нацистов — советские военнопленные. На их уничтожение давал установку солдатам вермахта А. Гитлер, отмечая, что «всякое снисхождение, человечность по отношению к военнопленным строго преследуется <...>. По пленным открывать огонь без предупреждения»¹⁹. Нацисты применяли всевозможные способы уничтожения военнопленных: расстрелы, закапывание живьём, умерщвление каторжным трудом, голодом, болезнями.

На основе многочисленных фактов военных преступлений нацистов против пленных красноармейцев народный ко-

функционировал в г. Сталино (ныне — Донецк) — Дулаг-162, располагавшийся на территории клуба имени Ленина. В этом лагере в условиях, несовместимых с жизнью, содержались не менее 40 тыс. человек, из которых 25 тыс. погибли. История этого лагеря довольно подробно изложена исследователями. 19 января 2026 года на месте Дулага-162 открыт музей героев подполья Донецка.

Советских военнопленных в Донбассе использовали на принудительных работах, в первую очередь в угольной промышленности. Изнурительный труд, отсутствие меди-

цинской помощи, ничтожный рацион питания, содержание в неподходящих для размещения людей помещениях приводили к высокой смертности советских военнопленных. По данным Генеральной прокуратуры РФ, пыткам, истязаниям и убийствам в Сталинской области подверглись более 149 тыс. военнопленных. В Ворошиловградской области их количество до сих пор точно неизвестно²¹.

Нацисты продолжали совершать военные преступления на территории СССР вплоть до последних часов оккупации. Примером уничтожения городов и сёл служит тактика «выжженной земли», когда оккупанты превращали оставляемые территории в «зону пустыни». Эта тактика применялась с целью нанесения как можно большего ущерба Советскому государству и оставшимся на его территории жителям.

7 сентября 1943 года вышел приказ рейхсфюрера СС

Гиммлера о разрушении Донбасса, в котором он требовал: необходимо добиться того, чтобы при отходе из Украины «не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса; чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта»²². По международному праву одним из тяжких считается преступление против человечности. Впервые такое преступление получило определение в пункте «с» ст. 6 Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге. Объект преступлений против человечности, в отличие от военных, — исключительно гражданское население. Важной особенностью такого преступления являются его спланированность, массовость и системность, а целью — преследование людей, насилие над ними, но не пол-

ное уничтожение каких-либо групп населения. Такое насилие осуществлялось оккупантами на основе «расовой теории» — программы покорения, порабощения и уничтожения «неполноценных» народов. После прихода А. Гитлера к власти расизм был объявлен официальной теорией, идеологией и политикой Германии. Установление мирового господства так называемой высшей германской расы рассматривалось Гитлером в качестве ключевой задачи внешней политики.

Самыми большими национальными группами, ставшими жертвами преступлений против человечности в Донбассе, были русские и украинцы. Кроме того, известны случаи, когда дети славян использовались нацистами в качестве подневольных доноров крови. Таким примером служит детский приют «Призрение», организованный нацистами в оккупированной Макеевке Сталинской области. От принудительного донорства в приюте погибли более 300 детей²⁴. Во время оккупации Донбасса наряду со славянами жертвами преступлений против человечности стали евреи, цыгане, греки и представители других национальностей.

В ноябре 1941 года руководством Третьего рейха было дано указание по использованию «русской рабочей силы» в Германии. Весной 1942 года Гитлер обязал «без всяких колебаний ликвидировать дефицит рабочих рук за счёт жителей оккупированных земель». Сталинская и Ворошиловградская области Донбасса, так же как и остальные оккупированные нацистами регионы, становились источниками дешёвой рабочей силы для нужд рейха. С 1941 по 1943 год из региона были вывезены на работы в Третий рейх 323 тыс. человек (252 тыс. из Сталинской обл.²⁵ и 71 тыс. — из Ворошиловградской²⁶), большинство — принудительно. Попадая в нацистские лагеря,

7 сентября 1943 года вышел приказ рейхсфюрера СС Г. Гиммлера о разрушении Донбасса, в котором он требовал: необходимо добиться того, чтобы при отходе из Украины «не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса; чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта»

Г. Гиммлера о разрушении Донбасса, в котором он требовал: необходимо добиться того, чтобы при отходе из Украины «не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса; чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая бы не была выведена на долгие годы из строя, чтобы не осталось ни одного колодца, который бы не был отравлен»²².

Специальные бригады взрывали промышленные предприятия, сжигали дома, шко-

По международному праву одним из тяжких считается преступление против человечности. Впервые такое преступление получило определение в пункте «с» ст. 6 Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге. Объект преступлений против человечности, в отличие от военных, — исключительно гражданское население. Важной особенностью такого преступления являются его спланированность, массовость и системность, а целью — преследование людей, насилие над ними, но не пол-

советские граждане подвергались каторжному труду, издевательствам, истязаниям, несоразмерным наказаниям за малейшие провинности. Лица, угнанные в Германию, по сути, становились рабами.

Житель оккупированного нацистами г. Чистяково (г. Торез) Сталинской области Г.М. Гуртовой вспоминает об угоне и прибытии в концлагерь: «Вылавливали нас и отправляли в Германию уже с весны—лета 1942 г. Спешили. Полицайи вызывали якобы для закапывания противотанковых рвов. А гнали на железнодорожную станцию! Там уже был немецкий конвой. 10 июля 1942 г. нас привезли на место и выгрузили весь эшелон в огромный лагерь. Не сразу мы узнали, что это Флоссенбург. Там было в то время и отделение, заполненное военнопленными. Их вид — ужасный <...>. Просто скелеты. Спрашивал через проволоку — откуда они. С Киевщины, Запорожья <...>. Впервые увидел там вагончик на узкоколейке, наполненный трупами умерших пленных...»²⁷.

Одна из узниц, угнанная из Донбасса в женский концлагерь Равенсбрюк, В.Ф. Калюжная так вспоминает своё пребывание в лагере: «Издевательства были спланированы: главное — обессилить, а потом человек уже и сам забывает, кто он есть. <...> Мучители этого лагеря были по-дьявольски находчивы в способах физического уничтожения и морально-психологического угнетения людей. Они делали всё, чтобы в своих жертвах убить силу сопротивления, волю к жизни. Много можно писать в воспоминаниях о страхе пыток, которые ощутили наши земляки, но не всё можно передать словами»²⁸.

Подобные воспоминания раскрывают подробности военных преступлений, совершённых нацистами в отношении гражданского населения, позволяют уточнить детали и глубже понять, что чувствовал советский человек, находясь в неволе.

Колхозник И.М. Синельников с внуком у разрушенного очага
Село Богородичное Славянского района Сталинской обл., 1942 г.
Фото Б. Ярославцева
Из фондов Главного архивного управления г. Москвы

Разрушенное оккупантами здание средней школы № 30
г. Ворошиловград
Из фондов Луганского краеведческого музея

На скамье подсудимых во время Сталинского судебного процесса
Октябрь 1947 г.

Мемориал у шурфа шахты 4/4-бис, возведённый в 1983 г.
Донбасс: преступления без срока давности... С. 89.

Открытие обновлённого мемориального комплекса у шурфа шахты
4/4-бис
г. Донецк, 12 марта 2024 г.
Донбасс: преступления без срока давности... С. 89.

Здание «лазарета» в г. Артёмовске Сталинской области,
где нацисты истребляли советских военнопленных
Материалы Архива Управления Федеральной службы безопасности России
по ДНР

Кроме того, известны факты принуждения к проституции жительниц Донбасса. Так, в г. Сталино действовали два борделя. Один был для немцев и находился в гостинице «Великобритания», другой — для итальянцев, «Итальянское казино». Девушек набирали на работу по объявлению через газету «Донецкий вестник» или же по «блату». Однако известны случаи, когда к проституции принуждали. Одна из сотрудниц гостиницы «Великобритания» в показаниях НКВД утверждала, что её и ещё нескольких девушек принудили заниматься проституцией²⁹.

Тяжелейшим преступлением против человечности является геноцид. Это понятие официально было введено уже после Международного военного трибунала в Нюрнберге и закрепилось в 1948 году в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Геноцид согласно статье 357 УК РФ — это «действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путём убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы»³⁰.

В годы Великой Отечественной войны геноцид стал нацистской политикой в отношении советских граждан. Это в сравнении с военными преступлениями и преступлениями против человечности является его отличительной особенностью. Реализация политики геноцида должна была обеспечить оккупантам жизненное пространство, которое они планировали заселить немцами. Геноцид на оккупированной территории Донбасса проявлялся в уничтожении определённых групп

населения и порабощении части местных жителей.

Согласно генеральному плану «Ост» нацисты намеревались уничтожить около 20 млн советских граждан, прежде всего славян, считая их «нежелательными по расовым показателям». До 5 млн человек планировалось оставить для обеспечения потребностей «высшей расы», которая будет населять колонизируемые территории. В Донбассе, не считая советских военнопленных, в период оккупации 1941–1943 гг. были уничтожены более 190 тыс. человек, проживавших в регионе.

Инструментами нацистского геноцида, повлёкшими массовую смертность населения Донбасса, являлись искусственно создававшийся голод (как в городах, населённых пунктах, так и в лагерях) и прямое физическое уничтожение в шурфах шахт. Подсчитать точное количество жертв геноцида в регионе невозможно. Однако там сохранились места массовых захоронений советских граждан, уничтоженных нацистами. Самый известный — шурф шахты 4/4-бис в г. Сталино, куда были сброшены 75 тыс. человек. В 1944 году рядом с этим местом был установлен памятный знак, а в 1983-м здесь появился мемориальный комплекс. В 2023 году по решению Президента РФ В.В. Путина Российским военно-историческим обществом была проведена масштабная реконструкция мемориала, установлена скульптурная композиция, обновлены памятные таблички с именами 150 человек, сброшенных в шурф шахты. К сожалению, установить имена всех погибших невозможно, т.к. сброшенные в ствол шахты тела были чрезвычайно плотно утрамбованы.

Кроме того, после освобождения региона от немецко-фашистских захватчиков советскими следственными органами были обнаружены подобные места массовых убийств

на территории шахт «Узловая» — в г. Горловке (14 тыс.)³¹, «Богдан» — г. Красный Луч (более 2000)³² и др.

Геноцид проживавшего в Донбассе гражданского населения подтверждается уничтожением 100 тыс. жителей г. Сталино, 50 тыс. — Мариуполя, 30 тыс. — Макеевки, 10 тыс. — Краматорска, около 8000 — Артёмовска и др.

Сразу после освобождения городов и населённых пунктов

чается в признании абсолютной недопустимости таких деяний с точки зрения общечеловеческих ценностей, гуманизма и морали. Результаты нацистской оккупационной политики ярко свидетельствуют, что идеологии фашизма, нацизма, расовой ненависти, системы оправдания насилия требуют решительного осуждения. Доводы о том, что массовые убийства могут быть «гуманными» или морально санкционированны-

В Донбассе, не считая советских военнопленных, в период оккупации 1941—1943 гг. были уничтожены более 190 тыс. человек, проживавших в регионе

Донбасса советские органы безопасности, как и в других деокупированных регионах СССР, проводили работу по выявлению и задержанию нацистов и их пособников, имевших отношение к убийствам, истязаниям и пыткам советских граждан. Под грузом доказательств почти все подозреваемые признавались в содеянном. К тому же на скамье подсудимых были только те, чья вина многократно подтверждалась уликами и свидетелями. Приговоры этих судов можно считать обоснованными даже по современным меркам, поэтому никого из осуждённых не реабилитировали. Среди известных судебных процессов над совершавшими преступления на территории Донбасса нацистами и их пособниками: Краснодарский процесс (1943) по делу предателей подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия»; Киевский (1946) — где среди обвиняемых был генерал-лейтенант, группенфюрер СС, комендант тыла 6-й армии К. Буркхарт; Сталинский (1947) — над 12 нацистами. После 1947 года розыск и наказание нацистов и их пособников продолжились.

Морально-этическая оценка преступлений нацистов заклю-

ми, даже если они совершены «в рамках приказа» или «в борьбе со злом»³³, являются ничтожными.

26 февраля 2024 года Верховный суд Луганской народной республики (ЛНР) признал военными преступлениями и преступлениями против человечности, геноцидом советского народа установленные и вновь выявленные преступления, совершённые немецко-фашистскими захватчиками на территории Ворошиловградской области в годы Великой Отечественной войны. Аналогичное решение 1 октября того же года вынес Верховный суд ДНР.

Опираясь на опыт Международного военного трибунала в Нюрнберге, подобных дел в других субъектах РФ, верховные суды ЛНР и ДНР дали правовую оценку нацистской политике на территории Ворошиловградской и Сталинской областей соответственно, документально подтвердив масштабы и характер преступлений оккупационных властей.

К участию в судебных процессах прокуратурами ЛНР и ДНР были привлечены свидетели — бывшие узники нацистских концлагерей, угнанные с территории регионов, где прохо-

дили суды; их родственники, очевидцы событий. В качестве экспертов в судебных заседаниях участвовали приглашённые прокуратурой ДНР доктор медицинских наук, профессор юрист В.В. Седнёв и автор данной статьи.

Основу представленных прокуратурой ДНР дел составили документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. Р-7021 «Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» (ЧГК)) и Государствен-

ном архиве Донецкой Народной Республики (Ф. Р-1838 «Сталинская областная комиссия по установлению зверств и злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Сталинской области»; Ф. П-5000 «Партизанское и подпольно-патриотическое движение в годы Второй мировой войны (1941—1945) на территории Сталинской области»).

Подобные судебные процессы стали возможны благодаря кропотливой работе ЧГК. В результате по горячим следам были составлены тысячи актов, сделаны фотографии, подтверждающие факты преступлений, совершённых нацистами на оккупированных территориях против советского народа.

Помимо актов ЧГК представляют интерес и имеют большое значение в установлении соответствующих фактов документы делопроизводства, представленные докладными записками, справками, рапортами, а также источники личного происхождения (воспоминания), фотографии.

Ход судебных процессов в ЛНР и ДНР широко освещался на сайтах Генеральной прокуратуры и Следственного комитета РФ, верховных судов Луганской и Донецкой народных республик, федеральными и региональными СМИ. Судебному процессу в Донецке посвящены публикации, размещённые на сайтах информагентств (ТАСС, РИА «Новости»), а также сюжеты, представленные на федераль-

Памятный знак в честь 7000 советских военнопленных, уничтоженных в г. Торезе Сталинской обл. Установлен в 1967 г.
Материалы сайта «Памяти нашей верны»

Мемориальный комплекс «Непокорённые» на месте шурфа шахты № 5 в г. Краснодоне, куда в январе 1943 г. были сброшены участники комсомольской подпольной организации «Молодая гвардия».
Открыт 2 октября 1982 г.

ных и региональных телеканалах («Первый канал», «РЕН ТВ», «Вести. Донецк», «Первый республиканский телеканал») и в периодических изданиях («Российская газета», «Комсомольская правда», «Московский Комсомолец-Донбасс»).

В завершение — о том, что знает современная молодёжь ДНР о геноциде в Донбассе в годы Великой Отечественной войны. Во время проведённого автором в 2025 году опроса студентов Донецка 36 молодым людям 18–22 лет были заданы вопросы относительно геноцида. Результаты показали, что у студентов имеются фрагментарные представления о геноциде, но практически отсутствуют фактологические знания, образы, связанные с этим понятием. Следует особо отметить, что самым эффективным инструментом противодействия геноциду сегодня молодёжь называет систему образования.

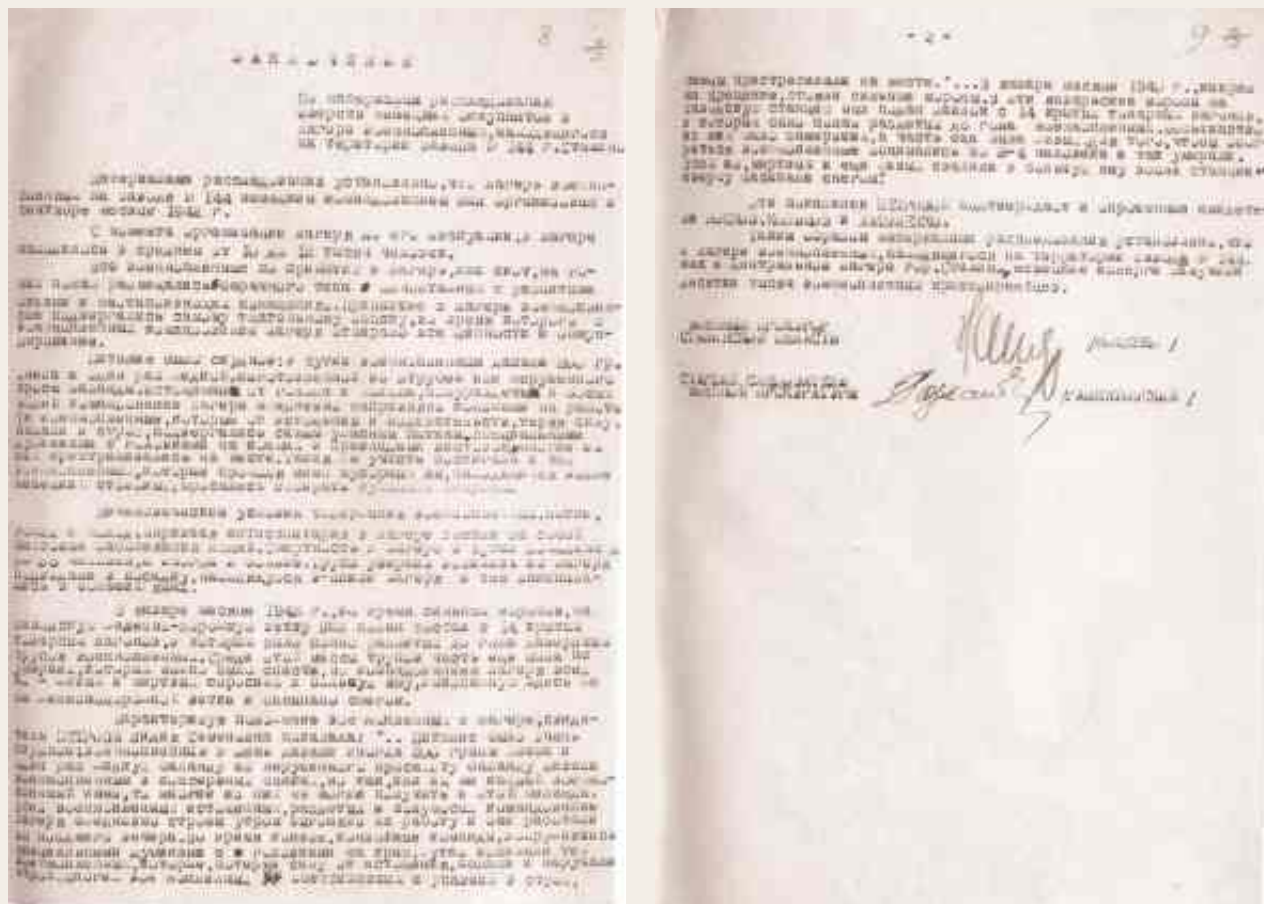
Таким образом, преступления нацистов и их пособников на территории Донбасса в 1941–1943 гг. имеют чёткое разграничение. Анализ конкретных фактов преступлений позволил классифицировать их и соотносить с нормами международного права, а также выявить, какие условия, обстоятельства способствовали совершению этих преступлений. Результаты новейших исследований, отражённые в настоящей статье, позволили уточнить количество лагерей и тюрем, созданных оккупантами в годы войны в Сталинской и Ворошиловградской областях.

С исторической оценкой преступлений нацистов в период Великой Отечественной войны тесно связаны морально-этическая, юридическая и судебно-правовая оценки. Нацисты объявили о своём расовом превосходстве, что привело к формированию особой «расовой

морали», и для них уничтожение «расово неполноценных» людей стало «необходимой мерой очищения и укрепления национального организма». В рамках этой системы ценностей жизни «неарийцев» не стоили ничего, а их страдания и гибель воспринимались как закономерные и морально оправданные.

Способом морального осуждения преступлений является сохранение исторической памяти о страданиях жертв нацизма. Эту работу необходимо проводить с опорой на исторические источники, литературу, создание и посещение мемориалов, музеев и интеграцию адаптированных материалов в учебно-воспитательный процесс. Эта работа системно проводится организациями, реализующими федеральный проект «Без срока давности».

Проблема юридической и судебно-правовой оценок совер-

Заключение по материалам расследования зверств немецких оккупантов в лагере военнопленных, находившемся на территории завода № 144 г. Сталино
ГА РФ. Ф. Р-7021. Он. 72. Д. 815. Л. 8—9.

шённых нацистами и их пособниками в 1941—1943 гг. на территории Донбасса военных преступлений, преступлений против человечности, геноцида советского народа остаётся актуальной и спустя более 80 лет. Отдельного внимания заслуживают решения, вынесенные верховными судами ЛНР и ДНР в 2024 году (при этом особую роль сыграло экспертное сообщество историков и архивистов). Эти беспрецедентные для региона решения представляют собой новый опыт. Подобные судебные процессы, несомненно, послужат основой для рассмотрения дел, связанных с международными преступлениями Украины при поддержке иностранных государств в условиях военного конфликта на территории Донбасса, Запорожской, Херсонской областей и прифронтовых регионов.

Несмотря на большое количество научных изысканий, при изучении названной темы остаются проблемы и вопросы, которые ждут своих исследователей. Среди них — изучение

мемориальных практик и их институционализация, компаративистика памяти о геноциде в разных странах, деятельность советских следственных органов, органов безопасности по выявлению нацистских преступников и их пособников и др.

Память о жертвах геноцида будет жить, пока она будет частью ежедневной работы — когда из архивных документов и судебных решений рождаются школьные уроки, музейные экспозиции, исследовательские проекты молодёжи, когда бережно сохраняют места памяти и превращают их в точки притяжения и памяти для новых поколений. Память будет жить, если мы будем слышать в исторических фактах голоса конкретных людей — тех, чьи судьбы оборвались в концлагерях, местах массовых расстрелов, сожжённых деревьях. И если из уроков той трагедии мы будем последовательно делать выводы о ценности человеческой жизни и о том, как важно вовремя распознавать и останавливать любые проявления ненависти

и насилия. Историческая память, защита которой является стратегическим национальным приоритетом России³⁴, должна быть нравственным ориентиром для настоящего и будущего — основой для воспитания ответственности, солидарности и уважения к истории своей страны. И, пожалуй, самое главное: память будет жить, только если эту работу будут продолжать вести историки и педагоги, поисковики и сотрудники музеев, студенты и школьники, представители власти и все граждане. К этому нас призывают федеральный проект «Без срока давности» и наш исторический долг.

Исследование выполнено на базе Института научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 25-18-00464 «Политика памяти в ДНР и ЛНР в 2014—2024 гг.: условия формирования, акторы, институциональные практики».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности. Принята резолюцией 2391 (XXIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 26 ноября 1968 г.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2025 г.). Ст. 78.

³ Федеральный закон от 9 апреля 2026 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в статьи 243.4 и 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁴ Савенков А.Н. Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции. М.: Ин-т гос-ва и права РАН, 2022.

⁵ Звягинцев А.Г. Уроки Нюрнберга. Вселенское зло перед судом истории // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 1. С. 100—107.

⁶ Антонова Е.Ю. Преступления против мира и безопасности человечества — наследие Нюрнбергского,

Токийского и Хабаровского процессов // Историческое и правовое наследие Токийского и Хабаровского процессов в обеспечении безопасности человечества: Материалы межвуз. науч.-практ. конф., Владивосток, 25 ноября 2022 г. Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т, 2023. С. 22—29.

⁷ Тужилин С.В. «Совершённые преступления являются громадным злодеянием против человечества». Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками (к 70-летию события) // Военно-исторический журнал. 2020. № 12. С. 18—24.

⁸ Королькова Е.Е. Нюрнбергский процесс: к 300-летию органов прокуратуры // Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права: Материалы всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Оренбург, 29 марта 2021 г. Ногинск: Аналитика Родис, 2021. С. 33—37.

⁹ Верешков И.Н., Романько О.В. Фонд 100 Архива УФСБ по Респуб-

лике Крым и г. Севастополь как источник по истории нацистской репрессивной политики на территории Крыма: обзор документов и материалов // Вестник архивистов Крыма: сб. статей / Сост. Т.А. Шарова. Вып. 6. Симферополь: Антикава, 2022. С. 73—76; Красножёнова Е.Е., Асташкин Д.Ю. Преступления против детства на Ленинградском судебном процессе (27 декабря 1945 — 4 января 1946 г.) // Вопросы истории. 2022. № 7-1. С. 70—82; Фёдоров А.В. Хабаровский процесс: историко-правовые аспекты и современные вызовы // Юридический мир. 2021. № 11. С. 19—27; Агапов В.Л. Открытый судебный процесс 1947 г. на Донбассе в г. Сталино о зверствах немецко-фашистских захватчиков // Идеология будущего. 2023. № 11. С. 63—78; Кикнадзе В.Г. Всегда будут примером «необходимой духовной цельности и моральной чистоты». Подвиг молодёжи в борьбе с геноцидом народов СССР в Великой Отечественной войне: рассекречены документы о деятельности «Молодой

гвардии» // Военно-исторический журнал. 2024. № 4. С. 4—19.

¹⁰ Аверьянов А.В. Судебный процесс о признании геноцидом нацистских преступлений на территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: Материалы IV всерос. науч. конф. с международным участием, посвящённой 80-летию освобождения Дона и Донбасса, Ростов-на-Дону, 5—8 июля 2023 г. / Отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов-н/Д.: Федеральный исслед. центр Южный науч. центр Рос. акад. наук, 2023. С. 380—387; Кикнадзе В.Г. Количество жертв геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны // Наука. Общество. Оборона. 2025. Т. 13. № 1. С. 1; Боброва О.В. Геноцид в историческом аспекте. На основе правоприменительной практики // Обозреватель. 2024. № 3. С. 113—131.

¹¹ Кикнадзе В.Г., Романько О.В., Саенко А.С. [и др.] Геноцид народов России. Преступления против советского мирного населения и военнопленных в годы Великой Отечественной войны. М.: Прометей, 2024. С. 85.

¹² Путин: оценка геноцида советского народа должна быть незыблема в системе международного права // Беларусь сегодня. 2024. 27 января. URL: <https://www.sb.by/articles/putin-otsenka-genotsida-sovetskogo-naroda-dolzha-byt-nezyblema-v-sisteme-mezhdunarodnogo-prava.html>.

¹³ Там же.

¹⁴ Нюрнбергский процесс: сб. материалов в 8 т. Т. 3. М.: Юрид. лит., 1989. С. 625.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-7021. Оп. 56. Д. 3. Л. 25.

¹⁶ Там же. Оп. 72. Д. 20. Л. 2.

¹⁷ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. АУД. № 19091. Т. 6. Л. 120.

¹⁸ История городов и сёл Украинской ССР: Ворошиловградская область. Киев: Глав. ред. Укр. сов. энциклопедии, 1976. С. 302.

¹⁹ Ворошиловградская область в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне: сб. архивных документов. Ростов-н/Д.: Южный изд. дом, 2025. С. 58.

²⁰ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 6. Оп. 3. П. 3. Д. 24. Л. 25.

²¹ В Донецке суд удовлетворил заявление прокурора об установлении факта геноцида народов Советского Союза, подготовленное по поручению Игоря Краснова // Генеральная прокуратура Российской Федерации. 2024. 1 октября. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e468576>.

²² Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР: сб. документов и материалов. М.: Кучково поле, 2015. С. 254.

²³ ФСБ рассекретила документы об ущербе Донбассу в годы Великой Отечественной войны // ТАСС. 2025. 8 мая. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23884935>.

²⁴ Саенко А.С. Макеевский приют «Призрение» в источниках личного происхождения // Советский Союз в исторической памяти поколений:

Материалы всерос. науч.-практ. конф., посвящённой 100-летию образования СССР. Чебоксары, 6 декабря 2022 года / Отв. ред. А.Г. Берман. Чебоксары: Чувашский гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2023. С. 181—185.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 1. Д. 598. Л. 140.

²⁶ Суд удовлетворил подготовленное по поручению Игоря Краснова заявление прокуратуры об установлении факта геноцида народов Советского Союза // Генеральная прокуратура Российской Федерации. 2024. 26 февраля. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e470718>.

²⁷ Живая память. Воспоминания бывших узников — жертв нацизма / Под общ. ред. А.С. Саенко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: МПГУ, 2025. С. 180.

²⁸ Там же. С. 170, 171.

²⁹ Кринко Е.Ф., Сак К.В. «Дома терпимости» в Ростовской и Сталинской областях в период немецкой оккупации в 1942—1943 гг. // Уральский исторический вестник. 2023. № 2. С. 111.

³⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Ст. 357.

³¹ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 19. Л. 4в.

³² Там же. Оп. 56. Д. 791. Л. 9.

³³ The Nazi's Pursuit for «Humane» Method of Killing // Understanding Willing Participants. Vol. 2. New York: Palgrave Macmillan, P. 241—276.

³⁴ Кикнадзе В.Г. Сила V правде. Защита исторической памяти как стратегический национальный приоритет России. М.: Вече, 2022. 320 с.

A.S. Sayenko

«WE WILL ENSURE THAT THE EVALUATION OF SUCH CRIMES REMAINS UNWAVERING WITHIN THE FRAMEWORK OF INTERNATIONAL LAW»

A historical analysis of the crimes committed by the Nazis and their collaborators in the Donetsk and Lugansk regions during the 1941—1943 period

Information about author. Anton Sayenko – junior researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences; Leading specialist at the Department of Public Projects, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: saenko.anton.2015@yandex.ru).

Summary. This paper analyzes the categories of crimes committed by Nazis and their collaborators in the Stalino- and Voroshilovgrad regions during the Nazi occupation from 1941 to 1943. Historical assessment of these events is provided. The relevance of this study is primarily related to the need to preserve historical memory of victims of Nazi atrocities and collaborators during World War II. This issue has become a focus of political attacks, falsifications, and mythologies emanating from modern European countries. To preserve historical memory, the Russian Federation is taking various measures, including legislative ones. In 2024, the Supreme Courts of the Luhansk and Donetsk People's Republics, along with those of 31 other constituent entities of the Russian Federation, acknowledged the genocide perpetrated against the peoples of the Soviet Union by the Nazis and their collaborators during the Great Patriotic War. This paper, based on previously unpublished documents from federal and regional archives, as well as personal accounts documented by the author, examines the crimes committed by Nazi forces and their accomplices in Donbas between 1941 and 1943, in accordance with international laws. The historical, moral, ethical, and legal assessment of these atrocities, supported by recent studies and court decisions in the LPR and DPR from 2014, remain relevant today and can serve as a foundation for investigating contemporary international crimes in the area.

Keywords: Great Patriotic War; Nazism; occupation; war crimes; crimes against humanity; genocide; victims of Nazism; Donbas; Stalingrad and Voroshilovgrad regions; federal project No Statute of Limitations.

«ТЕПЕРЬ УЖЕ НЕ ПРИХОДИЛОСЬ ЖАЛЕТЬ ПАТРОНОВ И ДРОЖАТЬ ЗА КАЖДЫЙ ИЗРАСХОДОВАННЫЙ СНАРЯД...»

Первые дни Брусиловского прорыва
в документах и воспоминаниях его участников

Сведения об авторе. Канищев Владимир Валерьевич — доцент кафедры истории и философии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, доцент кафедры безопасности и правопорядка Тамбовского государственного технического университета, кандидат исторических наук (г. Тамбов. E-mail: kan-vladimir-tamb@yandex.ru).

Аннотация. В статье на основе архивных документов, воспоминаний участников Первой мировой войны с обеих сторон и оценок военных экспертов рассматриваются детали начала большого наступления Юго-Западного фронта летом 1916 года в контексте овладения Сопановским плацдармом. В результате анализа источниковой базы воссоздается картина действий частей и подразделений Русской Императорской армии, наносивших основной удар и осуществлявших вспомогательные действия на данном участке фронта; выявляются особенности обстановки, сложившейся на занятом плацдарме, и прослеживается ход дальнейшего наступления; приводятся наиболее яркие примеры подвигов русских военных, совершённых в ходе осуществления прорыва.

Ключевые слова: Первая мировая война; Сопановский прорыв; Сопановский плацдарм; наступление Юго-Западного фронта 1916 года; Брусиловский прорыв; летняя кампания 1916 года; Русская Императорская армия; 11-я армия генерала от кавалерии В.В. Сахарова; журналы военных действий; воспоминания участников Первой мировой войны; оценки военных экспертов.

Наступление Юго-Западного фронта летом 1916 года, вошедшее в историю как Брусиловский прорыв, довольно широко освещено в отечественной историографии. Подробный анализ этой операции был сделан ещё в 1924 году в сборнике военно-научных трудов под редакцией П.В. Черкасова¹. Большой интерес вызывают работа участника войны Е.Э. Месснера, посвящённая 50-летию Луцкой операции и изданная в Нью-Йорке в 1968 году², и классическое исследование А.М. Зайончковского³. В числе современных публикаций можно отметить работы

И.В. Буйко⁴, А.А. Смирнова⁵, А.В. Олейникова⁶, С.Г. Нелиповича⁷ и И.А. Моторина⁸, содержащие общие и детализированные описания событий, происходивших на Юго-Западном фронте в период летней кампании 1916 года. В данной статье, включающей анализ документов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), воспоминаний участников Первой мировой войны с обеих сторон и содержащей ряд оценок военных экспертов, более подробно освещается первый этап наступательной операции, начавшейся 22 мая 1916 года*.

Своего рода «увертюрой» к наступлению Юго-Западного фронта стали основные и вспомогательные действия частей 11-й армии генерала от кавалерии В.В. Сахарова в районе Сопановского плацдарма, в частности, 3-й и 35-й пехотных дивизий 17-го армейского корпуса. По данным журнала военных

действий 12-го пехотного Великолуцкого полка 3-й пехотной дивизии, к 2 ч ночи 22 мая 1916 года батальоны были сосредоточены на Сопановском плацдарме, а артиллерийская пристрелка началась в 5 ч утра, и к 14 ч огонь вёлся уже по третьей линии обороны противника. Наступавшая за огненным валом пехота действовала

весьма успешно: «Натиск был настолько решителен и энергичен, что роты моментально ворвались в первую линию противника...». Несмотря на потери, к 15 ч 45 мин обе вражеские линии на данном участке фронта были заняты русскими войсками. В 20 ч командир полка перешёл в Сопанов в первую линию обороны⁹.

* Все даты указываются по старому стилю в соответствии с записями в архивных документах.

Задача, поставленная перед частями 35-й дивизии, носила вспомогательный характер. Адъютант 138-го Болховского полка отмечал, что соединению «ставилось задачей энергичной демонстрацией привлечь внимание противника и оттянуть к себе резервы его». В 4 ч утра в журнале была отмечена первая канонада у Сопанова. Отвлекающими действиями стали заблаговременное создание сети новых окопов и наведение «декоративных переправ», на которые противник обратил внимание и в течение дня несколько раз принимался обстреливать их артиллерией, употребляя при этом универсальные снаряды. Австрийцы даже выслали аэроплан, который долго кружил над позициями 138-го полка, что подтверждало успешную имитацию прорыва фронта на данном участке. Исходя из оперативных данных, адъютант фиксировал успешные действия наступавших частей 3-й дивизии у Сопаново и констатировал его взятие к 18 ч при овладении двумя линиями обороны и активных боях на третьей. Упомянутое количество пленных составляло примерно 2500 человек¹⁰.

Действия 140-го Зарайского полка 35-й дивизии решали демонстративную задачу по проявлению наступательной активности севернее Сопаново. В ночь на 22 мая на участках полка проводилось укрепление и усовершенствование окопов. Партия разведчиков, высланная для прикрытия работ, вступила в боестолкновение с выдвинутыми вперёд австрийскими подразделениями. Огневой бой шёл с переменным успехом, но всё же русским разведчикам пришлось отойти. До самого утра австрийцы усиленно освещали местность ракетами и прожектором, обстреливая русские окопы ружейным и пулемётным огнём. В 6 ч утра начался артиллерийский обстрел позиций противника. Полковой адъютант довольно подробно

А.А. Брусилов

сообщал о полученных данных в ходе операции и действиях 3-й пехотной дивизии, в результате которых были заняты две линии окопов укрепленной полосы, а также «взято в плен 69 офицеров, 2640 нижних чинов здоровых и 120 раненых, 1 орудие, 14 пулеметов, 36 бомбометов, 1 миномет и 3000 вполне исправных винтовок»¹¹.

Помимо записей, сделанных в полковых журналах, ход событий 22 мая 1916 года отражён в срочных донесениях, освещающих развитие наступления в реальном времени. В донесении исполняющего дела начальника штаба 11-й армии генерал-майора М.И. Шишкевича об оперативной обстановке к 13 ч 22 мая, в частности, говорилось: «...у Сопанова продолжается наша артиллерийская подготовка, по сторонам дороги Сопанов — Турия проделано несколько проходов в заграждениях противника. Противник пассивен»¹². К 20 ч 30 мин в оперативной сводке, представленной Шишкевичем, сообщалось об успешных действиях 3-й пехотной дивизии, о полном прорыве фронта противника и захвате всех трёх линий его обороны¹³. К 24 ч он телеграфировал о попытках австрийцев

контратаками восстановить положение на фронте, которые были пресечены огнём русской артиллерии¹⁴. К 8 ч утра 23 мая оперативная сводка, представленная Шишкевичем, сообщала о большом количестве пленных, трофеев и потерях противника: «...взятые окопы завалены трупами и ранеными австрийцами...» Здесь же содержались сведения о больших потерях нашего 12-го полка и о том, что «в 2-х его батальонах выбыли все офицеры...»¹⁵.

23 мая командующий Юго-Западным фронтом генерал от кавалерии А.А. Брусилов направил командующему 11-й армией телеграмму, в которой, в частности, выражал благодарность и восхищение действиями 3-й пехотной дивизии¹⁶.

Последующие события после успешного прорыва на Сопановском плацдарме подробно отражены на страницах журнала 12-го пехотного полка. С 23 по 24 мая австрийцы предпринимали многочисленные контратаки, не имевшие никакого успеха ввиду прекрасной работы русской артиллерии. В свою очередь 12-му и 9-му полкам 3-й дивизии удалось овладеть несколькими высотами, что создавало выгодную стратегическую конфигурацию. Команда разведчиков и другие команды 12-го полка подбирали раненых, закапывали трупы и собирали трофеи¹⁷.

27 мая сообщалось, что в 12-й полк пришла телеграмма от Государя Императора со словами благодарности за прошедшие бои, а 29 мая был получен приказ: ввиду отхода противника 17-й корпус должен начать продвижение вперёд, а 12-й полк при этом остаётся в резерве¹⁸. Это объяснялось большими потерями полка, поскольку тот действовал на самом остром русского наступления.

138-й Болховский полк продолжал выполнять отвлекающие манёвры, вызывавшие у австрийцев сильное раздражение. 24 мая было отмечено, что

нервозность противника усиливается до максимума: «... то там, то сям австрийцы вдруг открывали усиленную ружейную и пулеметную стрельбу и выпускали громадное количество ракет». Ночью 26 мая после основательной артподготовки противник несколько раз пытался переходить в атаку, но действия артиллеристов 35-й дивизии были на высоте: «Огнем нашей артиллерии часть батарей противника была “загашена” и, снявшись, уехала куда-то на юго-запад». 29 мая полк получил приказ перейти к активным действиям. 35-й дивизии ставилась задача выбить противника из лабиринта ходов сообщения в районе Хотовка — Сопановский лес. Однако выяснилось, что австрийцы оставляют занимаемые позиции и начинают отход¹⁹.

Действия 140-го Зарайского полка в последовавшие после прорыва дни описывались полковым адъютантом в контексте удержания противника в состоянии высокого нервного напряжения. Примером этому могут служить довольно интересные факты. В течение всей ночи 23 мая вёлся обстрел проволочных заграждений противника в местах, прорванных

В.В. Сахаров

ружейным и пулемётным огнём, а также артиллерией, т.к. австрийцы пытались устранить разрывы. Ночью 24 мая разведчикам 9-й роты была поставлена задача установить в четырёх шагах от вражеских проволочных заграждений плакат с надписью: «Сопанов взят и 6000 пленных». Увидевшие его на рассвете австрийцы «открыли ружейную и бомбометную стрельбу и пытались

палками и веревками достать этот плакат, но попытка их не увенчалась успехом». К концу того же дня для привлечения внимания вражеской артиллерии на южной окраине деревни Дворец была устроена дымовая завеса, и австрийцы обстреляли это место шрапнелью.

С утра 25 мая над позициями полка летали два неприятельских аэроплана, разбрасывая прокламации, а позже из города Почаев был выпущен бумажный шар, который пролетел над деревней Старый Кокорев и взял направление на село Поповцы, где и опустился на землю. После того как шар был подобран и осмотрен, в нём были также обнаружены вражеские пропагандистские листовки (их содержание в журнале не уточняется). В последующие дни велись так называемые артиллерийские дуэли и обоюдные вылазки разведывательных команд²⁰.

Согласно изученным архивным документам за бои в районе Сопаново многие командиры были награждены Георгиевскими знаками отличия. Так, орден Св. Георгия 4-й степени получил командир 10-го Новоингерманландского полка 3-й пехотной дивизии

Диорама «Брусиловский прорыв»
Художник П.А. Рыженко, 2013 г.

В.А. Геннингс, проявивший 22 и 23 мая высокие командирские качества, личное мужество и героизм при штурме и удержании позиций на плацдарме, находясь под постоянным огнём противника²¹. Отдельной благодарности заслужили русские артиллеристы. Командир 1-й батареи 3-й артиллерийской бригады 3-й пехотной дивизии подполковник Г.П. Афанасьев в бою 22 и 23 мая «с редким хладнокровием и мужеством» руководил огнём своей батареи, что привело к практически полному «молчанию» артиллерии противника и ослабило его сопротивление настолько, что наши войска малой кровью овладели укрепленной позицией и взяли много пленных и трофеев. А его сослуживец командир 2-й батареи подполковник А.А. Кузьмин с 22 по 27 мая, находясь на наблюдательном пункте в тяжёлых условиях, также продуктивно руководил огнём своей батареи, слолив упорное сопротивление неприятельской артиллерии, что привело к успешному наступлению наших войск. Оба офицера были награждены орденом Св. Георгия 4-й степени²².

Действия сапёров на фронте, на первый взгляд, кажутся ме-

М.И. Шишкевич

нее героическими, но во многом именно они способствовали дальнейшему продвижению войск. Полковник Н.П. Никушкин, руководя работой инженеров 17-го армейского корпуса в период с марта по май 1916 года и, в частности, организовав минную и контрминную работу на позициях 3-й дивизии у Сопанова, постоянно находился под огнём противника. 23 мая он лично руководил

постройкой моста через реку Икву под сильным обстрелом. За умелые действия и проявленную храбрость офицер был награждён Золотым Георгиевским оружием²³.

Полковник 12-го Великолуцкого полка Г.В. Хорошавин 25 мая возглавлял атаку батальона под ураганным огнём, который противник вёл практически из всех видов оружия. Под его руководством батальон смог штыковой атакой выбить австрийцев из двух линий окопов, несмотря на потери 75 проц. офицерского состава, отразил несколько контратак и удержался на захваченном плацдарме²⁴. За умелые действия и личную храбрость, проявленные в бою, Хорошавин был также награждён Золотым Георгиевским оружием.

В тот же день в бою у Сопановского леса в результате аналогичных действий Георгиевское оружие заслужил командир 2-го батальона капитан В.Н. Войнюков²⁵. Стоит отметить интересный факт: офицеры-однополчане, совершив подвиг в один и тот же день, были удостоены своих наград в разное время. Приказ о награждении В.Н. Войнюкова был подписан Государем Им-

**Нагрудный знак 12-го пехотного
Великолукского полка**

ператором 2 февраля 1917 года, а подвиг Г.В. Хорошавина обрёл юридический статус уже при Временном правительстве 28 апреля 1917 года.

Итоги операции нашли своё отражение в многочисленных промежуточных рапортах и донесениях. Так, в срочном донесении от 25 мая 1916 года ис-

ных участников описываемых событий, имеющие зачастую сильный эмоциональный фон и усиливающие эффект восприятия происходившего на линии боевого соприкосновения. В воспоминаниях старшего адъютанта штаба 17-го армейского корпуса капитана А.В. Черныша говорилось о подготовке штурма двумя полками 3-й дивизии и демонстративных действиях 35-й дивизии в виде «шевеления пехоты» на своём плацдарме. Он, в частности, отмечал: «Теперь уже не приходилось жалеть патронов и дрожать за каждый израсходованный снаряд: все это в изобилии было подвезено, и 3-я парковая бригада уже устроила снарядный и патронный склад в Веселовке». Автор воспоминаний приводит весьма колоритный пример начавшихся в 6 ч 22 мая действий артиллеристов: «Прислуга у орудий просто неистовствовала в своём бешеном рвении “накласть”

цель «растрепать подошедшие резервы, чтобы отсюда они уже никуда не ушли»²⁸. В последующие дни войска 3-й и 35-й дивизий совместно с другими соединениями продолжали развивать наступление. Автор воспоминаний приводит пример героических, но зачастую необдуманных действий кавалерии, объясняя это следующим образом: «Мы имели в эту войну на фронте так много прекрасной кавалерии и ничтожное число кавалерийских начальников!..»²⁹.

Стоит отметить ещё один интересный факт, отмеченный капитаном Чернышём. Он упоминал о награждении представителей командного состава Георгиевскими наградами, в т.ч. был упомянут и командир 17-го армейского корпуса генерал от инфантерии П.П. Яковлев: «Впоследствии, летом, уже без меня, командующий армией представил командира 17-го корпуса к награждению Георгиевским крестом, какой он и получил»³⁰. Интересно, что в своих воспоминаниях командующий Юго-Западным фронтом А.А. Брусилов сообщал о блестящих действиях 3-й пехотной дивизии, при этом упоминая один досадный факт: «...и только бездарность командира 17-го корпуса генерала Яковлева, упустившего мо-

«Прислуга у орудий просто неистовствовала в своём бешеном рвении “накласть” противнику, снимали обмундирование, одежду и чуть не голыми работали в каком-то бешеном ожесточении»

полняющий дела помощника генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии В.А. Черемисинов докладывал: взятый в плен австрийский ротный телефонист сообщил, что наступление русских было полной неожиданностью. «Все обозы начали отодвигаться в тыл, но теперь возвращаются в район Сопаново». В донесении говорится о накапливании противником сил для восстановления положения на фронте, а в итоге делается вывод: «На всем фронте противник держался пассивно за исключением района Сопаново, где наше наступление встречал ожесточенными контратаками»²⁶.

Особый интерес вызывают воспоминания непосредствен-

противнику, снимали обмундирование, одежду и чуть не голыми работали в каком-то бешеном ожесточении». По его словам, к 5 ч дня сопротивление противника было сломлено, количество пленных превысило 3000 человек и, кроме того, было захвачено большое количество различных трофеев²⁷.

Капитан А.В. Черныш вспоминал, что в ночь на 25 мая австрийцы, подтянув подкрепления, попытались вернуть утраченные позиции: «Мы были взбудоражены необычайной канонадой у Сопанова. Стоял адский гул, грохот и треск, почти не прерываясь». Андрей Васильевич отмечал, что вторая часть возложенной на 17-й корпус задачи имела

**Нагрудный знак 138-го пехотного
Болховского полка**

мент ввести в дело приданную его корпусу Заамурскую конную дивизию, помешала нам овладеть всей неприятельской артиллерией»³¹. Тем не менее приказ о награждении был подписан Государем Императором 4 августа 1916 года. В представлении к награждению П.П. Яковлев был отмечен как разработчик плана прорыва неприятельских позиций у Сопаново, а далее — энергично руководил войсками с 22 по 25 мая и в ходе боёв совместно с 32-м корпусом оттеснил врага к государственной границе, при этом захватив большое количество пленных офицеров и нижних чинов³².

В книге С.Н. Сергеева-Ценского о Брусиловском прорыве упоминается разговор командующего Юго-Западным фронтом А.А. Брусилова со своим начальником штаба В.Н. Клембовским. Получив известие об успешных действиях 17-го корпуса в районе Сопаново, Брусилов восторженно заявил: «Умница комкор Яковлев решил, значит, против Богдановки, где его ждали, устроить только демонстрацию, а ударить по-настоящему от Сопанова, вот и все, — и получился успех!»³³. Как видим, эмоции командующего фронтом в отношении комкора Яковлева менялись в зависимости от хода проведённой операции.

Вместе с тем генерал-майор А.Г. Шольп, командир 3-й дивизии, которая, по словам А.А. Брусилова, «действовала блестяще», своего Георгия не получил. Несмотря на обращения и ходатайства, Петроградской Георгиевской Думой данное представление дважды было отклонено и наложена резолюция: «Третий раз рассмотрению не подлежит»³⁴.

Из воспоминаний прапорщика 11-го пехотного Псковского полка 3-й дивизии Д.П. Оськина следует, что у писаря оперативной части штаба ему удалось выведать следующую установку: «В ночь на 22 мая 11-му полку полностью занять Сопановские позиции,

В.А. Геннингс

сосредоточив весь полк на небольшом и тяжелом участке». Прапорщик Оськин фиксировал царившее в окопах нервное настроение и делал вывод: «Судя по подготовке, по числу подвозимых артиллерийскими транспортом снарядов, можно предположить, что именно под

сторон практически скрывал позиции из виду. Позже обоз был подтянут к передовой, а сам он находился в землянке в шести километрах от поля битвы. Но и здесь чувствовалось колебание почвы от разрывов снарядов. По телефонной связи были получены данные об успешном наступлении и взятии первой линии вражеских окопов³⁶. После занятия второй линии Д.П. Оськин упомянул об одном печальном факте, когда во время осмотра одной из «лисий нор» на захваченных позициях командир сапёрной роты капитан Зенкевич отравился газом из оставленного открытым баллона³⁷. В тексте воспоминаний мы имеем дело с изменённой фамилией. В действительности упоминаемым персонажем был штабс-капитан 17-го сапёрного батальона Николай Павлович Каменский, который был отравлен газом при выполнении поставленной задачи в районе Сопановского плацдарма в ночь на 23 мая 1916 года. Посмертно Н.П. Каменский был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени³⁸.

В представлении к награждению П.П. Яковлев был отмечен как разработчик плана прорыва неприятельских позиций у Сопаново, а далее — энергично руководил войсками с 22 по 25 мая и в ходе боёв совместно с 32-м корпусом оттеснил врага к государственной границе

Сопановым разовьется настоящий генеральный бой». Также он сообщил о переброске всех сил корпуса к означенному плацдарму³⁵.

Наступление, которое началось, по его воспоминаниям, в 3 ч 22 мая, Дмитрий Прокофьевич описал довольно подробно. Находясь при полковом обозе и имея возможность наблюдать начало сражения со стороны, прапорщик Оськин рисовал жуткую картину боя. Артиллерийский огонь с обеих

В своих воспоминаниях Д.П. Оськин приводит рассказ сослуживца по 11-му Псковскому полку поручика Алексея Павловича Ханчева (настоящая фамилия Халчев, в документах одного периода фигурирует то подпоручиком, то поручиком), который со своей ротой действовал в авангарде наступавших войск. Он сообщал, что тяжёлые снаряды разрывали проволоку в клочья, а австрийские окопы заваливало землёй. На занятых рубежах царила

страшная картина: «Огромное количество убитых австрийцев, масса разорванных в клочья. Тут же совершенно обалдевшие, растерявшиеся люди, лишенные разума, не понимающие, что вокруг них происходит»³⁹. При этом поручик Ханчев сообщал, что организованность в наступлении сохранялась лишь 22 мая, а в последующие дни отмечал многочисленные сложности и трусость отдельных офицеров⁴⁰.

28 мая 1916 года А.П. Ханчев был контужен в бою у Сопаново⁴¹, а уже спустя полтора месяца «в бою 14 июля 1916 г. южнее дороги Радзивиллов — Броды, командуя, в чине Подпоручика, 12-ю ротой названного полка, получив приказание атаковать сильно укрепленную позицию противника, во главе своей роты, под сильным огнем противника, по совершенно открытой местности, подавая пример неустрашимости и самоотвержения, бросился на проволоочные заграждения неприятеля и, преодолев их, ворвался в 1-ю линию окопов, выбил оттуда врага и, преследуя его, взял вторую линию окопов; заметив на опушке леса, среди деревьев, 3 десятисантиметровые гаубицы неприятеля, стрелявшие по нам, во главе 3-х взводов своей

роты бросился на них и, переколов прикрытие и прислугу, захватил»⁴².

Прапорщик Д.П. Оськин, через несколько дней оказавшись на месте занятых позиций у Сопаново, оставил их описание: «Это пустынные катакомбы средневековых времен без всякого признака каких-либо живых существ». Вместе с тем он отмечал, что выселенные ещё осенью прошлого года местные жители уже начинали возвращаться: «Группа крестьян человек в 20—25 с лопатами рылись на месте бывших окопов в поисках может быть зарытого здесь их имущества»⁴³.

Сохранилось немало воспоминаний участников Первой мировой войны, в которых описывались общие действия Юго-Западного фронта в начальной фазе наступления и подводились итоги всей операции. В небольшой работе, посвящённой А.А. Брусилову, генерал-майор Павел Маркович Адрианов, командовавший в 1916 году 53-м пехотным Волынским полком, весьма комплиментарно и даже пафосно упоминал о действиях Юго-Западного фронта и его командующего: «И вот настал день. По решительному жесту генерала Брусилова, как лавина покатились вперед доблестные

полки русской армии на широком фронте от Припяти до Румынии». Адрианов отмечал неспособность австрийских войск к серьёзному сопротивлению, притом что германское командование вынуждено было стягивать все резервы для спасения союзников, что полностью разрушало их планы по дальнейшему ведению войны на западе и востоке⁴⁴.

В книге полковника 10-го гусарского Ингерманландского полка Василия Владимировича Чеславского упоминается начальная фаза наступления 22—23 мая: «22-го мая к нам стали доноситься с Севера редкие выстрелы легкой и тяжелой артиллерии. Ежедневно стрельба становилась все чаще и чаще, а 23 мая превратилась в сплошной непрерывный громовой гул». Позже были получены сведения об успешных действиях пехоты, которой удалось овладеть первыми линиями обороны⁴⁵.

Однако не все воспоминания были пронизаны эйфорией успеха. Генерал-майор Борис Владимирович Геруа в книге «Воспоминания о моей жизни» констатировал достижение определённых целей в кампании 1916 года, при этом делая оговорку: «Велики были потери, понесенные русской арми-

Николай II посещает войска в рамках подготовки к Брусиловскому прорыву 1916 г.

ей в течение летних и осенних операций; закончились они в ноябре красивой победой 9-ой армии в Буковине. Являлся вопрос — могли ли мы позволить себе роскошь таких потерь?»⁴⁶.

Нельзя обойти вниманием и воспоминания, оставленные стороной противника. Мы посчитали необходимым обратиться к трудам нескольких известных немецких военачальников того времени. Картины событий, описываемых генералами кайзеровской армии, заметно отличаются от описаний отечественных мемуаристов. Хотя очевидно, что они и не могли восхищаться действиями противника.

Начальник германского полевого генерального штаба Эрих Людендорф, в частности, писал, что русские начали своё наступление на австро-венгерском фронте восточнее Луцка и у Та[е]рнополя, не имея значительного превосходства. В районе Та[е]рнополя войска генерала фон-Ботмера «начисто отбили русскую атаку», но в других местах русские добились полного успеха и глубоко прорвали австро-венгерский фронт. Мемуарист констатировал слабую боеспособность австро-венгерских войск, что привело к быстрому выходу русских сил к железной дороге на Ковель и к реке Стоход. Вместе с тем Людендорф отмечал, что русским приходилось бороться с большими трудностями с подвозом подкреплений и боеприпасов, что в основном и выручало австро-венгерские части, нежели непосредственное сопротивление⁴⁷.

В мемуарах Эриха фон Фалькенг[х]айна можно встретить описание начала общего наступления русских армий и косвенное упоминание ситуации на участке фронта 1-й австро-венгерской армии. Картина, на его взгляд, выглядела следующим образом: «После относительно короткой артиллерийской подготовки они поднялись в своих окопах

**Нагрудный знак 140-го пехотного
Зарайского полка**

и просто пошли вперед. Лишь в немногих местах они взяли на себя труд создавать ударные группы, сосредоточивая резервы...». На реке Икве 1-я

Короткий итог летней кампании 1916 года на востоке подводит и Пауль фон Гинденбург. Констатируя выход русских войск к Юго-Восточным Карпатам, он высказывает опасение, что с имеющимися в распоряжении австрийскими силами есть риск не удержаться на данном рубеже, поскольку русские вряд ли дадут им длительную передышку⁵⁰.

Действиям Юго-Западного фронта и, в частности, 17-го армейского корпуса 11-й армии были даны оценки и советскими военными специалистами. Так, участник Первой мировой войны, будущий генерал-майор Советской армии Леонид Владимирович Ветошников в своём оперативно-стратегическом очерке о Брусиловском прорыве чётко определил задачу

«Велики были потери, понесенные русской армией в течение летних и осенних операций; закончились они в ноябре красивой победой 9-ой армии в Буковине. Являлся вопрос — могли ли мы позволить себе роскошь таких потерь?»

армия удерживала свои позиции за исключением левого фланга обороны, который заметно просел после разгрома соседней 4-й армии⁴⁸.

Генерал Макс Гофман в своих дневниках упоминал о начале наступления русского Юго-Западного фронта. Его записи весьма схожи с содержанием мемуаров Людендорфа и Фалькенг[х]айна. В них также сообщалось, что русские не имели особых резервов и без соответствующей артиллерийской подготовки начали наступление против 4-й и 7-й австрийских армий, которые, не оказав никакого сопротивления, начали быстро отступать. Автор сообщал о большом количестве пленных, захваченных русскими в первые три дня наступления⁴⁹.

17-го корпуса, который должен был содействовать главному удару и отвлекать на себя резервы противника⁵¹. Генерал отмечал, что 17-й корпус не-

**Нагрудный знак 11-го пехотного
Псковского полка**

Атака русской пехоты летом 1916 г.

Смотр войск на Юго-Западном фронте
Весна 1916 г.

Артиллеристы возле орудия в годы Первой мировой войны

ожиданно добился крупного успеха в районе Сопаново. Тем не менее командование 11-й армии потребовало не продолжать атаки, а закрепиться на занятом рубеже. Возобновлённое 25 мая наступление было встречено контратаками противника и нужного успеха не имело. Делая вывод, Л.В. Ветошников констатировал, что 17-й корпус ограничился захватом небольшой территории и вынужден был приостановить дальнейшее продвижение⁵².

В своём описании Брусиловского прорыва полковник Советской армии Фёдор Евгеньевич Кузнецов в ярких красках представил начало наступления Юго-Западного фронта, а также затронул эпизод, связанный с действиями 17-го армейского корпуса через несколько дней после начала операции: «Действуя в тесном сотрудничестве, 32-й и 17-й корпуса отважно и с большим искусством форсировали реку Пляшевку и стремительным ударом выбили неприятеля с укрепленной позиции»⁵³.

Анализ отечественных источников подтвердил масштабы и степень подготовленности операции Юго-Западного фронта в целом и на конкретном участке Сопановской группы. Стоит отметить и негативные оценки действий отдельных командиров, а также упоминания о тяжёлых итогах летне-осенней кампании 1916 года. Интересными, но вполне закономерными стали оценки событий в воспоминаниях немецких военачальников, сухо повествующих о действиях русских войск и ярко характеризующих бездарность и трусость австро-венгерских союзников.

Тем не менее Сопановский прорыв стал не просто локальной операцией в масштабах всего Юго-Западного фронта, а, по сути, задал темп общему наступлению, продемонстрировав вполне слаженное взаимодействие артиллерии и пехоты при прорыве укрепленных

линий обороны противника, отвлечении его сил от направления главного удара и успешном сдерживании контратак с последующим вытеснением и разгромом врага на остальных

участках фронта. В ходе операции в определённой степени удалось избавиться от сформировавшегося «комплекса 1915 года». К сожалению, летняя кампания 1916 года стала

последним крупным успехом русской армии в Великой войне. Надвигавшийся 1917 год уничтожил плоды побед, добытых огромной кровью на полях сражений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Луцкий прорыв: труды и материалы к операции Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 г. / Под ред. П.В. Черкасова. М.: Высш. воен. ред. совет, 1924. 272 с.

² Месснер Е.Э. Луцкий прорыв. К 50-летию великой победы. Нью-Йорк: Всеславянское изд-во, 1968. 175 с.

³ Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002. 937 с.

⁴ Буйко И.В. Великолукцы на службе империи. Великие Луки: Изд-во С. Маркелова, 2012. 274 с.

⁵ Смирнов А.А. Брусиловские волны // Родина. 2016. № 7. С. 68—73.

⁶ Олейников А.В. Театры военных действий Русской императорской армии в кампании 1916 г. в оперативно-стратегическом контексте // Исторический вестник. 2016. Т. 18. № 165. С. 42—71.

⁷ Нелипович С.Г. Потери сторон в летней кампании 1916 г. на русском фронте Первой мировой войны // Вестник Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Серия общественных наук. 2025. № 4. С. 30—55.

⁸ Моторин И.А. «Первый раз наша артиллерия получила возможность выполнить... задачу, которая до тех пор достигалась ценою лишней крови». Русская артиллерия в ходе прорыва обороны противника в полосе Юго-Западного фронта летом 1916 года // Военно-исторический журнал. 2026. № 2. С. 14—21.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2626. Оп. 2. Д. 1005. Л. 251 об.—256 об.

¹⁰ Там же. Ф. 2752. Оп. 2. Д. 88. Л. 10—11.

¹¹ Там же. Ф. 2754. Оп. 2. Д. 146. Л. 27 об.—29 об.

¹² Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 370. Л. 250.

¹³ Там же. Л. 252.

¹⁴ Там же. Л. 255.

¹⁵ Там же. Л. 257.

¹⁶ Там же. Л. 269.

¹⁷ Там же. Ф. 2626. Оп. 2. Д. 1005. Л. 257—259.

¹⁸ Там же. Л. 265—266.

¹⁹ Там же. Ф. 2752. Оп. 2. Д. 88. Л. 12—15.

²⁰ Там же. Ф. 2754. Оп. 2. Д. 146. Л. 29—33.

²¹ Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14872. Л. 173 об.

²² Там же. Д. 14836. Л. 651.

²³ Там же. Д. 14859. Л. 488.

²⁴ Там же. Л. 488 об.—489.

²⁵ Там же. Д. 14851. Л. 67 об.

²⁶ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1079. Л. 1—5.

²⁷ Черныш А.В. На фронтах Великой войны. Воспоминания. 1914—1918 // Books-lib.com. URL: <https://books-lib.com/books/istoricheskaya-proza/page-45-86659-andrei-chernysh-na-frontah-velikoi-voiny-vozpominaniya.html#fullstory-text>. С. 45, 46.

²⁸ Там же. С. 47.

²⁹ Там же. С. 49.

³⁰ Там же. С. 50.

³¹ Брусилов А.А. Мои воспоминания. Брусиловский прорыв // Библиотека книг lknigi.net. URL: <https://lknigi.net/avtor-aleksey-brusilov/92786-moi-vozpominaniya-brusilovskiy-proryv-aleksey-brusilov/read/page-33.html>.

³² РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14834. Л. 91—92.

³³ Сергеев-Ценский С.Н. Брусиловский прорыв: исторический роман. Ч. 2. М.: Советский писатель, 1944. С. 142, 143.

³⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 77. Л. 149—154.

³⁵ Оськин Д.П. Записки прапорщика. М.: Федерация, 1931. С. 27.

³⁶ Там же. С. 28, 29.

³⁷ Там же. С. 31.

³⁸ РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14836. Л. 653.

³⁹ Оськин Д.П. Указ. соч. С. 34, 35.

⁴⁰ Там же. С. 36—39.

⁴¹ РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1190. Л. 240.

⁴² Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14865. Л. 416.

⁴³ Оськин Д.П. Указ. соч. С. 40.

⁴⁴ Адрианов П.М. Генерал Брусилов. Одесса: Е.И. Фесенко, [1917?]. С. 13, 14.

⁴⁵ Чеславский В.В. 67 боёв 10-го гусарского Ингерманландского полка в годы мировой войны 1914—1917. Чикаго, 1937. С. 344, 345.

⁴⁶ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 2. Париж: Танаис, 1970. С. 159.

⁴⁷ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. Т. 1. М.: Высший военный редакционный совет. Гос. изд-во, 1923. С. 178—180.

⁴⁸ Фалькенгайн Э. Верховное командование 1914—1916 годов в его важнейших решениях: [мемуары] / Пер. с нем. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. С. 120, 121.

⁴⁹ Гофман М. Записки и дневники. 1914—1918 / Пер. с нем. Л.: Красная газета, 1929. С. 89.

⁵⁰ Гинденбург П. Воспоминания Гинденбурга. Петроград: Мысль, 1922. С. 4.

⁵¹ Ветошников Л.В. Брусиловский прорыв: оперативно-стратегический очерк. М.: Воениздат, 1940. С. 40.

⁵² Там же. С. 77, 78.

⁵³ Кузнецов Ф.Е. Брусиловский прорыв. М.: Госполитиздат, 1944. С. 27.

V.V. Kanishchev

«NOW, THERE WAS NO NEED TO SPARE AMMUNITION OR WORRY ABOUT EACH SPENT SHELL...»

The first days of the Brusilov Offensive: documents and memories from its participants

Information about author. Vladimir Kanishchev – assistant professor of the department of history and philosophy of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, assistant professor of the department of security and law enforcement of Tambov State Technical University, Cand. Sc. (Hist.) (city of Tambov. E-mail: kan-vladimir-tamb@yandex.ru).

Summary. This paper, based on archival documents, memoirs of World War I veterans from both sides, and military expert assessments, explores the details of a major offensive launched on the Southwestern Front in the summer of 1916, focusing on the capture of the Sopanovsky bridgehead. Through an analysis of source materials, the paper reconstructs the actions of Russian Imperial Army units and subunits that delivered the main assault and conducted supporting operations in this sector of the front. It identifies the specific circumstances that developed at the captured bridgehead and traces the course of the subsequent offensive. The paper provides striking examples of the heroic deeds of Russian soldiers during this breakthrough.

Keywords: World War I; Sopanovsky Breakthrough; Sopanovsky Bridgehead; 1916 Southwestern Front Offensive; Brusilov Breakthrough; 1916 Summer Campaign; Russian Imperial Army; 11th Army of Cavalry General Vladimir V. Sakharov; war diaries; memoirs of World War I participants; military expert assessments.

«ПРИ НАБОРЕ ЛЮДЕЙ ВСАДНИКИ ШЛИ С ПОЛНОЙ ОХОТОЙ...»

Татарский конный полк Кавказской туземной дивизии
в период Первой мировой войны

Сведения об авторе. Ахметшин Шамиль Камилевич — старший научный сотрудник Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, профессор Академии военных наук РФ, кандидат военных наук (г. Казань. E-mail: ahmetspb@yandex.ru).

Аннотация. В статье анализируются вопросы комплектования, снаряжения и боевой деятельности Татарского конного полка в составе Кавказской туземной конной дивизии в 1914–1917 гг., расширяются научные представления о роли народов Кавказа в достижении отдельных успехов Русской Императорской армии во время Первой мировой войны. С использованием журналов военных действий, военных дневников, штабных отчётов и приказов, хранящихся в фондах Российского государственного военно-исторического архива, воссоздаётся историческая картина организационной структуры и тактической эффективности этой части, ставшей уникальным примером интеграции кавказских мусульманских формирований в вооружённые силы России через сочетание национальных обычаев и действовавших воинских уставов.

Ключевые слова: Первая мировая война; Кавказская туземная конная дивизия; Татарский конный полк; добровольческие формирования; военная история Кавказа; Карпатская операция; мусульманские воинские формирования; Черкесский конный полк; Чеченский конный полк; генерал П.А. Половцов; А.З. Чавчавадзе; Ф.Н. Бекович-Черкасский; Л.Л. Магалов; дер. Тышковицы.

Вопрос участия национальных формирований Кавказа в Первой мировой войне прошёл длительный путь научного осмысления. В советский период данная тема освещалась фрагментарно, зачастую в контексте общих фронтовых операций, как, например, в трудах А.И. Литвинова¹. Современный этап изучения проблемы характеризуется введением в научный оборот широкого пласта архивных документов. Фундаментальный вклад в разработку истории Кавказской туземной конной дивизии внёс О.Л. Опрышко, чей труд остаётся базовым для понимания организационных основ и боевого пути её отдельных подразделений². Особенности комплектования и социально-политический контекст создания национальных частей подробно проанализированы в работах А.Ю. Безугольного³ и В.Б. Лобанова⁴. Региональный аспект истории

Татарского конного полка и биографические сведения о его офицерском составе получили освещение в исследованиях И.А. Гусейнова⁵ и Ш. Назирли⁶, а конфессиональная специфика службы и роль мусульманского духовенства стали предметом изучения А.Н. Мусаева⁷.

Международная значимость темы подтверждается интересом к ней зарубежных исследователей, таких как М. Рейнольдс⁸ и А. Маршалл⁹, которые рассматривают феномен кавказских формирований в контексте глобального противостояния империй и трансформации этнической идентичности в условиях тотальной войны. Несмотря на наличие указанных работ, тактические аспекты боевой деятельности Татарского конного полка, основанные на первичных штабных документах, требуют дальнейшей детальной реконструкции.

История создания этого и других подобных формирований неразрывно связана с геополитическими вызовами, вставшими перед Российской империей

летом 1914 года. Инициатива создания Татарского конного полка была официально оформлена 9 августа 1914 года, когда в г. Елизаветполе началась запись в него добро-

вольцев из числа мусульманского населения Кавказа¹⁰. Важно подчеркнуть, что согласно действовавшему на тот момент законодательству коренные народы этого региона

были освобождены от обязательной воинской повинности, что придавало процессу формирования рассматриваемой части исключительно добровольный и глубоко патриотический характер¹¹. Документальные свидетельства, в частности телеграммы елизаветпольского губернатора Г.С. Ковалёва, указывают на то, что мотивом для «Высочайшего соизволения» на создание полка послужила ярко проявленная мусульманским населением готовность встать на защиту интересов Российского государства¹². Как отмечалось в одном из рапортов, «при наборе людей всадники шли с полной охотой, и никакого неудовольствия среди татарского населения не было»¹³.

Территориальный принцип комплектования части был строго регламентирован и опирался на административное деление Елизаветпольской губернии и сопредельных территорий. Первая сотня полка формировалась преимущественно из жителей Казахского уезда, вторая — объединяла добровольцев Шушинского и Джеванширского уездов, третья — включала представителей Арешского, Зангезурского, Карягинского и Нухинского уездов, в то время как четвёртая сотня состояла из уроженцев Борчалинского уезда. Подобная структура позволяла сохранять внутри сотен крепкие родоплеменные и соседские связи, что впоследствии стало залогом высокой сплочённости всадников в боевых условиях¹⁴. Руководство процессом формирования было доверено подполковнику Петру Александровичу Половцову, который прибыл из Петрограда со специальными полномочиями от Военного министерства¹⁵.

Экономическая модель функционирования полка представляла собой сложный синтез государственного

П.А. Половцов

финансирования и частной благотворительности¹⁶. Военное министерство выделяло каждому добровольцу единовременное пособие в размере 150 руб. для приобретения верховой лошади и снаряжения. Ежемесячное жалованье всадника составляло 20 руб., что считалось весьма достойным содержанием при полном казённом обеспечении. Однако реальные расходы часто превышали нормативы,

22 офицерских должностей, 3 военных чиновников и 575 строевых нижних чинов¹⁸. Особое внимание уделялось подбору командного состава, который должен был обладать не только высокими профессиональными навыками, но и глубоким пониманием социокультурной специфики региона. Среди командиров полка в разные периоды значились выдающиеся военачальники, такие как полковник князь Фёдор Николаевич Бекович-Черкасский¹⁹ и полковник князь Леван Луарсабович Магалов²⁰. Офицерский корпус формировался как из кадровых военных, так и из представителей местной знати, что обеспечивало необходимый авторитет командования в глазах всадников-туземцев²¹.

Религиозная составляющая службы в полку была институционализирована через введение должности полкового муллы²². По инициативе председателя Елизаветпольского суннитского меджлиса Гаджи Омара Эфендиева на эту должность подбирались наиболее авторитетные и преданные государству кандидаты из числа суннитского духовенства. Данное решение

Экономическая модель функционирования полка представляла собой сложный синтез государственного финансирования и частной благотворительности

и особую роль здесь сыграли местные элиты. Так, архивные документы Джеванширского уезда свидетельствуют о сборе пожертвований от беков и землевладельцев на сумму свыше 7210 руб., которые были направлены на пошив черкесок и закупку сапог для добровольцев¹⁷.

Штатное расписание Татарского конного полка, утверждённое 12 августа 1914 года, предусматривало наличие

имело не только сакральное, но и важное дисциплинарное значение, т.к. религиозные нормы шариата активно использовались для укрепления воинской дисциплины и обоснования необходимости защиты Отечества. Проводы добровольцев на фронт превращались в масштабные торжественные мероприятия с участием тысячных толп народа, где духовенством служились молебны о здравии Госу-

Князь Л.Л. Магалов (в центре в светлой черкеске) среди офицеров Кавказской туземной конной дивизии

Кинжал (кама) из булатной стали с золотой насечкой
Златоустовская оружейная фабрика, 1840 г.
Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
(Санкт-Петербург)

Великий князь Михаил Александрович среди офицеров Кавказской туземной конной дивизии
1914 г.

даря Императора и даровании победы русской армии²³.

Вопрос вооружения полка в начальный период его формирования стоял достаточно остро. Согласно архивным ведомостям нижние чины из числа туземцев часто использовали собственное холодное оружие — пашки и кинжалы, которые являлись частью их национальной идентичности и передавались из поколения в поколение²⁴. Государство же обеспечивало всадников казачьими винтовками и револьверами. Тем не менее донесения подполковника П.А. Половцова от сентября 1914 года указывают на систематическую нехватку около 400 пашек, 60 кинжалов, а также сёдел и подков. Отсутствие необходимого количества биноклей, компасов и сигнальных инструментов серьёзно осложняло процесс обучения личного состава перед отправкой на театр военных действий²⁵. Значительная часть снаряжения заказывалась в Тифлисе и Владикавказе, а его доставка и распределение продолжались вплоть до момента выступления полка из Елизаветполя.

Боевая история части началась в сентябре 1914 года с отправки четырёх эшелонов со станции Елизаветполь на фронт. Первые серьёзные испытания выпали на долю воинов в условиях горно-лесистой местности Карпат, что требовало от всадников проявления исключительных навыков маневрирования. Одной из наиболее показательных операций того периода стал бой у дер. Верховина-Быстра в декабре 1914 года. В этой операции Татарский полк действовал в тесном взаимодействии с Чеченским полком и частями регулярной пехоты²⁶. Командование полка продемонстрировало глубокое понимание тактики горного боя, умело используя рельеф местности для скрытного обхода флангов противника²⁷.

Детальный анализ Журнала военных действий Татарского конного полка позволяет реконструировать не только хронологию, но и специфическую тактику национальных формирований в условиях горно-лесистой местности. В отличие от регулярной кавалерии всадники-татары демонстрировали высокую адаптивность к пешему бою. В журнале зафиксировано, что при штурме высот полк часто разделялся на мелкие штурмовые группы, которые использовали знание горного ландшафта для организации засад. Тактика «кинжальных ударов» — стремительного сближения с противником на дистанцию рукопашной схватки — деморализовала австрийские части, привыкшие к дистанционному огневому противостоянию²⁸.

Особого упоминания заслуживает подвиг 3-й сотни полка и личной штабной команды, которые 19 декабря 1914 года, несмотря на сложные погодные условия, совершили восхождение на высоту 1208. В ходе этого боя всадники, проявив чудеса храбрости, вынудили австрийские части к сдаче. Результатом операции стал захват 5 офицеров и 139 нижних чинов противника. В последующие дни количество плененных возросло до 441 человека, включая двух штаб-офицеров в чине полковника и майора²⁹. Архивные ведомости того периода фиксируют и первые значительные трофеи: в ходе столкновений было захвачено большое количество винтовок и зарядных ящиков неприятеля. В этих боях всадники доказали, что туземная конница способна эффективно сражаться не только в конном, но и в пешем строю, используя кинжалы для рукопашных схваток в окопах.

Зимняя кампания 1915 года стала для Татарского конного полка периодом наиболее суровых испытаний, когда

Ф.Н. Бекович-Черкасский

всадникам пришлось столкнуться с непривычными для кавалерии условиями позиционного противостояния в высокогорье³⁰. Ключевым эпизодом этого периода стала героическая оборона высоты 700 в январе 1915 года. Со-

личный состав полка удерживал высоту под непрерывным артиллерийским и ружейным огнём противника. Ситуация усугублялась экстремальными климатическими условиями: стояли сильные морозы, а подвоз продовольствия и фуража оказался практически невозможным. Всадники и лошади в течение первых двух суток оставались без питания, что привело к массовым случаям обморожений и простудных заболеваний, затронувших более 30 нижних чинов и ряд офицеров, включая штабс-ротмистра Николая Зверева³².

В этих оборонительных боях решающую роль сыграла пулемётная команда под руководством лейтенанта Николая Колоколова. Архивные документы фиксируют исключительное мужество пулемётчиков, которые, выдвигаясь впереди основных цепей, подавляли огневые точки австрийцев и отражали попытки неприятельской пехоты выйти из лесных массивов.

Религиозные нормы шариата активно использовались для укрепления воинской дисциплины и обоснования необходимости защиты Отечества

гласно рапортам П.А. Половцова, ставшего к тому времени полковником, полк прибыл на указанную позицию в тёмное время суток и немедленно приступил к инженерному оборудованию участка левее расположения Чеченского полка³¹.

Особый драматизм ситуации заключался в том, что всадники, не имея в достаточном количестве шанцевого инструмента, были вынуждены использовать собственные кинжалы для рытья окопов в мёрзлом грунте и глубоком снегу. В течение трёх суток, с 13 по 16 января 1915 года,

Офицер Колоколов лично руководил огнём подчинённых, которые успешно сражались с вражескими пулемётчиками на дистанции до тысячи шагов³³. За проявленную в этих боях доблесть к Георгиевским наградам были представлены унтер-офицеры Семён Волчков, Егор Тюлькин и другие чины пулемётного взвода, чьи действия позволили удерживать стратегически важный «ключ» к путям на Ломну и обеспечили устойчивость всего левого фланга дивизии³⁴.

Ноябрь 1915 года ознаменовался для полка столкновени-

ем не только с вооружённым противником, но и с разбушевавшейся природной стихией. В районе фольварка Михалполе и деревни Петликовце-Нове две спешенные сотни оказались в катастрофическом положении из-за небывалой снежной метели. С 4 по 6 ноября вьюга достигала такой силы, что связь между подразделениями была полностью утрачена, телефонные линии вышли из строя, а окопы были абсолютно занесены многометровыми сугробами³⁵. Всадники фактически оказались заживо погребёнными под снегом и начали замерзать.

В этой критической ситуации на помощь пришли соратники по дивизии из 4-й Абхазской сотни Черкесского конного полка под командованием прапорщика Николая Эмухвари. Рискуюя собственными жизнями в непроглядной снежной круговерти, черкесские «охотники» в течение двух суток проводили поисково-спасательные

Гусейн Хан Нахичеванский

своих подчинённых Георгиевскими крестами³⁶.

Вершиной боевой славы Таттарского конного полка по праву считается сражение у дер. Тышковцы 31 мая 1916 года в ходе общего наступле-

На помощь пришли соратники по дивизии из 4-й Абхазской сотни Черкесского конного полка под командованием прапорщика Николая Эмухвари. Рискуюя собственными жизнями в непроглядной снежной круговерти, черкесские «охотники» в течение двух суток проводили поисково-спасательные операции

операции. Вечером 5 ноября они сумели обнаружить и вывести в деревню первую сотню замерзавших татар, а на рассвете следующего дня откопали и спасли вторую сотню в составе 65 всадников с их командиром. Этот эпизод вошёл в историю дивизии как пример высшего проявления человеколюбия и боевого товарищества, за который командир Черкесского полка полковник Александр Захарьевич Чавчавадзе ходатайствовал о награждении 27

ния 9-й армии³⁷. К этому моменту командование полком принял полковник князь Фёдор Николаевич Бекович-Черкасский, опытный офицер, уже имевший ранения и контузии, полученные в предыдущих кампаниях. Утром указанного дня он лично возглавил атаку трёх сотен всадников на укрепленные позиции противника³⁸. Стремительным ударом сопротивление неприятеля было сломлено, и к 10:00 дер. Тышковцы была полностью занята татарами.

В плен попали 6 офицеров и 171 нижний чин австрийской армии. Однако захват населённого пункта был лишь началом сложнейшей операции. Осознавая стратегическую важность Тышковцев для обеспечения фланга всего 33-го армейского корпуса, полковник Ф.Н. Бекович-Черкасский немедленно организовал круговую оборону³⁹.

Противник, стремясь вернуть утраченные позиции, бросил в контратаку два свежих батальона пехоты при поддержке мощного артиллерийского огня. Оказавшись в критическом положении и имея в своём распоряжении лишь три спешенные сотни и взвод пулемётов Балтийского флота, князь Бекович-Черкасский проявил выдающиеся качества военачальника. В течение нескольких часов всадники-кавказцы и поддерживавшие их моряки-пулемётчики отразили пять яростных атак врага⁴⁰. К середине дня на помощь подошли подкрепления из Чеченского полка и артиллерия, что позволило окончательно закрепить успех. Итогом сражения стали не только удержание позиций, но и значительные потери противника: на следующий день после боя на подступах к деревне были обнаружены и захоронены 258 трупов австрийских солдат. За это блестящее дело Ф.Н. Бекович-Черкасский стал единственным уроженцем Кавказа в составе дивизии, представленным к ордену Св. Георгия 3-й степени⁴¹.

Анализ записей о сражении у деревни Тышковцы раскрывает механизмы управления полком в критической ситуации. Журнал военных действий фиксирует, что успех атаки Бекович-Черкасского был обусловлен не только личной храбростью, но и чётким взаимодействием с пулемётным взводом. В ходе пяти контратак противника пулемёты работали на пределе

технических возможностей, ведя заградительный огонь, который буквально «срезал» наступавшие цепи австрийской пехоты на подступах к окраинам деревни⁴².

Важным аналитическим выводом, следующим из первичных документов штаба, является высокая степень автономности сотен. В условиях нарушения связи из-за рельефа или погодных условий (как в эпизоде с метелью в ноябре 1915 г.) младшие офицеры и унтер-офицеры из числа местной знати принимали самостоятельные тактические решения, опираясь на традиционные авторитеты внутри подразделений. Это обеспечивало живучесть полка даже в ситуациях частичной потери управления со стороны штаба дивизии. Статистика потерь и трофеев позволяет сделать вывод о высокой «стоимости» успеха: при захвате сотен пленных полк нёс ощутимые потери в офицерском составе, что объяснялось традицией личного примера командира в атаке. Таким образом, боевой путь полка предстаёт как результат синтеза кавказской воинской культуры и требований манёвренной войны⁴³.

Эффективность боевой работы Татарского конного полка подтверждается сухими цифрами официальной отчётности. За период активных действий с декабря 1914 по июнь 1915 года им были захвачены внушительные трофеи, свидетельствующие о высокой интенсивности столкновений. В их числе значатся: 2 штаб-офицера, 9 обер-офицеров и 789 нижних чинов противника. Материальные потери врага составили 960 винтовок, одно артиллерийское орудие, 7 зарядных ящиков, пулемётный лафет, а также обозные повозки с телефонным и музыкальным имуществом⁴⁴.

Признание заслуг личного состава подразделения выражалось в массовых на-

Великий князь
Михаил Александрович
1904 г.

граждениях. Всадники полка регулярно удостоивались Георгиевских крестов и медалей «За храбрость», которые торжественно вручались представителями высшего командования, включая генерала Гуссейна Хана Нахичеванского. Благодарности полку неоднократно выражали лично Государь Император Николай II и великий князь

ложения армии в 1917 году, Татарский конный полк под руководством своего последнего командира князя Левана Луарсабовича Магалова стремился сохранять воинский порядок⁴⁶. Ставший генерал-лейтенантом П.А. Половцов, занимавший в то время посты командующего Кавказским туземным конным корпусом и военного губернатора Терской области, в октябре 1917 года посетил полк в колонии Еленендорф и с гордостью отмечал неизменную доблесть своих бывших подчинённых⁴⁷.

Однако политические реалии и необходимость защиты родных земель в условиях начавшейся Гражданской войны на Кавказе привели к неизбежному завершению истории части. В конце 1917 — начале 1918 года полк де-факто прекратил своё существование как часть регулярной русской армии⁴⁸. Тем не менее его боевой путь остался в военной летописи как уникальный пример добровольного служения кавказских мусульман Российскому государству, где воинская доблесть и религиозная идентичность гармонично сочетались в рамках единого боевого братства.

Статистика потерь и трофеев позволяет сделать вывод о высокой «стоимости» успеха: при захвате сотен пленных полк нёс ощутимые потери в офицерском составе, что объяснялось традицией личного примера командира в атаке

Михаил Александрович, отмечая «молодецкую боевую службу» и верность традициям предков⁴⁵.

Последний год существования этой воинской части прошёл на фоне нарастающей дестабилизации фронта и революционных потрясений внутри страны. Несмотря на общие процессы раз-

Подводя итог исследованию боевой летописи и организационных основ функционирования Татарского конного полка, можно сделать ряд выводов, имеющих значение для понимания истории национальных воинских формирований Российской империи.

Во-первых, процесс формирования полка в 1914 году

Открытка «Атака Татарского полка»

Художник И.А. Владимиров

Пг.: Любанское общество попечения о бедных, 1916 г.

Конная атака всадников Кавказской туземной конной дивизии

Рисунок периода Первой мировой войны

Кавалеристы Татарского конного полка в разведке

Июль 1917 г.

стал уникальным социально-политическим феноменом добровольной мобилизации мусульманского населения Кавказа⁴⁹. Высокий патриотический подъём, подкреплённый беспрецедентной финансовой поддержкой со стороны местных элит — беков и землевладельцев, позволил в кратчайшие сроки создать боеспособную единицу. Эта модель опиралась на органичный синтез имперских воинских уставов и традиционных кавказских этических кодексов. Территориальный принцип комплектования сотен обеспечил полку исключительную внутреннюю сплочённость, которая стала решающим фактором выживания в экстремальных условиях фронта⁵⁰.

Во-вторых, анализ боевого пути полка в период с 1914 по 1917 год наглядно демонстрирует его высокую тактическую эффективность. Татарские всадники доказали способность успешно решать оперативные задачи в сложнейших условиях: от манёвренной кавалерийской войны в горах Карпат до изнурительной позиционной обороны при аномальных морозах. Особое значение имеет триумф у дер. Тышковцы в мае 1916 года, ставший классическим образцом успешного сочетания стремительной конной атаки и последующей стойкой обороны против превосходивших сил пехоты неприятеля. Подвиг полковника князя Ф.Н. Бековича-Черкасского является вершиной признания доблести личного состава полка⁵¹.

В-третьих, функционирование данного формирования было неразрывно связано с его этноконфессиональной спецификой. Институционализация должности полкового муллы и опора на историческую преемственность позволили интегрировать всадников в общероссийское оборонное пространство без

утраты их национальной идентичности⁶². Это создало условия для формирования подлинного боевого братства, проявившегося в эпизодах взаимной выручки с другими полками Кавказской туземной конной дивизии (в частности, в спасении татарских сотен черкесами в метель 1915 г.).

В-четвёртых, документальное наследие полка, хранящееся в фондах Российского государственного военно-исторического архива,

позволяет сделать вывод об устойчивости воинского порядка в части вплоть до конца 1917 года. Несмотря на общие деструктивные процессы в армии, Татарский конный полк сохранял верность присяге, что подтверждается рапортами его последнего командира князя Л.Л. Магалова и отзывами генерала П.А. Половцова. Боевой путь полка служит ярким примером того, как представители разных народов и вероисповеданий в период тяжёлых испытаний ста-

новились верными сынами своей общей Родины.

Таким образом, Татарский конный полк не только внёс существенный вклад в операции Юго-Западного фронта, но и стал важным инструментом интеграции кавказских народов в государственную структуру империи через воинскую службу. Опыт его формирования и боевого применения остаётся актуальным объектом для современных военно-исторических исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Литвинов А.И. Майский прорыв 9-й армии в 1916 году. Пг.: Воениздат, 1923. С. 3.

² Опришко О.Л. Кавказская туземная конная дивизия. 1914—1917. Нальчик: Эль-Фа, 2007. С. 7.

³ Безугольный А.Ю. Национальный состав Красной армии. 1918—1945. М.: Центрполиграф, 2021. С. 18.

⁴ Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны. СПб.: Владимир Даль, 2017. С. 42.

⁵ Гусейнов И.А. История Азербайджана (XIX — начало XX вв.). Баку: Элм, 2015. С. 284.

⁶ Назирли Ш. Расстрелянные генералы Азербайджана. Баку: Bizim Kitab, 2015. С. 14.

⁷ Мусаев А.Н. Шейх-Уль-Ислам и его роль в формировании национальных частей Кавказа. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2010. С. 56.

⁸ Reynolds M.A. Shattering Empires: 1908—1918. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 144.

⁹ Marshall A. The Caucasus Under Soviet Rule. London; New York: Routledge, 2010. P. 62.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 3642. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

¹¹ Опришко О.Л. Указ. соч. С. 15.

¹² РГВИА. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

¹³ Шамхалов С.Ш. Боевое содружество народов Кавказа в годы Первой мировой войны. Махачкала: Лотос, 2012. С. 45.

¹⁴ Половцов П.А. Дни затмения. М.: ГПИБ, 1999. С. 24.

¹⁵ Там же. С. 25.

¹⁶ РГВИА. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 7. Л. 41—42.

¹⁷ Там же. Д. 8. Л. 1—3.

¹⁸ Там же. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.

¹⁹ Магалов Л.Л. Биографическая справка // РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 115. Л. 1.

²⁰ РГВИА. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 8. Л. 5—7.

²¹ Мусаев А.Н. Указ. соч. С. 92.

²² РГВИА. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 7. Л. 56 об.

²³ Лобанов В.Б. Указ. соч. С. 42.

²⁴ РГВИА. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 7. Л. 84.

²⁵ Ибрагимов М.М. Чеченский конный полк «Дикой дивизии». Грозный: Грозненский рабочий, 2014. С. 48.

²⁶ РГВИА. Ф. 3644. Оп. 1. Д. 35. Л. 3—5.

²⁷ Там же. Л. 8—10.

²⁸ Там же. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 7. Л. 112.

²⁹ Карпеев В.И. Конница в Первой мировой войне. М.: Ломоносовъ, 2011. С. 162.

³⁰ РГВИА. Ф. 3644. Оп. 1. Д. 35. Л. 14.

³¹ Там же. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 7. Л. 142.

³² Там же. Ф. 3644. Оп. 1. Д. 35. Л. 18.

³³ Там же. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 7. Л. 144.

³⁴ Там же. Ф. 3644. Оп. 1. Д. 35. Л. 44.

³⁵ Там же. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 7. Л. 186.

³⁶ Литвинов А.И. Указ. соч. С. 64.

³⁷ РГВИА. Ф. 3644. Оп. 1. Д. 35. Л. 56.

³⁸ Там же. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 8. Л. 112.

³⁹ Там же. Ф. 3644. Оп. 1. Д. 35. Л. 62.

⁴⁰ Там же. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 8. Л. 114.

⁴¹ Там же. Ф. 3644. Оп. 1. Д. 35. Л. 58.

⁴² Там же. Л. 60.

⁴³ Там же. Л. 64.

⁴⁴ Половцов П.А. Указ. соч. С. 182.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 7. Л. 214—215.

⁴⁶ Каспий. 1917. № 128. 13(26) июня. С. 3.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 8. Л. 156.

⁴⁸ Безугольный А.Ю. Указ. соч. С. 28.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

⁵⁰ Там же. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 8. Л. 128.

⁵¹ Мусаев А.Н. Указ. соч. С. 110.

⁵² РГВИА. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 7. Л. 186.

Sh.K. Akhmetshin

«WHEN RECRUITING SOLDIERS, THE HORSEMEN APPROACHED THEIR TASK WITH GREAT ENTHUSIASM...»

The Tatar Cavalry Regiment of the Caucasus Native Division during the First World War

Information about author. Shamil Akhmetshin – senior researcher at the Institute of History named after Sh. Mardzhani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, professor at the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Cand. Sc. (Mil.) (city of Kazan. E-mail: ahmetspb@yandex.ru).

Summary. This paper analyzes the recruitment, equipment, and combat performance of the Tatar Cavalry Regiment, part of the Caucasian Native Cavalry Division, from 1914 to 1917. It expands scholarly understanding of the role of the people of the Caucasus in the achievements of the Russian Imperial Army during World War I. Using war diaries, war logs, staff reports, and orders stored in the collections of the Russian State Military Historical Archive, a historical picture of the organizational structure and tactical effectiveness of this unit is reconstructed. The paper presents a unique example of the integration of Muslim formations from the Caucasus into the Russian armed forces, combining national customs with existing military regulations.

Keywords: World War I; Caucasian Native Cavalry Division; Tatar Cavalry Regiment; volunteer formations; military history of the Caucasus; Carpathian Operation; Muslim military formations; Circassian Cavalry Regiment; Chechen Cavalry Regiment; General Pyotr A. Polovtsov; Alexander Z. Chavchavadze; Fyodor N. Bekovich-Cherkasskiy; Levan L. Magalov; village of Tyshkovtsy.

«ГОРНАЯ МЕСТНОСТЬ НИКОГДА НЕ СЛУЖИЛА ПРЕПЯТСТВИЕМ ДЛЯ НАСТУПЛЕНИЯ РУССКИХ И СОВЕТСКИХ ВОИНОВ»

Горные аспекты физической подготовки военнослужащих
40-й общевойсковой армии в Афганистане в 1980—1988 гг.

Сведения об авторах. Прямыцын Владимир Николаевич — главный научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник, доктор исторических наук (Москва. E-mail: pryamitzynvn@mail.ru);

Калыбек Уулу Эркинбек — адъюнкт Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник Вооружённых сил Кыргызской Республики (Москва. E-mail: erkinbekkalybekuulu@gmail.com).

Аннотация. В 1960—1970-е годы в связи с потенциальной возможностью использования вероятным противником территории Афганистана для нападения на нашу страну в Вооружённых силах СССР разрабатывали теоретические и практические аспекты горной подготовки войск, проводили исследования и эксперименты в памирском высокогорье. Но горная подготовка не была массовой. С вводом советских войск в Афганистан возникла потребность в обучении значительного количества военнослужащих выполнению боевых задач в горах, включая улучшение их физической подготовки. Результаты анализа основных направлений совершенствования горных аспектов физической подготовки личного состава соединений и частей 40-й общевойсковой армии во время её пребывания в Афганистане представлены в данной статье. В их числе: оборудование в крупных гарнизонах горных полос препятствий и горно-спортивных комплексов; интенсификация обучения выполнению боевых задач в горах, включая горные аспекты физической подготовки, штатных и нештатных «горных» подразделений; учебно-методические сборы организаторов физической подготовки; разработка руководящих документов. В статье обращено внимание на то, что афганский опыт физической подготовки, включая её горные аспекты, накопленный 40-й армией, оказался востребованным в армиях России и Кыргызстана; наряду со сведениями из директивных документов, литературы и СМИ представлены информация, собранная в ходе бесед авторов с ветеранами, служившими в Афганистане начальниками физической подготовки и спорта 40-й армии, её соединений и частей, документы и фото из личных архивов, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Вооружённые силы СССР; Краснознамённый Туркестанский военный округ; Афганский конфликт 1979—1989 гг.; 40-я общевойсковая армия; Ограниченный контингент советских войск; горнострелковый батальон; подразделения, назначенные для усиленной горной подготовки; горные аспекты физической подготовки; горная полоса препятствий; горно-спортивный комплекс; учебно-методические сборы организаторов физической подготовки личного состава 40-й армии, её соединений и частей.

Горная подготовка — обучение боевым действиям в горах военнослужащих и формирований различных родов войск, привлекаемых к выполнению задач в горной местности, проводится на занятиях по тактической (тактико-специальной), огневой, инженерной и физической подготовке, вождению боевых машин и по специальным программам¹. Данная статья освещает грани этой многоплановой боевой учёбы войск 40-й общевойсковой армии в 1979—1989 гг.

В СССР и в штабах вероятного противника учитывали возмож-

ности использования территории Афганистана против нашей страны в случае глобального конфликта. Американский журналист А. Флетчер в журнале «Карент хистори» утверждал: «Одна из причин заинтересованности Америки в Афганистане — возможное значение этой страны в будущем в качестве плацдарма для нападения на Россию»².

В связи с этим СССР, укрепляя сотрудничество с Афганистаном и оказывая ему разностороннюю помощь, был вынужден на случай создания вероятным противником военной угрозы с этого

направления намечать меры её парирования. В Генеральном штабе Вооружённых сил СССР разрабатывали теоретические и практические аспекты боевых действий на Памире. В 1961 году было принято Руководство по боевым действиям подразделений в горах, которое регламентировало общие положения, действия в наступлении и обороне, на марше и при расположении на месте, материальное, техническое и медицинское обеспечение, технику передвижения в горах. Одна из глав была посвящена боевым действиям

в высокогорных районах, в т.ч. специфике боевых действий подразделений альпинистов³.

В том же году вышла в свет книга «Умей преодолевать трудности горного похода». В ней освещены исторический опыт боевых действий в горах, термины, основные опасности, подстерегающие в горной местности, приёмы передвижения по скалам и снегу, преодоления горных рек, использование альпинистского снаряжения, влияние климата высокогорья на человеческий организм и минимизация этого воздействия, акклиматизация, физическая подготовка, закалка, особенности марша в горах и правила медпомощи. Авторы книги обратили внимание на то, что «благодаря развитию военной техники, самые отдалённые высокогорные районы стали доступными для боевых действий войск»⁴.

В памирском приграничье проводились исследования различных аспектов действий войск в горах. В частности, в 1953 году были проведены испытания отечественной бронетанковой техники с преодолением одного из высоких (до 4655 м) перевала Акбайтал⁵ (Ак-Байтал) в Восточном Памире (Таджикистан). Они показали, что техника и вооружение мотострелковых подразделений не в полной мере приспособлены к боевым действиям в горах⁶.

На базе 111-го гвардейского парашютно-десантного полка (гв. пдп), разведывательных подразделений 105-й гвардейской воздушно-десантной дивизии (гв. вдд) и 860-го отдельного мотострелкового полка (мсп) изучали возможности боевых действий в горах. По инициативе командующего ВДВ генерала армии В.Ф. Маргелова отрабатывали захваты горных высот и перевалов воздушными десантами. В 1967 году впервые в мире батальон 111 гв. пдп десантировался на горное плато высотой 3600 м. Участники десантирования были награждены орденами и медалями⁷. В том же году шесть советских парашютистов совершили прыжок

с приземлением на Памирское фирновое плато высотой 6000 м. В 1968 году группа парашютистов приземлилась на Пик Ленина (в центральной части Заалайского хребта на границе Киргизской ССР и Таджикской ССР) высотой 7134 м над уровнем моря. В этом десантировании, по сложности не имевшем равных в истории мирового парашютного спорта, участвовали 36 военнослужащих срочной службы и 10 гражданских спортсменов. Все участники десантирования Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1969 года были награждены медалью «За отвагу». Пять из них посмертно⁸.

В 1976 году подготовленная для захвата высокогорных перевалов, действий в горах и пустынях 10-я отдельная разведывательная рота под командованием старшего лейтенанта Л.В. Хабарова совершила восхождение со штатными вооружением и экипировкой на высоту 4644 м Алайского хребта (Памир), дав ей название Пик 46-летия ВДВ, в СМИ и просторечье часто именуемый Пиком ВДВ⁹.

В мае—сентябре 1976 года батальон 860-го отдельного мотострелкового полка с полковой артиллерией участвовал в сборах на Памире. В ходе них группа специалистов Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова провела эксперименты для выработки рекомендаций и инструкций по службе в высокогорье. Занятия по боевой подготовке проводили на высоте 3600 м¹⁰.

Перечисленные примеры свидетельствуют о внимании руководства Вооружённых сил СССР к проблемам боевых действий в горах. Но горная подготовка охватывала лишь узкоспециализированные подразделения. Остальные затрагивала лишь выборочно, в порядке научных изысканий, экспериментов, недостаточно отражалась на содержании физической подготовки, определявшемся требованиями приказа министра обороны СССР № 140 от 25 мая 1978 года, которые в военных округах детализировали с учётом специфики каж-

дого из них. В подготовленном в Краснознаменном Туркестанском военном округе (ТуркВО) в 1978 году учебном пособии по физподготовке не было ни слова о горной подготовке и альпинизме¹¹.

В Афганском конфликте 1979—1989 гг. в Демократической Республике Афганистан (ДРА) между её правительственными войсками при участии Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) и вооружённой оппозицией, которую поддерживала НАТО, в первую очередь США, войска ОКСВ — 40-й общевойсковой армии участвовали в боевых действиях с целью обеспечить безопасность южных границ СССР и поддержать просоветскую Народно-демократическую партию Афганистана, пришедшую к власти в результате Апрельской революции 1978 года¹².

С вводом в ДРА 40-й армии её войска приступили к выполнению задач в горах, занимающих около 80 проц. территории Афганистана¹³. Заместитель начальника оперативной группы Минобороны СССР генерал-полковник В.А. Меримский вспоминал: «Первые же бои подтвердили слабую горную подготовку и физическую выносливость личного состава»¹⁴.

Когда стало очевидно, что советские войска остаются в Афганистане на неопределённое время и втягиваются в боевые действия против вооружённой оппозиции, горная подготовка стала приоритетом, отражённым в приказах командующего 40-й армией, командиров её соединений и частей.

Наиболее высотным районом боевых действий в Афганистане оказались окрестности перевала Саланг. Там изрезанный глубокими ущельями рельеф требовал от военнослужащих выносливости и специальной подготовки. В.А. Пьянзин, во время службы в Афганистане старший лейтенант, командир взвода разведывательной роты 122 мсп, вспоминал: «Нам случалось за сутки с 3600 (метров над уровнем моря. — Прим. авт.) спуститься на 1900, затем подняться на 4100 и вернуться

на 3600»¹⁵. Высоты основных пунктов дислокации советских войск в районе перевала Саланг представлены на схеме 1.

В совершенствовании горных аспектов физической подготовки военнослужащих 40-й армии можно выделить четыре направления.

Первое — оборудование в крупных гарнизонах горных полос препятствий. В 1981 году командующий войсками ТуркВО приказом предписал создать их во всех мотострелковых полках и бригадах 40-й армии. В.А. Добров, в 1985—1987 гг. старший лейтенант, начальник физподготовки и спорта 181 мсп, затем 1074-го арtpолка в Кабуле, вспоминал: «Для каждого вида и рода войск были свои нормативы, свои упражнения, свои полосы препятствий... мало внимания уделялось горной подготовке. В ходе конфликта этот пробел был устранён. В обоих полках были спортивные городки... Они включали горную полосу препятствий»¹⁶.

Лучшие горные полосы были оборудованы в полках 103 гв. влд и 108-й мотострелковой дивизии (мсд), дислоцированных в Кабуле. Полковник в отставке А.Е. Шкорута, в 1987—1988 гг. подполковник, начальник физической подготовки и спорта 40-й ар-

С.В. Пантелеев
Фото из личного архива
С.В. Пантелева

мии, рассказал, что в 181 мсп «по всем чертежам и с соблюдением всех требований была построена образцовая горная полоса препятствий. Она включала вышку с канатом, место для метания гранат, канатную дорогу, забор, стенку... Это была лучшая полоса препятствий в 40-й армии»¹⁷.

Создание учебно-материальной базы затрудняло то, что все материалы, включая древесину,

доставляли из СССР и местность не всегда позволяла реализовать задуманное. Подполковник в отставке С.В. Пантелеев, в 1986—1987 гг. майор, служивший начальником физподготовки и спорта 101 мсп, затем начфизом 108 мсд и исполнявший обязанности начфиза 40-й армии, рассказал, что в 101 мсп должны были оборудовать горную полосу препятствий, но по объективным причинам были вынуждены ограничиться лишь отдельными её элементами¹⁸.

Некоторые начфизы скептически относились к горным полосам препятствий, полагая, что их использование не может в полной мере обеспечить подготовку военнослужащих к выполнению боевых задач в горах. Такого мнения придерживался начальник физической подготовки и спорта 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка в 1986—1988 гг. старший лейтенант Ю.Е. Балабан, ныне подполковник в отставке: «По соседству с полком находился Баграмский учебный центр. Горная полоса препятствий была пародией на тропу разведчика. У меня в полку была разработана своя методика подготовки к ведению боевых действий отдельно для гор, отдельно для зелёнки (местности, покрытой густой растительностью. — Прим. авт.), отдельно для пустыни. Для подготовки к боевым действиям в горах мы использовали настоящую гору»¹⁹.

Вторым направлением совершенствования горных аспектов физической подготовки военнослужащих 40-й армии стало её усиление в созданных в войсках штатных и нештатных «горных» подразделениях. С учётом опыта первого года боевых действий в Афганистане в 1981 году по директиве Генштаба Вооружённых сил СССР № Д-0314/3/00655 в мотострелковых бригадах и полках 40-й армии были назначены по одному так называемому горному батальону. Они сохраняли штатную структуру мотострелкового батальона, личный состав проходил горную подготовку, получал горное обмундирование и снаряжение.

Схема 1

Основные пункты дислокации советских войск на склонах Гиндукуша в окрестностях перевала Саланг

Эти батальоны предписывалось регулярно направлять для интенсивных занятий в горные учебные центры на 10–15 суток. Отдел боевой подготовки штаба 40-й армии разработал Программу подготовки горных (высокогорных) подразделений 40-й армии к ведению боевых действий, первоначально рассчитанную на 80 часов. В дальнейшем их число увеличили до 96. Содержание программы представлено таблицей.

В числе «горных» подразделений были батальоны 177 мсп 108 мсд, располагавшиеся заставами вдоль дороги, пересекавшей Гиндукуш с севера на юг, включая её высший участок — перевал Саланг (зоны ответственности батальонов 177 мсп отображены на схеме 2). На самом высоком — перевальном участке был размещён не мотострелковый, а горнострелковый батальон. В каждой из его рот в отличие от мотострелковых, в которых по штату было по 110 военнослужащих, их было 73. В мотострелковый взвод входил один снайпер, а во взводе горных стрелков он был в каждом отделении²⁰. Организация горнострелковой роты представлена на схеме 3.

Горных стрелков от мотострелков и десантников отличали не только штатная структура, но и питание, обмундирование, горное снаряжение и др.²¹ Наряду с ним в «горных» подразделениях использовали неуставную обувь. Как пояснил генерал-лейтенант в отставке Н.Г. Тер-Григорянц, возглавлявший штаб 40-й армии в 1981–1983 гг., «из-за сапог снижалась боеспособность. Потому вынужденно соглашались и закрывали глаза на применение кедров»²².

Как ни парадоксально, но в единственном в 40-й армии 3-м горнострелковом батальоне 177 мсп 108 мсд специализированную горную подготовку не проводили, потому что невозможно было организовать занятия в батальоне, рассредоточенном небольшими заставами. К тому же пребывание и выполнение боевых задач в окрестностях Са-

ланга было сплошной горной подготовкой.

О специфике службы в высокогорье рассказал подполковник в отставке П.А. Попов, в 1985–1986 гг. лейтенант, командир горнострелкового взвода одной из рот 3-го батальона 177 мсп: «Самый трудный участок, перевал Саланг, достался нашему 3-му горнострелковому батальону. Высота некоторых постов батальона достигала более 4000 метров над уровнем моря. Приходилось ходить там, где температура кипения воды 75–80°C, с непривычки после двадцати шагов начинало сильно стучать в висках, из груди выпрыгивать сердце, а печень просто отказывалась работать. Да ещё совсем нечем дышать, воздух-то разрежен. Помню свой первый вы-

ход на боевые. Вдруг почему-то у моего подготовленного организма появились одышка и усиленное сердцебиение. Так горы встречают новичков. Нехватка кислорода обнаруживается уже после шагов тридцати. Месяца через три постоянного проживания в горах на высоте более трёх тысяч метров это перестаёт ощущаться»²³.

Обучение подразделений боевым действиям в горах было регламентировано директивой министра обороны СССР № Д-012 1981 года, требовавшей освоить ведение активных боевых действий днём и ночью (не менее 30 проц. занятий проводить в тёмное время суток), разведки в горах, организацию налётов и засад. Акцентировалось внимание на инженерной подготовке²⁴.

Участники учебно-методического сбора организаторов физической подготовки личного состава 40-й армии, её соединений и частей

Окрестности Кабула, сентябрь 1987 г.

Из личного архива А.Е. Шкоруты

На основании директивы № Д-012 разрабатывали директивы командующих войсками военных округов. В ТуркВО командующий его войсками требовал ориентировать занятия на успешное выполнение боевых задач, обучать личный состав «быстрому и сноровистому преодолению различных препятствий, особенно горных, меткому метанию ручных гранат, умелому выполнению приёмов рукопашного боя, преодолению водных препятствий, стремительному захвату и преодолению переправ и горных проходов», вносить в учебный процесс «элементы опасности и риска в сочетании с тщательно продуманными и спланированными мерами безопасности»²⁵.

Третье направление улучшения горных аспектов физической подготовки касалось обучения её организаторов. В 40-й армии было принято решение организовать обучение ответственных за неё должностных лиц по программе подготовки альпинистов-инструкторов. В их число вошли начальники физподготовки и спорта армии, соединений и частей, командиры подразделений, проходивших усиленную горную подготовку и выполнявших специфические задачи, например, нештатных

групп, создававшихся для захвата пленных (языков).

Основной формой альпинистской подготовки стал ежегодный учебно-методический сбор. Соединения и части подавали предложения о его участниках. Командующий 40-й армией издавал приказ о проведении сбора, на основании которого 30—40 назначенных военнослужащих командировали к месту его проведения. Например, в 1985 году сбор провели на базе 103 ввд, в 1986 и 1987 гг. на базе 180 мсп²⁶.

Участников сбора размещали в расположениях соответствующих частей в Кабуле. У каждого из них, как вспоминал С.В. Пантелеев, «были ледоруб, два комплекта одежды и оружие»²⁷. Дни проводили на горном полигоне на высоте около 2000 м на одной из гор, прилегавших к столичному аэродрому. Там были оборудованы стрельбище и участок для занятий альпинизмом. По свидетельству Ю.Е. Балабана, сборы открывал начальник отдела боевой подготовки штаба армии. Обучали участников сборов по программе альпинистов-инструкторов присланные командованием военного округа альпинисты-профессионалы. Сборы продолжались около недели. Треть их программы отводилась теории, две трети — практике. Отрабатывали подъём

и спуск индивидуально и составом подразделения, занятие высот, медпомощь в горах, выбор площадок для посадок вертолёта в горной местности²⁸.

В 1988 году провели окружной учебно-методический сбор в СССР на базе учебного центра Чирчик в окрестностях Ташкента. По оценкам его участников из 40-й армии, в т.ч. упомянутого ранее начфиза 40-й армии А.Е. Шкоруты, армейские сборы были более содержательными²⁹.

Четвёртым направлением повышения качества горных аспектов физподготовки было совершенствование регламентировавших её руководящих документов. Наставления и приказы, действовавшие в масштабах Вооружённых сил СССР, были слишком общими, не учитывали горной специфики. Документы ТуркВО были ближе к ней, но не в полной мере соответствовали афганским реалиям. К примеру, в приказе командующего войсками округа № 159 от 28 ноября 1986 года «Об организации и проведении физической подготовки и спортивной работы в войсках округа в 1987 учебном году» такой атрибут мирной жизни, как спартакиада, был упомянут 15 раз, а горная подготовка — лишь два. Первое упоминание касалось регулярных занятий на горных полосах препятствий, второе — предписания заканчивать выходы подразделений в горные учебные центры восхождением на зачётные высоты³⁰. Этого было явно недостаточно для горной подготовки в 40-й армии.

Из руководящих документов окружного уровня наиболее содержательным и ценным для применения на практике было Методическое пособие по розыску, извлечению и выносу раненых и больных из труднодоступной местности, изданное в Ташкенте в 1983 году. Наряду с рекомендациями по эвакуации раненых и больных оно содержало сведения о горном снаряжении, средствах наблюдения и связи, способах передвижения в горах, устройстве переправ³¹, но не касалось раз-

личных аспектов боевых действий, использования учебно-материальной базы.

Требовался документ, который регламентировал бы горные аспекты физической подготовки в войсках. Им стало изданное в 1986 году штабом 40-й армии Пособие по горной подготовке подразделений, которое с учётом афганской специфики, накопленного опыта и требований директивных документов вышестоящих инстанций подготовил начальник физической подготовки и спорта 40-й армии подполковник О.А. Попов. Он начал пособие кратким экскурсом в историю боевых действий в горах, отметив, что «горная местность никогда не служила препятствием для наступления русских и советских воинов». Уделил внимание морально-психологическим аспектам. Описал особенности горного рельефа и природные явления, с которыми могут столкнуться военнослужащие, горное снаряжение и имущество, их назначение и применение. Подробно описал правила страховки и самостраховки, способы передвижения по склонам, преодоления горных рек и каньонов. Значительное внимание уделил обустройству, быту и соблюдению санитарно-гигиенических норм, организации bivака и питания, водно-питьевому режиму, первой помощи раненым и пострадавшим, в т.ч. от укусов змей и насекомых, выносу раненых с помощью подручных средств. Несколько разделов посвятил ориентированию по картам и без карт в различных условиях. Описал обустройство горной полосы препятствий, основные ошибки при её преодолении и меры безопасности, порядок выполнения контрольного упражнения на полосе, критерии его оценки. И завершил пособие типовым планом-конспектом занятия с ротой по горной подготовке³².

Выполнение требований и рекомендаций, изложенных в пособии, повысило качество физической подготовки военнослужащих 40-й армии.

Ограниченный контингент советских войск в Афганистане

накопил ценный опыт обучения военнослужащих, подразделений и частей различных родов войск боевым действиям в горах и их ведения. Он оказал влияние на горную подготовку в Вооружённых силах России и в 1990-е годы был востребован в подготовке войск и при ведении боевых действий в горной местности Северо-Кавказского региона. Внедрением этого опыта в практику войск в Российской армии и учебный процесс в Военном институте физической культуры Минобороны РФ занимались его творцы и носители, прошедшие суровую школу Афгана в должностях командиров и начальников физподготовки и спорта частей и соединений 40-й армии.

Управление физической подготовки и спорта Вооружённых сил РФ и ныне практикует проведение ежегодных сборов, в ходе которых начфизы осваивают азы альпинистской подготовки. В 2015 году оно организовало всеармейский конкурс «Эльбрусское кольцо», направленный на совершенствование выучки подразделений, привлекаемых к выполнению задач в горной и высокогорной местности, который в 2016 году стал международным, прошёл на базе Центра горной подготовки и выживания «Терскол» Минобороны РФ, расположенного на высоте 2200 м над уровнем моря у подножия

горы Эльбрус в Кабардино-Балкарии³³.

После распада СССР в состав Вооружённых сил Кыргызской Республики вошла дислоцированная в кыргызском городе Ош и прикрывавшая государственную границу 68-я отдельная мотострелковая (горная) бригада, 90 проц. военнослужащих которой к выводу советских войск из Афганистана прошли службу на его территории в 40-й армии, приобретя опыт боевых действий в горах. Участники боевых действий в Афгане служили и в других войсках, которые в 1992 году вошли в армию Кыргызской Республики.

Афганский опыт был востребован для выполнения принятого 22 января 1993 года решения Совета глав государств — участников Содружества Независимых Государств «О мерах по стабилизации обстановки на участке государственной границы Республики Таджикистан с Афганистаном». В соответствии с ним отдельный стрелковый батальон Вооружённых сил Кыргызской Республики принял под охрану 100-километровый участок таджикско-афганской государственной границы и 5 лет в сложных условиях высокогорья выполнял пограничную миссию. Службу в нём прошли более 4500 военнослужащих. В феврале 1999 года батальон, успешно выпол-

Таблица

Содержание Программы подготовки горных (высокогорных) подразделений 40-й армии

№ п/п	Предметы обучения	Количество учебных часов
1	Горная подготовка	50
2	Политическая подготовка	6
3	Тактическая подготовка	6
4	Огневая подготовка	6
5	Разведывательная подготовка	2
6	Военная топография	3
7	Военно-медицинская подготовка	9
8	Физическая подготовка	10
ИТОГО		92

Составлена по: Программа подготовки горных (высокогорных) подразделений 40-й армии к ведению боевых действий. Кабул: Штаб 40-й армии, 1987. С. 2.

нив боевую задачу, без потерь вышел с территории соседнего государства. Приобретённый в высокогорном пограничье ценный опыт был использован армией и пограничной службой Кыргызской Республики³⁴.

Серьёзным испытанием для Вооружённых сил и других силовых структур Кыргызстана, выдержать которое помог афганский боевой опыт, стали события 1999—2001 гг., начатые вторжением в Баткенский и Чон-Алайский районы Ошской области незаконных вооружённых формирований. Воины-кыргызстанцы, проявив мужество и отвагу в тяжёлых боях с хорошо вооружённым и обученным врагом, уничтожили бандформирования. Кыргызстанская армия нарастила опыт боевых действий в горах. Государство в сложных условиях агрессии международных террористов приобрело опыт организации всестороннего взаимодействия силовых министерств и ведомств, органов государственного управления и хозяйствующих субъектов в интересах безопасности страны³⁵.

И ныне армия Кыргызстана, идя по пути развития войск и органов управления ими, продолжает творчески использовать боевой опыт Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Во всех слагаемых боевой учёбы, включая физическую подготовку военнослужащих частей

и соединений Вооружённых сил Кыргызской Республики, свыше 90 проц.³⁶ которой занимают горы, активно используются методики, разработанные с учётом боевого опыта Афгана.

Анализ привёл к следующим выводам.

СССР, развивая советско-афганское сотрудничество и оказывая разностороннюю помощь дружественному Афганистану, был вынужден учитывать возможность использования его территории вероятным противником в качестве плацдарма для нападения на нашу страну. В 1960—1970-е годы теоретические и практические аспекты отражения агрессии на Памире разрабатывали в Генеральном штабе Вооружённых сил СССР, проводили исследования и эксперименты, касавшиеся боевых действий в высокогорье. Но горная подготовка охватывала лишь малую часть подразделений и недостаточно отражалась в содержании физической подготовки.

С вводом советских войск в Афганистан, размещением их значительной части на высотах около 2000 м над уровнем моря (некоторых подразделений — около 3000—4000 м) и развёртыванием боевых действий в этих условиях горная подготовка стала приоритетом боевой учёбы частей и соединений 40-й армии. В крупных гарнизонах Ограниченного контингента советских

войск в Афганистане построили горные полосы препятствий. Учебные центры дивизий 40-й армии оснастили горно-спортивными комплексами.

Для службы в самом высокогорном районе был создан горнострелковый батальон, в каждом мотострелковом полку и бригаде назначили по одному батальону для усиленной горной подготовки. Совершенствовалась её программа, первоначально рассчитанная на 80 часов, затем увеличенная до 96.

С организаторами горной подготовки ежегодно проводили учебно-методический сбор. В ходе него профессиональные альпинисты обучали начальников физической подготовки и спорта и командиров «горных» подразделений по программе альпинистов-инструкторов. Так как директивные документы, изданные командованием Вооружённых сил СССР и Туркестанского военного округа, не в полной мере учитывали и отражали афганскую специфику, касавшуюся горных аспектов физической подготовки, в армии с учётом требований вышестоящих инстанций были разработаны дополнительные нормативные документы.

В результате за время пребывания советских войск в Афганистане в них была создана и отточена практикой система физической подготовки, соответствовавшая специфике боевых действий в горах. Она включала руководящие и методические документы, учебно-спортивную базу и методики проведения занятий, меры повышения квалификации кадров, причастных к горным аспектам физической подготовки. Эта деятельность вошла в число многих слагаемых повышения боеспособности подразделений, частей и соединений 40-й армии в горных условиях.

Боевой опыт 1990-х годов и первой четверти XXI века, накопленный армиями России и Кыргызстана, свидетельствует о востребованности афганского опыта физической подготовки, включая её горные аспекты.

Обучение инструкторов по горной подготовке соединений и частей Вооружённых сил Кыргызской Республики

- ¹ Подробнее см.: Горная подготовка // Военная энциклопедия в 8 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1994. С. 458—460; Горная подготовка // Советская военная энциклопедия в 8 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1979. С. 609, 610; Горная подготовка // Интернет-портал Минобороны РФ. URL: <https://mil.ru/services/encyclopedia/dictionary/dictionary/f7a7124a-aeel-43ca-a3bb-606966c4f5bd>.
- ² Слинкин М.Ф. Афганистан: оппозиция и власть (60—70-е гг. XX в.). М.: Изд-во МБА, 2020. С. 128, 282.
- ³ Руководство по боевым действиям подразделений в горах (рота, взвод, отделение). М.: Воениздат, 1961. 208 с.
- ⁴ Никонов В.А. Умей преодолевать трудности горного похода. Л.: Издание Военно-медицинского музея СССР, 1961. С. 4.
- ⁵ См.: Акбайтал // Большая российская энциклопедия: электронная версия (БРЭ ЭВ). URL: <https://bigenc.ru/c/akbaital-51578d>.
- ⁶ Громак В.И. Русский военный след на Памире // Независимое военное обозрение. 2014. 2 августа. URL: https://nvo.ng.ru/history/2014-08-22/1_pamir.html.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Борисенко Л. Полвека назад на Пик Ленина в Киргизии высадили парашютный десант // Российская газета — Неделя — Киргизия. 2018. № 162. 26 июля. URL: https://rg.ru/2018/07/26/polveka-nazad-na-pik-lenina-v-kirgizii-vysadili-parashutnyj-desant.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.
- ⁹ Из беседы В.Н. Прямыцына с Л.В. Хабаровым 5 марта 2021 г.
- ¹⁰ Арутюнян А.Т. В горах Бадахшана. Воспоминания командира полка. Ереван: Антарес, 2014. С. 12.
- ¹¹ Учебное пособие по физической подготовке. Ташкент: Штаб ТуркВО, 1978. 38 с.
- ¹² См.: Афганский конфликт 1979—1989 // БРЭ ЭВ. URL: <https://bigenc.ru/c/afganskii-konflikt-1979-1989-545dbb>.
- ¹³ Демократическая Республика Афганистан: справочник. М.: Наука, 1981. С. 5.
- ¹⁴ Меримский В.А. Загадки афганской войны. М.: Вече, 2006. С. 201.
- ¹⁵ Из беседы В.Н. Прямыцына с В.А. Пьяным 16 апреля 2021 г.
- ¹⁶ Из беседы В.Н. Прямыцына с В.А. Добровым 15 сентября 2023 г.
- ¹⁷ Из беседы В.Н. Прямыцына с А.Е. Шкорут 14 мая 2023 г.
- ¹⁸ Из беседы В.Н. Прямыцына с С.В. Пантелеевым 20 июня 2023 г.
- ¹⁹ Из беседы В.Н. Прямыцына с Ю.Е. Балабаном 3 мая 2023 г.
- ²⁰ Из беседы В.Н. Прямыцына с П.А. Поповым 25 апреля 2021 г.
- ²¹ См.: «Колонны... подвергались постоянным атакам моджахедов...» // Военно-исторический журнал. 2023. № 2. С. 30—41.
- ²² Из беседы В.Н. Прямыцына с Н.Г. Тер-Григорянцем 20 сентября 2023 г.
- ²³ Из беседы В.Н. Прямыцына с П.А. Поповым 25 апреля 2021 г.
- ²⁴ Программа подготовки горных (высокогорных) подразделений 40-й армии к ведению боевых действий. Кабул: Штаб 40-й армии, 1987. С. 2.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Из беседы В.Н. Прямыцына с В.А. Добровым 15 сентября 2023 г.
- ²⁷ Из беседы В.Н. Прямыцына с С.В. Пантелеевым 20 июня 2023 г.
- ²⁸ Из беседы В.Н. Прямыцына с Ю.Е. Балабаном 3 мая 2023 г.
- ²⁹ Из беседы В.Н. Прямыцына с А.Е. Шкорут 14 мая 2023 г.
- ³⁰ Приказ командующего войсками ТуркВО № 159 от 28 ноября 1986 г. «Об организации и проведении физической подготовки и спортивной работы в войсках округа в 1987 учебном году». Ташкент: Штаб ТуркВО, 1986. С. 2.
- ³¹ Методическое пособие по розыску, извлечению и выносу раненых и больных из труднодоступной местности. Ташкент: Штаб тыла ТуркВО, 1983. 38 с.
- ³² Пособие по горной подготовке подразделений. Кабул. Штаб 40-й армии, 1986. 88 с.
- ³³ «Эльбрусское кольцо»: как появился конкурс военного альпинизма // ТАСС. 2016. 4 августа. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/3510583>; Эльбрусское кольцо // Сайт ФГАУ «Центральный парк «Патриот» Минобороны России». URL: <https://parkpatriot.ru/o-parke/tekhnika-parka/elbrusskoe-koltso>.
- ³⁴ История Вооружённых сил Кыргызской Республики // Сайт Министерства обороны Кыргызской Республики. URL: <https://web.archive.org/web/20111128181528/http://www.mil.kg/ru/armed-forces/history.html>.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Койчуев Т., Гусев К., Иванов Е. Будущее экономики и освоение гор // Реформа. 2001. № 2. С. 3.

V.N. Pryamitsyn, E. Kalybek-Uulu

«MOUNTAINOUS TERRAIN WAS NEVER AN OBSTACLE FOR THE ADVANCE OF RUSSIAN AND SOVIET SOLDIERS»

The role of mountainous terrain in the physical fitness of soldiers of the 40th Combined Arms Army during the War in Afghanistan (1980—1988)

Information about authors. Vladimir Pryamitsyn – chief researcher at the Military History Research Institute of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, colonel, D. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: priamitzynvn@mail.ru). Erkinbek Kalybek-Uulu – service student of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, colonel of the Armed Forces of the Kyrgyz Republic (Moscow. E-mail: erkinbekkalybekuulu@gmail.com).

Summary. In the 1960s and 1970s, the Soviet Union armed forces developed theoretical and practical aspects of mountain training for troops due to the possibility of an enemy using Afghanistan as a base to attack our country. They conducted research and experiments in the Pamir highlands, although mountain training was not widely used at that time. With the Soviet troops entering Afghanistan, there was a need to train a large number of soldiers for combat missions in mountains, including improving their physical fitness. The paper presents the results of the analysis of the main areas for improving the physical training of personnel of the 40th Combined Arms Army during their deployment in Afghanistan. These include: the establishment of mountain obstacle courses and sports complexes in large military bases; increased training for combat operations in the mountains, including mountain-specific physical training for regular and special forces; training and methodology camps for physical training instructors; and the development of guidelines. The paper draws attention to the fact that the experience of the 40th Army in physical training in Afghanistan has been beneficial for Russian and Kyrgyz armed forces. It also notes that, in addition to information from official documents, literature, and media sources, the authors have gathered information from interviews with veterans who served as heads of physical training and sports in the 40th Army and its units. They have also included documents and photographs from personal collections that are being introduced for the first time into the scientific community.

Keywords: Armed Forces of the USSR; Red Banner Turkestan Military District; Afghan conflict of 1979—1989; 40th Combined Arms Army; Limited contingent of Soviet troops; mountain rifle battalion; units assigned for enhanced mountain training; mountain aspects of physical training; mountain obstacle course; mountain sports complex; training and methodological camps for organizers of physical training of personnel of the 40th Army, its formations and units.

А.С. Сафонов,
А.А. Дмитриев

«...ОКАЗАТЬ ПОСИЛЬНУЮ ПОМОЩЬ ИСТЕКАЮЩЕЙ КРОВЬЮ ПЕХОТЕ»

Взаимодействие армии и флота в Тифлисской операции 1921 года

Сведения об авторах. Сафонов Алексей Сергеевич — начальник отдела управления штаба Северного флота, капитан 1 ранга, кандидат военных наук (Санкт-Петербург. Email: a.s.safonov@yandex.ru);

Дмитриев Алексей Алексеевич — преподаватель кафедры оперативного искусства Военной академии связи, подполковник (Санкт-Петербург. Email: alex310378@yandex.ru).

Аннотация. Тифлисская наступательная операция РККА 1921 года неоднократно привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Однако большинство авторов основное внимание уделяли 11-й армии, наносившей главный удар на Тифлис, а вспомогательное направление на Сухум традиционно оставалось в тени. В статье раскрываются некоторые малоизвестные подробности операции. Рассматриваются особенности ведения боевых действий частями 9-й армии РККА, сосредоточенной вдоль черноморского побережья. С приведением архивных документов анализируются причины неудач и поражений на отдельных этапах операции. Особое внимание уделяется деятельности должностных лиц по организации взаимодействия сухопутных и морских сил, показана зависимость эффективности совместных действий как от технического состояния флота, так и от мотивированности соответствующих начальников. Сделан вывод о необходимости заблаговременной подготовки к таким действиям, особенно в современных условиях.

Ключевые слова: Гражданская война; Кавказский фронт; Тифлисская наступательная операция; 9-я армия РККА; Кавказский сектор береговой обороны Чёрного и Азовского морей; боевые действия на приморских направлениях; межвидовое взаимодействие.

Революция 1917 года потрясла всю Российскую империю, разбив её на ряд мозаичных осколков. Не избежал кардинальной трансформации и Кавказ, который прошёл путь от имперских губерний до «независимых» республик, в т.ч. Грузинской Демократической Республики, сразу же ставшей протекторатом Германской империи. Германия искала источники нефти и марганца: только доступ к Закавказской железной дороге и грузинским шахтам (где находилось больше половины всех известных запасов марганца на планете) дал бы немцам материал для войны на Западном фронте¹. После поражения Германии в Первой мировой войне страна была частично оккупирована британскими войсками под предлогом противодействия «большевистскому вторжению», а частично находилась под контролем турков, «защищавших» мусульманское меньшинство.

Подписанный 7 мая 1920 года советско-грузинский договор

стал первым фактом юридического признания Грузинской Демократической Республики². Советская Россия признала независимость Грузии³ в обмен на то, что на её территории не будут находиться иностранные войска, а также будет обеспечен доступ грузинских коммунистов к публичной политике. Несмотря на юридически закреплённые в секретном приложении к Московскому договору 1920 года обязательства, антибольшевистские гонения продолжались. Показательно, но грузины попытались действовать наступательно. Был произведён арест ряда видных коммунистов и сотрудников коммунистической прессы, усилено наблюдение за сотрудниками советского полпредства в Тифлисе и произведён арест некоторых из них. Грузинское правительство перебросило в Крым всех отступивших в страну денкинцев, все бывшие на Северном Кавказе и в Азербайджане антисоветские восстания протекали при непосредственном участии Грузии⁴.

В конце 1920 года даже самым умеренным членам советского правительства стало понятно, что политика «замирения» меньшевистской Грузии исчерпала себя. В начале 1921 года Г.К. Орджоникидзе от имени Кавказского бюро приказал ЦК Компартии Грузии в кратчайшие сроки завершить подготовку к вооружённому восстанию, которое решено было начать в Лорийской нейтральной зоне⁵.

12 февраля 1921 года восстание против меньшевистского правительства началось, при этом первоначально предпринимались значительные усилия, чтобы выдать его за инициативу местных коммунистов, руководимых ЦК КПА (компартии Армении)⁶.

Образовавшийся 16 февраля Ревком Грузии обратился к главе Советского правительства В.И. Ленину с просьбой о вооружённой помощи, тем самым обеспечив легитимность дальнейшим действиям Красной армии⁷. Из Москвы немедленно последовал приказ

войскам Кавказского фронта (командующий В.М. Гиттис) выступить «на защиту повстанцев от грозящего им истребления со стороны белогвардейцев». В этот же день советские войска перешли в наступление.

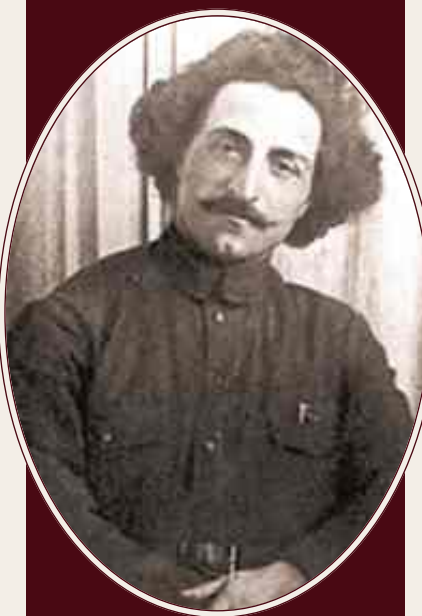
По разработанному советским командованием плану в операции предполагалось задействовать силы двух армий — 11-й, базировавшейся в Закавказье, и 9-й, находившейся на территории бывшей Черноморской губернии и угрожавшей грузинским частям в Абхазии, а также войска Терской области, имевшие возможность перейти по Военно-Грузинской дороге горы и занять Дарьяльское ущелье и Крестовый перевал⁸.

За главное направление отвечала 11-я армия, части которой должны были с юга и востока наступать на Тифлис.

Части 9-й Кубанской армии (временно исполняющий обязанности командующего В.Н. Чернышёв) при поддержке абхазских повстанческих отрядов наносили отвлекающий удар вдоль побережья — из района Сочи по направлению к Сухуму и далее. Планировалось, что в условиях революционного подъёма масс Абхазии эти действия спровоцируют массовые выступления против меньшевистской Грузии. Этим создавались также угроза меньшевистским войскам с запада и возможность помешать державам Антанты высадить десанты на черноморское побережье⁹.

Кроме того, в оперативном подчинении фронта находился Кавказский сектор береговой обороны Чёрного и Азовского морей (начальник Р.Р. Левговд). В состав Кавказского сектора входили артиллерийские батареи береговой обороны, а также Кавказская флотилия береговой обороны (переименована в 3-й отряд судов прибрежной обороны), состоявшая в основном из различных вооружённых гражданских судов и речных бронекатеров¹⁰.

Созданный 16 февраля (одно- временно с Ревкомом Грузии)

Г.К. Орджоникидзе
(1886—1937) —
руководитель
Кавказского бюро
ЦК ВКП(б) в 1921 г.
1921 г.

Ревком Абхазии обратился с «просьбой о помощи» к председателю Кавбюро Г.К. Орджоникидзе. Тот ответил краткой телеграммой: «Красная Армия изменила бы себе, если бы она не пришла на помощь восставшим рабочим и крестьянам Абхазии против своих поработителей. Да здравствует Красное знамя над Сухумом! Да здравствует Красная Абхазия!»¹¹.

17 февраля 1921 года врио командующего 9-й Кубанской армией В.Н. Чернышёв издал приказ о наступлении с задачей оказать помощь восставшему населению Абхазии и восстановить там советскую власть¹².

Первоначально соединения 9-й армии сопутствовал успех, однако к 21 февраля части 31-й дивизии столкнулись с ожесточённым сопротивлением грузинских войск у селения Пиленково (ныне Цандрыпш Гагрского района Республики Абхазия). Грузинское командование заблаговременно создало здесь оборонительные укрепления, в т.ч. стрелковые и артиллерийские окопы, тран-

шеи, местами бетонированные, и несколько рядов проволочных заграждений¹³.

Кроме того, устойчивость обороны противника обеспечивалась артиллерийской поддержкой кораблей французского флота (броненосный крейсер «Вальдек Руссо», миноносец «Сакалав», авизо «Сюипп» и «Дюшафо»). По докладу командира 273-го полка 31-й дивизии В.А. Малинникова, «вследствие открытого противником с военных судов ураганного огня был выбит почти весь командный и политический состав... полка. Цепь дрогнула и в панике начала отступать. От полка осталось 100—150 человек»¹⁴.

В этой ситуации 9-я армия запросила поддержки у Кавказского сектора береговой обороны в виде демонстрационных действий, обстрела противника с моря и десанта в его тыл. Начальник сектора отвечал на это, что имеет исправных всего два речных катера с одним 47-мм орудием и одним пулемётом каждый, а также один сторожевой катер с двумя 37-мм орудиями и невооружённый буксир, которые используются для проводки судов через минные поля. Для десанта нет вообще ничего, а для демонстрации Морские силы Чёрного моря передают сектору подводную лодку АГ-23¹⁵. Она была направлена из Севастополя в Новороссийск утром 18 февраля, т.е. через два дня после открытия боевых действий против Грузии, и в ночь на 24 февраля поступила в оперативное распоряжение начальника Кавказского сектора¹⁶.

Надо сказать, что по донесениям армии обстрел вели вооружённые пароходы (вероятно, за них были приняты авизо), однако флот располагал информацией о присутствии английских или французских крейсеров и миноносцев¹⁷. Учитывая, что совсем недавно французские миноносцы уничтожили советскую канонерскую

Грузинское ополчение
1921 г.

Французский броненосный крейсер «Вальдек Руссо»,
осуществлявший огневую поддержку грузинских войск в ходе
боёв за Гагру и Новый Афон с 28 февраля по 3 марта 1921 г.

ПЛ «Шахтёр» (бывшая ПЛ АГ-23) Черноморского флота

лодку «Эльпидифор № 415», сомнений в том, что корабли Антанты применят оружие по нашим кораблям, у начальника Кавказского сектора не было. В этих условиях организовывать обстрел берега с мало-мореходных бронекатеров из 47-мм орудий, рискуя потерять их, по его мнению, не имело никакого смысла. Единственное, что смог сделать флот, — это организовать выход подводной лодки АГ-23 на позицию между Сочи и Адлером, где она была атакована миноносцем и истребителем, от которых уклонилась погружением, а затем в связи с неисправностью перископа ушла в Туапсе.

Преодолев позицию у Пиленково, в первых числах марта 9-я армия вновь столкнулась с подготовленной обороной противника у Нового Афона. 3 марта командующий армией вновь запросил поддержку, теперь уже у штаба Морских сил Чёрного моря: «Общее впечатление, что бой у Нового Афона решающий при деятельном участии судов Антанты, так же думают и сами грузины. Является настоятельно необходимым в данное время содействие нашего флота, хотя бы показать флоту противника перископ подводной лодки АГ-23, которая в данное время находится в Новороссийске. Настаиваю сегодня же оказать посильную помощь истекающей кровью пехоте. Жду Ваших распоряжений»¹⁸. Сквозь строки видно явное неудовольствие сухопутного командования.

Видимо, ту же или подобную телеграмму получил и начальник Кавказского сектора, который сообщил командующему морскими силами содержание своего ответа командующему 9-й армией по тому же вопросу. Ответ этот выдержан в довольно грубом стиле (Р.Р. Левговд отвечал явно на взводе от высказанных ему претензий) и содержит ряд интересных моментов, касающихся взаимодействия армии и флота: «Сегодня ни одно из имеющих-

ся в моём распоряжении судов и других средств по определённым физическим причинам не может помочь армии у Нового Афона, завтра посылаю в тот район единственный исправный истребитель (сегодня ставлю на нём пушку). Через несколько дней приведу в хотя бы относительно боеспособный вид присланный мне “Эльпидифор” [№ 413] и тоже пошлю в тот же район, имею сведения, что ко мне идёт канлодка “Терец”, которая без промедления будет мною использована. На том, что я сказал, кончается всё реальное. С Вашего разрешения я выеду в ближайшие дни в Ростов на катере “Екатеринодар”. Во-первых, чтобы ускорить посылку того, что я просил известными Вам двумя телеграммами, и, во-вторых, для того, чтобы раз и навсегда покончить с разговорами <неразборчиво> Вашего сегодняшнего. Если красноармейцы осуждают флот, то обязанность комсостава объяснить всю абсурдность осуждения. Если же осуждение исходит от комсостава, то его надлежит пресечь в самом источнике, о чём я буду докладывать через коморси РСФСР. Вы не имеете права сомневаться в том, что я меньше Вас болею душою о том, что я нищий и мне нечем помочь армии в самый критический момент. Повторяю, что выяснить это можно будет только при личном разговоре, но прошу принять во внимание два основных положения. Первое — никто не потрудился хотя бы за 3 суток предупредить меня о начале военных действий, почему даже самые героические меры <неразборчиво> опозданием. Второе — никакое положение и никакой страх ответственности не заставят меня делать то, что с военно-морской точки зрения является абсурдом и послужит причиной гибели людей и средств, которые могут и должны быть использованы соответственно свойств нашего оружия. О необходимости

В.М. Гитис (1881—1938) — советский военачальник, с 15 мая 1920 по 29 мая 1921 г. — командующий Кавказским фронтом

поддержать наш флот[?] у Нового Афона я знал ещё вчера в Туапсе, и всё-таки с чувством глубокого огорчения и сознавая все последствия, я пришёл на подлодке в Новороссийск и отправляю её в Севастополь, так как, как Вам уже известно из моей телеграммы, неискренность перископа не даёт возможности использовать её даже для демонстративных целей, [в] чём я убедился лично два дня тому назад, когда мне пришлось уходить под воду [от] атакующего меня противника. О гидропланах я тоже позаботился, два месяца уже жду чтобы мне их прислали из Таганрога. Посылаю [видимо — полагаю] Начвос фронта и армии лучше известна обстановка, чем мне. Кончаю разговор конкретной просьбой ускорить присылку авиаотряда из Таганрога. Для скорости полагаю целесообразнее весь отряд задержать в Краснодаре, отобрать исправные аппараты, необходимое количество лётчиков и снабжения и послать прямо в Туапсе. Ваше оперативное приказание о немедленной

и всемерной поддержке армии у Нового Афона принято мною к исполнению»¹⁹.

Командование Кавказского фронта продолжало требовать от начальника Кавказского сектора обороны активного содействия наступавшим войскам — выделить катер для нужд регистрационного отдела (первоначальное название разведывательных отделов штабов фронтов (армий)), предоставить суда для «обслуживания» наступавших вдоль моря войск (вероятно, имеется в виду снабжение), и в конце концов прямо обвинило флот в бездействии²⁰.

Завершает картину телеграмма от 12 марта, в которой на запрос Р.Р. Левговда о передаче ему оперативных и разведывательных сводок фронта командующий фронтом ответил, что «посылка оперативных и разведсводок Начкавсектору признана невозможной»²¹.

Если следовать классическим подходам, то основная вина за отсутствие взаимодействия между 9-й армией и Кавказским сектором береговой обороны лежит на командующем Кавказским фронтом Владимире Михайловиче Гитисе. Будучи выпускником Николаевской академии Генерального штаба, он тем не менее вопросам организации взаимодействия на приморском направлении должного внимания не уделил.

Оценивая итоги совместных действий, а точнее их полное отсутствие, по нашему мнению, следует учитывать личность начальника Кавказского сектора береговой обороны Чёрного и Азовского морей Романа Левговда. Литовец по национальности, уроженец города Вильно не имел классического военно-морского образования. Окончив в 1911 году юридический факультет Санкт-Петербургского университета, в следующем году Левговд поступил на морскую службу юнкером флота. В начале 1914 года он сдал экзамены за курс Морского корпуса и 3 мая был произведён в чин мичмана²². Проходил службу

Немецкие войска на Кавказе
1918 г.

Английские интервенты в Грузии (1920—1921 гг.)
Фотобанк Московского дома фотографии (<https://russiainphoto.ru>)

Митинг в Сухуме
Март 1921 г.

Век революции: установление советской власти в Абхазии // Sputnik. Абхазия. 2021. 4 марта. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru>.

на низовых штабных должностях, а в 1917 году активно «включился» в революцию, после чего начал карьеру на политическом поприще. Активно проявив себя в «борьбе с пережитками царского флота», уже 30 марта 1917 года Левговд был избран в состав военной, следственной, исполнительной комиссий и юрисконсультского бюро Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих²³. Делегат (с правом решающего голоса) I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (проводился с 3(16) июня по 24 июня (7 июля) 1917 г. в Петрограде)²⁴.

До августа 1918 года Левговд являлся начальником красного Новороссийского укрепленного района. Затем в его биографии имеется белое пятно. По некоторым сведениям, он служил в Добровольческой армии²⁵. 4 ноября 1918 года военно-полевым судом Добровольческой армии за активную поддержку советской власти и службу в РККА Левговд был приговорён к шести годам каторжных работ²⁶. Наказание отбывал в тюрьмах Екатеринодара и Новороссийска, где успел написать две книги воспоминаний: об А.В. Колчаке и Новороссийске. В сентябре 1919 года был освобождён по амнистии и болезни. В разгар Гражданской войны, с сентября 1919 по апрель 1920 года, Р.Р. Левговд занимал мирную должность делопроизводителя железнодорожного кооператива в Новороссийске²⁷. С 1920 года — вновь в рядах Красной армии на штабных и тыловых должностях²⁸.

Таким образом, складывается впечатление, что, не имея практического опыта планирования и руководства боевыми действиями, не будучи формально подчинённым командующему 9-й армией и не считая себя ответственным за успех операции, Левговд всячески саботировал попытки командарма Чернышёва организовать взаимодействие.

При этом он занял напускную позицию эдакого непонятого «правдоруба», переживающего за общее дело, но ставящего во главу угла нужды флота и стремление сохранить его для «более важных дел».

Попытки Чернышёва организовать взаимодействие через командование Морских сил Чёрного моря объективно запоздали и уже не могли повлиять на ход боевых действий. Несмотря на это, 9-я армия выполнила поставленную задачу и обеспечила контроль побережья, освободив Сухум и не допустив поддержки меньшевистской

Грузии с моря силами Антанты.

Опосредованную оценку начальнику Кавказского сектора береговой обороны Левговду позднее дал Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов, написавший, что «забота о сохранении кораблей никогда не должна превращаться в самоцель... Плохо, когда гибнет крупный корабль, но ещё хуже, если его не используют в самый критический момент только ради того, чтобы этот корабль остался невредимым»²⁹.

Таким образом, не отвергая саму возможность организации взаимодействия морских

и сухопутных сил «по горизонтали» (в исключительных случаях), следует отметить, что оно возможно лишь при условии высочайшей сознательности соответствующих сухопутных и морских начальников, их грамотности и мотивированности к выполнению поставленных задач. Особенно это актуально в нынешних условиях, когда время на подготовку операций и боевых действий стало измеряться часами, а не сутками и неделями, а зависимость от успешности межвидового взаимодействия достигла критического уровня.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рейфилд Д. Грузия. Перекрёсток империй. История длиной в три тысячи лет. М.: Азбука-Аттикус, 2017. С. 247.

² Амбарцумян К.Р. Политика отложенной советизации: РСФСР и Грузия в 1920—1921 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 2. С. 129.

³ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 439—444.

⁴ Муханов В.М. Кавказ в переломную эпоху (1917—1921). М.: Модест Колеров, 2019. С. 148.

⁵ Там же. С. 158.

⁶ Там же. С. 159.

⁷ Обращение Революционного комитета Грузии к В.И. Ленину с просьбой об оказании военной помощи. 16 февраля 1921 г. // Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. Вып. 1. М., 1928. С. 87.

⁸ Муханов В.М. Указ. соч. С. 168.

⁹ Кадишев А.Б. Интервенция и Гражданская война в Закавказье. М., 1960. С. 378.

¹⁰ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. Р-461. Оп. 1. Д. 24.

¹¹ Борьба за Советскую власть в Абхазии: сборник документов и материалов 1917—1921. М., 1957. С. 174.

¹² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 192. Оп. 4. Д. 1144. Л. 77. Приказ вр. командующего IX Кубанской Красной Армии Чернышева по войскам об оказании помощи восставшему населению Абхазии в установлении Советской власти. 17 февраля 1921 г.

¹³ Муханов В.М. Указ. соч. С. 181.

¹⁴ РГВА. Ф. 3581. Оп. 1. Д. 10 (из журнала военных действий 273-го полка).

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 784. Л. 249.

¹⁶ РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 209. Л. 211, 259.

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-397. Оп. 1. Д. 179. Л. 85.

¹⁸ Там же. Л. 102.

¹⁹ Там же. Л. 100—101.

²⁰ РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 209. Л. 298, 303, 306, 307.

²¹ Там же. Л. 417.

²² Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. Петроград: Стат. отделение Гл. мор. штаба, 1916. С. 367.

²³ РГА ВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 15. Л. 38—40.

²⁴ Там же.

²⁵ Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства: опыт мартиролога. М., 2004. С. 271.

²⁶ Гвардейцы Октября. Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя / Сост. В.А. Гончаров, А.И. Кокурин. М.: Индик, 2009. С. 424.

²⁷ Лурье В.М. Военно-морская разведка СССР (1918—1960-е гг.): справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 112, 113.

²⁸ Список начальствующего состава Рабоче-крестьянского красного флота. Л.: Морские силы РККФ, 1925. С. 108.

²⁹ Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М.: Военное изд-во, 1989. С. 136.

A.S. Safonov, A.A. Dmitriyev

«PROVIDE ALL POSSIBLE ASSISTANCE TO THE BLEEDING INFANTRY»

Cooperation between the army and Navy during the Tiflis Operation of 1921

Information about authors. Aleksey Safonov – head of the Northern Fleet headquarters department, captain 1st rank, Cand. Sc. (Mil.) (St. Petersburg. E-mail: a.s.safonov@yandex.ru);

Aleksey Dmitriyev – lecturer in the Department of Operational Art at the Military Academy of Communications, lieutenant colonel (St. Petersburg. E-mail: alex310378@yandex.ru).

Summary. The Red Army's Tiflis offensive in 1921 repeatedly attracted the attention of domestic and foreign researchers. Most authors focused on the 11th Army's main attack on Tiflis, while the secondary attack on Sukhumi remains in the shadows. This paper reveals some little-known details about this operation, examining combat operations along the Black Sea coast with archival documents. It analyzes the reasons for setbacks and defeats during the operation and pays special attention to the role of officials organizing land and naval cooperation. The paper concludes that adequate preparation for such operations is crucial, especially in today's context.

Keywords: Civil War; Caucasian Front; Tiflis Offensive Operation; 9th Army of the Red Army; Caucasian Sector of Coastal Defense of the Black and Azov Seas; military operations in coastal areas; joint littoral warfare.

«ВСЕ КОНСТРУКТИВНЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ УЛУЧШЕНИЯ ПО ИЗДЕЛИЮ Р-11 БУДУТ ВНЕДРЕНЫ И НА ИЗДЕЛИЯХ Р-11ФМ, ИЗГОТАВЛИВАЕМЫХ ЗАВОДОМ № 385»

Становление производства ракет семейства Р-11
в г. Златоусте Челябинской области в 1955—1960 гг.

Сведения об авторе. Буданов Андрей Вячеславович — независимый исследователь, кандидат исторических наук (г. Челябинск, E-mail: andreybudanov@yandex.ru).

Аннотация. В статье анализируется процесс организации производства баллистических ракет типа Р-11 на Южном Урале во второй половине 1950-х годов. Публикация основывается на рассекреченных архивных документах. Целью статьи является изучение опыта освоения нового сложного производства на резервных промышленных мощностях. Выявлено, что ускоренная мобилизация производства на выпуск ракетной техники в условиях незавершённости процесса конструирования может привести к временному снижению качества изделий, нарушениям техники безопасности и режима секретности. Сделан вывод, что сохранение финансирования, усиление кадрового потенциала с привлечением квалифицированных инженеров и конструкторов, исправление конструктивных дефектов позволили в течение двух-трёх лет организовать стабильный серийный выпуск новой ракетной техники. При этом объёмы выпуска изделий на ранее неиспользованных мощностях могли быть от двух до пяти раз меньше, чем рассчитывалось в перспективных планах.

Ключевые слова: оборонная промышленность; ракетостроение; баллистические ракеты; конструкторские разработки; Р-11; атомный боеприпас; запуск ракет с подводной лодки; Опытный завод в Златоусте; морские ракеты Р-11ФМ; серийное производство вооружения; макеевская школа ракетостроения; С.П. Королёв; Н.А. Пилюгин; М.В. Хруничев; Д.Ф. Устинов; А.М. Исаев; В.П. Макеев; Е.М. Ушаков.

В середине XX века в СССР началась военно-техническая революция, превратившая страну в мощную ракетно-ядерную державу. Значимым техническим достижением тех лет стало конструирование оперативно-тактических ракет семейства Р-11. Первый, но аварийный пуск Р-11 состоялся 18 апреля 1953 года, а уже к концу мая ракеты стали попадать в заданный район. Всего в ходе экспериментальных пусков, доводочных и пристрелочных стартов, а затем при зачётных испытаниях отстреляли 35 этих изделий¹. В итоге 13 июля 1955 года постановлением Совета министров СССР № 1313-747 ракета Р-11 была принята на вооружение Советской армии. Новое оружие обладало меньшими габаритами, чем первые советские баллистические ракеты Р-1 и Р-2, основанные

на немецких технологиях, и управлялось более стабильными и пригодными для длительного хранения топливными компонентами — керосином и азотной кислотой. По сравнению с Р-1 новая ракета стала более компактной: длина сократилась с 14,27 до 10,49 м, диаметр — с 1,65 м до 88 см, вес в незаправленном состоянии — с 4,03 до 1,66 т, не менее важным было уменьшение стоимости с 632 (Р-1) до 400 тыс. руб. (Р-11)².

Эти характеристики позволяли реализовать новаторскую идею о вооружении баллистическими ракетами подводных лодок. С.П. Королёв с энтузиазмом возглавил конструкторские работы над приспособлением Р-11 для морских запусков. Таким образом, ракеты этого вида стали базой для развития двух

направлений в ракетостроении: оперативно-тактических жидкостных баллистических ракет на долгохранимых компонентах топлива для Сухопутных войск и морских баллистических ракет для вооружения подводных лодок. В историографии обычно описывается либо сухопутная³, либо морская модификация ракет этого семейства⁴. При этом авторы сосредотачивают внимание на тактико-технических характеристиках, но тоже далеко не исчерпывающе,

например, нет сведений о скорости полёта ракеты к цели⁵, что важно для оценки её боевых качеств. Процесс организации промышленного производства этих ракет почти не описан даже в ведомственных изданиях⁶. Всё же опыт ускоренной мобилизации промышленности на выпуск необходимой для обороны ракетной техники должен быть подробно изучен, особенно в условиях нестабильной военно-политической ситуации XXI века.

Всего существовали четыре версии ракеты Р-11, если не учитывать «академическое» использование изделий, когда вместо боевого заряда в ракету помещали приборы для исследований атмосферы и космических явлений (модификация Р-11А)⁷. Базовая ракета Р-11 с обычным взрывчатым веществом имела индекс Главного артиллерийского управления (ГАУ) «8А61». Затем изделие доработали и приспособили под установку ядерного боезаряда, этот вариант стали называть Р-11М, где «М» означала модернизированная (индекс ГАУ 8К11). Эта модификация конструировалась на основе совершенно секретного Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР № 1048-607 «О ходе работ по использованию ракеты Р-11 для транспортировки атомного заряда (ракета Р-11М)», изданного 26 мая 1955 года. Первый запуск изделия 8К11 в ходе лётно-конструкторских испытаний состоялся 30 декабря 1955 года и закончился аварией. После сделанных доработок следующий старт ракеты Р-11М 9 января 1956 года прошёл почти идеально. В итоге 1 апреля 1958 года Постановлением Совета министров СССР № 380-182 ракета Р-11М была принята на вооружение Советской армии. Однако установка дополнительного оборудования и доработка конструкции повысили стоимость ракеты до 545 тыс. руб.

Следующим логическим шагом стала разработка уни-

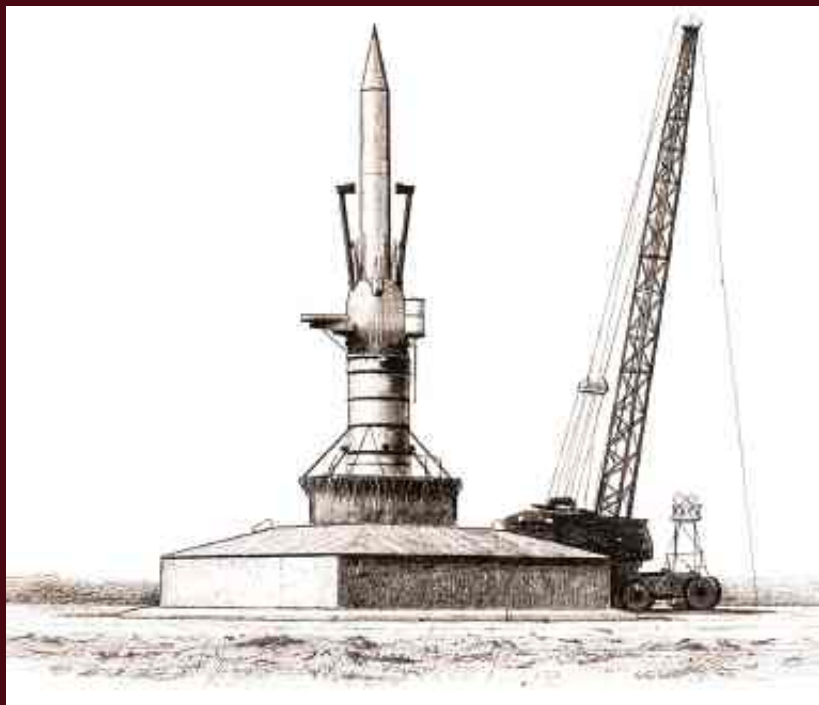
версальной ракеты Р-11МУ, способной нести как атомный боеприпас, так и обычное взрывчатое вещество. Эту модификацию начали конструировать в 1957 году уже на новой площадке в Специальном конструкторском бюро № 385 (СКБ-385), на тот момент находившемся в г. Златоусте Челябинской области. В июне 1957 года после одобрения проекта Советом министров СССР главный конструктор организации В.П. Макеев поручил эту тему группе конструкторов во главе с Ю.А. Бобрышевым. В результате получилась новая, более совершенная ракета Р-17 для Сухопутных войск. 1 апреля 1958 года советское правительство постановлением № 378-181 одобрило конструирование новой ракеты Р-17 вместо Р-11МУ, что привело к созданию эффективного и востребованного в войсках оперативно-тактического ракетного комплекса «Эльбрус»⁸.

Особую роль в истории отечественного ракетостроения сыграла морская модификация ракеты Р-11 с атомной боеголовкой. Она разрабатывалась на основе Постановления Совета министров СССР от 26 января 1954 года «О проведении проектно-экспериментальных работ по вооружению подводных лодок баллистическими ракетами дальнего действия и разработке на базе этих работ технического проекта большой подводной лодки с ракетным вооружением». Морская версия

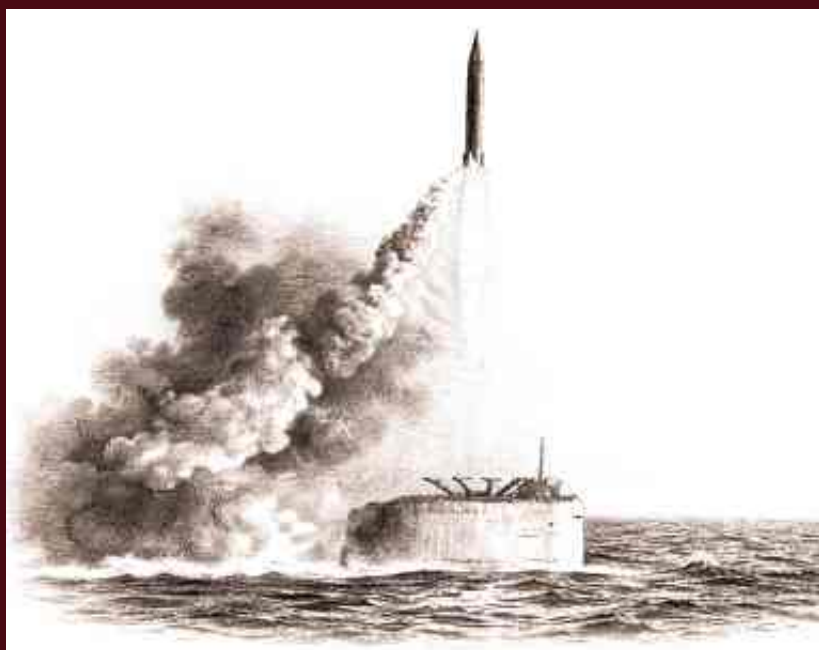
ракеты именовалась Р-11ФМ, где «Ф» означало флотская. Однако установка ядерного боеприпаса усложняла конструкцию ракеты и увеличивала вес, что привело к снижению дальности полёта Р-11М и Р-11ФМ до 150 км по сравнению с базовой версией 8А61. При этом модель Р-11ФМ стартовала только в надводном положении, что было серьёзной проблемой, понижавшей потенциальную живучесть подлодок⁹. Другим недостатком стало повышение цены изделия до 650 тыс. руб. из-за установки дополнительного оборудования, но к 1960 году удалось снизить себестоимость до 470 тыс. руб. Первые, ещё «сухопутные», запуски Р-11ФМ на полигоне Капустин Яр начались в апреле 1955 года. Первоначально три ракеты запустили с макета рубки подводной лодки, установив в нём разработанное заместителем С.П. Королёва А.П. Абрамовым подъёмное оборудование, прозванное моряками и ракетчиками «рогами и копытами». Затем из морского Центрального конструкторского бюро № 34 (ЦКБ-34) главного конструктора Е.Г. Рудяка на полигон доставили качающийся стенд для имитации морских условий и произвели ещё 11 пусков. Осенью 1955 года было решено проводить запуски уже с подлодки, для чего заводом № 88 были изготовлены 7 ракет. В итоге всё завершилось первым запуском ракеты с подводной лодки Северного флота проекта В-611 под номером Б-67, кото-

Оперативно-тактическая ракета Р-11 на гусеничной пусковой установке 8У218, созданной на базе ИСУ-152

Экспериментальный пусковой стенд с ракетой Р-11ФМ на полигоне Капустин Яр 1955 г.

Запуск ракеты Р-11ФМ с подводной лодки проекта В-611 1955 г.

рой командовал капитан 2 ранга Ф.И. Козлов. Пуск был произведён 16 сентября 1955 года в 17 ч 32 мин в акватории Белого моря на морском ракетном полигоне «ноль-девятка» (в/ч № 09703) под руководством С.П. Королёва и конструктора подлодок Н.Н. Исанина¹⁰. Окончательно после всех доработок длину ракеты сократили до 10,3 м, а вес забрасываемой атомной боеголовки увеличился до 975 кг, платой за это стала меньшая дальность — в 150 км. В итоге ракета Р-11ФМ была принята на вооружение 20 февраля 1959 года в составе комплекса Д-1 и использовалась на боевых дизель-электрических подлодках проектов 611АВ и 629 до 1967 года.

На ракетах типа Р-11 отрабатывались различные технические инновации. Определялись предельные возможности различных технологий, например, вытеснительной системы подачи топлива и окислителя в двигатель, которая имела заметные ограничения по сравнению с турбонасосным агрегатом. При конструировании морской модификации ракеты было найдено много новых и полезных технических решений в рамках реализации межотраслевой исследовательской темы «Волна». Двигатели для ракет Р-11 проектировал талантливый конструктор А.М. Исаев. При создании «морского» двигателя для Р-11ФМ модели С2.253А он нашёл решение проблемы опасных высокочастотных колебаний в камере сгорания за счёт приваривания к форсуночному основанию крест-накрест перегородки высотой около 10 см¹¹. В итоге его ОКБ-2 стало основным разработчиком двигателей для морских ракет дальнего действия. Автономную систему управления для изделия Р-11ФМ (радиоуправление рядом с территорией вероятного противника было недопустимо) разрабатывал В.П. Финогеев — заместитель знаменитого Н.А. Пилюгина. Другой ученик Пилюгина —

Н.А. Семихатов был направлен в Свердловск в качестве главного конструктора Специального конструкторского бюро № 626 (СКБ-629), переименованного в декабре 1958 года в НИИ-592, где он руководил разработкой радиоэлектроники и систем управления для морских ракет различных поколений¹².

Первоначально ракеты Р-11 всех типов собирались на опытном заводе № 88 при Научно-исследовательском институте № 88 у подмосковной станции Подлипки (ныне г. Королёв). Здесь же отрабатывалась технология организации производства модернизированных версий ракет. Свободных мощностей для реализации всех ракетных проектов не хватало, и сроки выпуска опытных изделий постоянно срывались. В этих условиях министр оборонной промышленности СССР Д.Ф. Устинов решил передать серийное производство ракет на Южный Урал, где имелись резервные конструкторские и производственные ресурсы. К тому же опытный завод № 385 уже поставлял отдельные комплекты для Р-11. Однако быстро наладить производство этих изделий на новой площадке не получилось. За 1955 год завод № 385 в г. Златоусте изготовил лишь 9 ракет Р-11, и то из узлов, переданных от организации № 88¹³.

Ситуация осложнялась тем, что С.П. Королёв вынужден был отказаться от морской тематики, т.к. это отнимало много времени и ресурсов, необходимых для конструирования межконтинентальных и космических ракет. Неслучайно подчинённые С.П. Королёва шутили, что «маленькая Р-11 подняла такую высокую «волну», что может смыть большую Р-7»¹⁴. Сергей Павлович начал поиск достойной кандидатуры для продолжения работ, советовался со своим другом Н.А. Пилюгиным. В итоге выбор остановился на молодом талантливом конструкторе В.П. Макееве. Королёв пред-

Главный конструктор
СКБ-385 В.П. Макеев
1955 г.
ОГАСО. П-801. Оп. 13. Д. 1. Л. 1.

ложил ему возглавить это направление и уехать из Москвы в город Златоуст в Челябинской области, где на базе Специального конструкторского бюро № 385 (СКБ-385) и его опытного завода было решено начать серийную сборку ракет семейства Р-11. В итоге 3 июня 1955 года Макеев приступил к своим конструкторским обязанностям на новом месте, став впоследствии основным разработчиком советских баллистических ракет для вооружения подводных лодок¹⁵. За молодость и амбициозность более опытные конструкторы, многим из которых тогда было около 50 лет, прозвали его «пионером».

Всё же руководство оборонно-промышленного комплекса недооценило сложность организации серийного выпуска новой ракетной техники. В докладной записке М.В. Хруничева в Президиум ЦК КПСС от 2 октября 1954 года предполагалось, что к январю 1958 года на Урале удастся создать производственные мощности по выпуску 2000 ракет Р-11 в год¹⁶. Ожидания были явно завышенными, и уже 20 июня следующего года

М.В. Хруничев и В.М. Рябиков предложили руководству страны проект пятилетнего плана 1956—1960 гг. с общим выпуском 1000 ракет типа Р-11 за пятилетку или в среднем 200 шт. в год, а морской модификации Р-11ФМ всего 150 шт. с началом выпуска первых 18 ракет в 1957 году. При этом на 1956 год было предложено выдать промышленности задание на выпуск 150 ракет Р-11, в т.ч. заводу № 385 не менее 100 шт.¹⁷

Даже урезанный план 1956 года не был выполнен. Опытный завод № 385 в г. Златоусте изготовил в первом полугодии 46 ракет Р-11, однако военные отказались принимать их, т.к. на зачётных испытаниях в апреле и в июне 1956 года две ракеты упали, пролетев 24 и 19 км соответственно. Причины неудач были связаны с недоработкой конструкции и технологии изготовления. Так, повышенные пульсации в камере сгорания приводили к вибрациям, нарушавшим работу системы управления изделием. В конце 1956 года Министерство обороны СССР приняло от опытного завода № 385 6 учебных и 6 стандартных ракет. В январе 1957 года в счёт прошлогоднего плана златоустовцы изготовили ещё 6 ракет. Они испытывались на Государственном центральном полигоне с 4 января по 20 февраля 1957 года, но из семи стартов три оказались неудачными. Специальная комиссия определила, что причиной аварий стали производственные дефекты: разрывы топливных баков и неправильное срабатывание отсечного клапана окислителя¹⁸. В итоге Президиум ЦК КПСС 2 апреля 1957 года обязал министра оборонной промышленности Д.Ф. Устинова в течение двух месяцев устранить недостатки и укрепить СКБ-385 новыми инженерно-техническими кадрами, после чего в мае—июне 1957 года провести новые испытания 10—12 ракет и доложить в ЦК КПСС. При этом опытный

завод № 385 государство под- держало финансово, выделив 20 млн руб. на подготовку ракет для испытаний. Также в план по валовой продукции разре- шили включить не принятые ракетчиками изделия, что по- зволило формально выполнить валовое задание 1956 года на 108 проц., т.е. в объёме 105 млн 179 тыс. руб. без налога с обо- рота¹⁹. Руководство страны осоз- навало необходимость инве- стиций и поблажек для нового технологичного производства. Фактически все ракеты Р-11, ко- торых за период 1955 — начала 1957 года в г. Златоусте выпу- стили всего 21 штуку, не считая 6 учебных и 46 забракованных, были опытными и использова- лись для испытаний и отработ- ки конструкции и технологии.

Стало ясно, что нужна прин- ципиальная доработка ракет семейства Р-11. Д.Ф. Устинов на- правил в СКБ-385 специалистов НИИ-88 и его опытного завода. Министр обещал ЦК КПСС, что «все конструктивные и техно- логические улучшения по из- делию Р-11 будут внедрены и на изделиях Р-11ФМ, изготавли- ваемых заводом № 385». К ре- шению проблем подключились главные конструкторы С.П. Ко- ролёв, А.М. Исаев, Н.А. Пилю- гин. Для предотвращения раз- рывов баков была увеличена толщина их переднего днища и внедрена двухсторонняя свар- ка наиболее ответственных

швов. В конструкции бачков блока и трубопроводов сталь марки 12Х5МА заменили на нержавеющую. Пиропатро- ны были герметизированы во избежание выброса пламени и горячих газов в межбачковое пространство. Специалисты из НИИ-885 и ОКБ-897 Ми- нистерства радиотехнической промышленности изучили при- чины нарушений функцио- нирования автомата стабилиза- ции полёта ракеты и изменили схему подачи электропитания к приборам управления, а на входе прибора 8Л238 в каналах тангажа и рыскания установили индуктивно-ёмкостные филь- тры. Для проверки эффективно- сти изменений были проведены лабораторные и стендовые ис- пытания топливных отсеков. В итоге на испытаниях в сентя- бре 1957 года одна из трёх ра- кет не долетела до цели 40,4 км, и доработки продолжились. В ноябре—декабре 1957 года запустили ещё 13 ракет, из ко- торых три — на дальность 56 км, а остальные — на 256 км. Все пуски оказались успешными: по расстоянию большинство ра- кет отклонились от цели менее чем на километр, а две ракеты имели боковое отклонение всего 5 и 7 м. В итоге ракеты, произ- ведённые в г. Златоусте, в на- чале 1958 года были признаны надёжными для использования в войсках и закладки в боезапас арсеналов ГАУ²⁰.

Всего в 1957 году опытный за- вод при СКБ-385 серийно вы- пустил 97 ракет базовой модели 8А61, что составляло 70 проц. от запланированного количе- ства в 134 шт.²¹ Предприятие не выполнило план 1957 года по валовой продукции и вместо за- планированных 108 млн руб. от- читалось о 100 млн 257 тыс. руб. в действовавших ценах того года, что в формате сравнимых цен на 1 июля 1955 года состав- ляло 87 млн 747 тыс. руб. Это был худший показатель в от- чёте Государственного коми- тета Совета министров СССР по оборонной технике, которо- му СКБ-385 было подчинено в ходе управленческой реформы 1957 года. Интересным фактом является то, что план по товар- ной продукции при этом был выполнен на 100,8 проц. и со- ставлял 135 млн 659 тыс. руб. в действовавших ценах, или 123 млн 149 тыс. руб. в срав- нимых ценах 1955 года²². Это можно объяснить реализацией изделий, изготовленных ранее, но не сданных заказчику, на- пример, узлов и деталей не при- нятых государством в 1956 году 46 ракет 8А61.

В этих непростых условиях необходимо было начать орга- низацию серийного производ- ства более сложных ракет типа Р-11М и Р-11ФМ. В Златоусте подготовка выпуска ракет для подводного флота началась на основании распоряжения Сове-

АО «Златоустовский машиностроительный завод» Госкорпорации «Роскосмос»
2010-е гг.

та министров СССР № 6095рс от 27 сентября 1956 года. Для помощи в освоении опытного производства двигателей модели С2.253А на территории СКБ-385 был создан филиал исаевского ОКБ-2, который возглавил А.А. Яковчик²³. Для систематической помощи в освоении нового производства на опытном заводе № 385 в 1957 году В.П. Макеев внедрил практику контроля процессов изготовления узлов и агрегатов, а также финальной сборки ракет инженерными бригадами, сформированными из специалистов СКБ-385²⁴. В распоряжение конструкторского бюро государство стало направлять выпускников профильных столичных вузов, например, Московского высшего технического училища имени Н.Э. Баумана, но больше всего молодых специалистов поступило из Казанского авиационного института, где в своё время обучался В.П. Макеев, а весной 1945 года была создана одна из первых ракетостроительных кафедр. Вскоре подготовку кадров для макеевской организации начали в Челябинском политехническом институте, где в 1957 году были созданы профильные кафедры, а вскоре и факультет. В итоге численность персонала конструкторских подразделений СКБ-385 стабильно возрастала: с 426 человек, включая 274 инженеров, в 1956 году до 638 сотрудников в 1957 и 665 в 1958 году, а число инженеров со среднемесячной зарплатой в 1300 руб. достигло 520 человек²⁵. Численность рабочих Опытного завода № 385 в г. Златоусте в 1957 году превысила 2000 человек. Месячный доход этой категории трудящихся превышал 980 руб.²⁶

Интенсивный труд заводчан в условиях освоения производства новой техники привёл к росту производственного травматизма в 1957 году на 69,8 проц. по сравнению с 1956 годом²⁷. В результате от главного инженера опытного завода № 385 Д.К. Андреева руководство Госкомитета потре-

бовало срочно принять меры²⁸. Напряжённый график освоения новых изделий отрицательно сказывался также на состоянии противопожарной безопасности. Проверка, проведённая Управлением внутренних дел Челябинского облисполкома в середине 1958 года, выявила, что складское хозяйство было переполнено и горюче-смазочные материалы хранились в непригодных помещениях. В организации было всего два пожарных гидранта, питавшихся от временной насосной станции соседнего завода № 66. На территории, предоставленной филиалу ОКБ-2 НИИ-88 для проверки двигателей морских ракет, склады кислот и горючих жидкостей не были обеспечены пенообразователем и пенопорошком; бетонные полы под цистернами, расположенными под навесом, были разрушены и не ремонтировались; отсутствовали сточные канавы для раздельного отвода горючих жидкостей и кислот в случае аварии. В итоге Седьмое управление Госкомитета по оборонной технике обязало начальника СКБ-385 Е.А. Гульянца, директора завода № 385 Е.М. Ушакова и начальника филиала ОКБ-2 НИИ-88 А.А. Яковчика в течение двух недель устранить эти недостатки²⁹.

Режим секретности при спешной организаторской работе нарушался не менее грубо. Например, в 1955—1957 гг. не проводились обязательные ежегодные проверки наличия всех секретных документов. Главный конструктор В.П. Макеев и директор опытного завода Е.М. Ушаков часто направляли засекреченные материалы в другие ракетостроительные организации не через спецсвязь Министерства связи или фельдсвязь МВД, а с выезжавшими в командировки сотрудниками без соответствующей охраны. В течение 1957 года таким способом в Москву, воинские части и на полигоны были направлены 34 пакета с грифами «секретно» и «совершенно

секретно». Например, сотрудники П.А. Алексеев, В.Р. Серов, Л.М. Милославский и другие возили с собой такие секретные материалы, как расчёт регулирования соотношения расходов компонентов топлива изделия 8А61 (ракета Р-11), структурная схема СКБ-385 и другие документы, которые могли быть похищены в пути. По аппарату ВЧ в условиях спешки секретные сведения о количестве отправлявшихся изделий и вагонов, станциях назначения, номерах полевой почты предприятий, изменениях в технологическом процессе, результатах испытаний изделий часто передавали открытым текстом. Даже испытания часто проводились без учёта секретности. Например, 10 марта 1958 года на испытательной станции СКБ-385 «изделие» было видно со стороны. Эту ситуацию взял под контроль секретарь Челябинского обкома КПСС Н.В. Лаптев³⁰, а начальник Седьмого управления Госкомитета по оборонной технике Л.А. Гришин 23 июня 1958 года подписал приказ № 20с, которым объявил Макееву, Ушакову и начальнику Первого отдела СКБ-385 Федосову выговор. Начальника конструкторского бюро Е.А. Гульянца и его заместителя по режиму В.А. Глебова руководство обязало до 1 августа устранить все недостатки³¹.

При этом государство системно наращивало инвестиции в разработки ракетной техники в СКБ-385. Так, в 1956 году из средств госбюджета на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по ракетной тематике в Златоусте было выделено 32 млн руб., в 1957 году — 62 млн 743 тыс. руб., в 1958 году — 89 млн 720 тыс. руб., т.е. за три года рост составил 280 проц.³²

В 1958 году завод № 385 получил плановое задание на производство 175 ракет Р-11 (8А61) и 60 модернизированных носителей атомного боеприпаса Р-11М (8К11) для Сухопутных войск, а также 59 — морских

Р-11ФМ, 46 более современных опытных ракет Р-13 и 7 экспериментальных ракет для отработки подводного старта. Однако завод был рассчитан на выпуск 30 ракет 8А61 в месяц, а эти объёмы с перерасчётом на сложность соответствовали 50 ракетам. Задание пришлось сократить³³. Ценой напряжённого труда новый план был выполнен на 102 проц. и достиг рекордного показателя в 172 млн 168 тыс. руб. в формате оптовых сравнимых цен; товарной продукции произвели в 1958 году на 164 млн 591 тыс. руб. в сравнимых ценах, или на 144 млн 177 тыс. руб. в действовавших ценах, что составляло 108,6 проц. к плану. При этом товарный выпуск оборонной продукции увеличился с 119 млн 357 тыс. руб. в 1957 году до 162 млн 180 тыс. руб. в 1958 году³⁴. Всего в 1958 году опытный завод № 385 в Ново-Златоустовском районе изготовил 60 ракет Р-11М из 92, произведённых в СССР; поставил флоту 59 шт. морских ракет Р-11ФМ, а Советской армии — 88 шт. 8А61 (Р-11)³⁵.

Для решения проблемы перегрузки производственных мощностей руководство ракетостроительной отрасли приняло три принципиальных решения. Во-первых, в ведение СКБ-385 постановлением Совета министров СССР № 312-150 от 20 марта 1958 года был передан строившийся в 30 км севернее г. Миасса ракетный завод № 139, а его директор Е.А. Гульянц ещё ранее — 14 декабря 1957 года — стал начальником СКБ-385. С 1959 года начался переезд важнейших подразделений СКБ-385 в Миасс, где впоследствии будет создан современный государственный ракетный центр. Во-вторых, в сентябре—октябре 1958 года к опытному заводу № 385 был присоединён крупный соседний Златоустовский машиностроительный завод № 66. Численность работников объединённого предприятия составляла теперь около 11 тыс.

человек, включая 8578 рабочих и 1450 инженеров, а потенциальные возможности годового выпуска оборонных изделий превышали 350 млн руб., но на предприятии сохранялись гражданское производство и выпуск пулемётов³⁶. В-третьих, производство уже устаревавших ракет семейства Р-11 было решено передать на заводы уральских совнархозов. Ракеты Р-11М ещё в 1957 году предложили выпускать в Оренбурге на машиностроительном заводе № 47, а 8А61 — на Воткинском машзаводе № 235 в Удмуртии. Реализовать план на оренбургских мощностях не удалось, зато серийное производство ракет семейства Р-11, прежде всего модели 8А61, с 1959 года стали налаживать на Воткинском машзаводе, куда В.П. Макеев командировал своего заместителя по серийному производству ракет Р-11 А.М. Ваганова.

В 1959 году в Златоусте произвели последнюю партию из 100 ракет типа Р-11М, т.к. предприятие всё более специализировалось на создании ракет для вооружения подводных лодок. В 1959 году здесь изготовили 55 морских ракет Р-11ФМ. В целом по итогам 1959 года общий объём выпуска валовой продукции объединённого предприятия составил более 329 млн 80 тыс. руб. в сравнимых ценах 1955 года, а товарной — 295 млн 640 тыс. руб. в действовавших оптовых ценах, в т.ч. оборонной — 234 млн 360 тыс. руб., а опытных работ по созданию новой ракетной техники выполнили на 66 млн 750 тыс. руб.³⁷ В 1960 году на заводе № 385 были выпущены последние 50 ракет Р-11ФМ, терявших своё боевое значение³⁸. Выпуск ракет типа Р-11М продолжался в Удмуртии до 1964 года.

Таким образом, г. Златоуст поставил государству не менее 536 ракет семейства Р-11, не считая выпуска запасных частей, комплектующих и изделий, не принятых военной приёмкой. Ракет типа 8А61 для Сухопутных войск в 1955—1958 гг.

произвели 212 шт., носителей ядерной боеголовки Р-11М в 1958—1959 гг. — 160 шт., ракет для вооружения подводных лодок Р-11ФМ в 1958—1960 гг. изготовили 164 шт. При этом производство налаживалось в условиях конструктивной доработки ракетной техники и сопровождалось ростом кризисных явлений. Несмотря на это, государство продолжало финансировать новые разработки, требовало от конструкторов и руководителей исправлять выявленные недостатки.

Однако у промышленной площадки в Златоусте был принципиальный недостаток — она располагалась в долине среди гор, что физически мешало расширению производственных мощностей. В итоге с 1959 года конструкторское бюро было постепенно перебазировано в соседний город Миасс, а серийная сборка новых моделей ракет была передана первоначально на Воткинский машзавод в Удмуртии, а затем в г. Красноярск. Производственные мощности завода № 385 стали использовать для выпуска высокотехнологичных элементов ракетной техники. Например, с 1962 года началось производство двигателей для космических аппаратов: пилотируемого космического корабля «Восток», разведывательного спутника «Зенит» и др. Здесь по сей день собирают важные агрегаты и отдельные узлы современной ракетной техники, а также востребованную гражданскую продукцию. В настоящее время завод АО «Златмаш» входит в систему Госкорпорации «Роскосмос» и является градообразующим предприятием.

Опыт организации производства и доработки ракет семейства Р-11 на Южном Урале стал основой для дальнейшего совершенствования макеевской школы ракетостроения. СКБ-385 стало создавать передовые образцы межконтинентальных баллистических ракет для вооружения подводных лодок, например ракеты Р-29 комплекса «Д-9». В XXI веке здесь

были сконструированы такие комплексы, как Р-29РМУ2 «Синева», РС-28 «Сармат».

Опыт современных военных конфликтов показал, что оперативно-тактические ракеты весьма востребованы в войсках. Международная обстановка диктует необходимость в короткие сроки мобилизовать промыш-

ленность на увеличение выпуска ракетной техники, в т.ч. за счёт перепрофилирования ряда предприятий. В этом плане опыт 1950-х годов остаётся востребованным и нуждается в подробном изучении. И такая работа ведётся: оборонные предприятия собирают исторические материалы и издают книги на их

основе. В Государственном ракетном центре в Миассе действует кабинет-музей В.П. Макеева, где проводятся патриотические мероприятия и экскурсии для молодёжи. Важно сохранить наработанные компетенции по организации ускоренного производства необходимой стране техники.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Задача особой государственной важности: из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1945—1959 г.): сборник документов / Сост. В.И. Ивкин, Г.А. Сухина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 1006—1014.

² Там же. С. 367.

³ Постников А.Г., Титов А.А. Первая оперативно-тактическая ракета Сухопутных войск: история создания и принятия на вооружение // Военно-исторический журнал. 2021. № 11. С. 54—63.

⁴ Каторин Ю.Ф. Первые советские морские баллистические ракеты // Вестник КИГИТ. 2014. № 6(47). С. 84—95; Дегтярь В.Г. Баллистические ракеты морских стратегических ядерных сил СССР и России, 1947—2012: каталог. Миасс: ГРЦ Макеева; М.: Оружие и технологии, 2012. 108 с.; Черток Б.Е. Ракеты и люди. Подлипки — Капустин Яр — Тюратам. М.: РТСофт, 2011. 656 с.

⁵ На ракетах семейства Р-11 головная часть ещё не отделялась от корпуса.

⁶ СКБ-385, КБ машиностроения, ГРЦ «КБ им. Академика В.П. Макеева» / Сост. Р.Н. Канин, Н.Н. Тихонов; под общ. ред. академика РАН В.Г. Дегтяря. М.: КБ имени Академика В.П. Макеева; Военный парад, 2007. 408 с.

⁷ Глушко В.П. Развитие ракетостроения и космонавтики в СССР. 3-е изд., перераб., доп. М.: Машиностроение, 1987. С. 65.

⁸ СКБ-385, КБ машиностроения, ГРЦ «КБ им. Академика В.П. Макеева»... С. 50, 55.

⁹ Апальков Ю.В. Подводные лодки советского флота 1945—1991 гг. Т. I. М.: МОСКНИГА, 2009. С. 27.

¹⁰ Черток Б.Е. Указ. соч. С. 252—261.

¹¹ Дегтярь В.Г. Указ. соч. С. 16.

¹² По материалам музея ПНО «Автоматика».

¹³ Задача особой государственной важности... С. 507, 547.

¹⁴ «Волна» — название советской секретной исследовательской темы по созданию ракетных вооружений для подводных лодок в 1950-х гг.

¹⁵ Объединённый государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 189. Д. 1363. Л. 4 об.

¹⁶ Задача особой государственной важности... С. 363.

¹⁷ Там же. С. 476, 547.

¹⁸ Там же. С. 546—548.

¹⁹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 298. Оп. 1. Д. 189. Л. 18.

²⁰ Задача особой государственной важности... С. 565, 618—624.

²¹ РГАЭ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 1295. Л. 53; Д. 13. Л. 29; Задача особой государственной важности... С. 624.

²² РГАЭ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 13. Л. 36.

²³ Там же. Д. 567. Л. 21.

²⁴ Литвинов Б.В. Грани прошедшего (триптих). М.: ИздАТ, 2006. С. 431.

²⁵ РГАЭ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 1295. Л. 74.

²⁶ Там же. Д. 13. Л. 25, 35, 36.

²⁷ Там же. Д. 567. Л. 7.

²⁸ Там же. Л. 7—9.

²⁹ Там же. Л. 45—47.

³⁰ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 70. Л. 62—64.

³¹ РГАЭ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 567. Л. 35—36.

³² Там же. Д. 1295. Л. 72.

³³ Задача особой государственной важности... С. 695.

³⁴ РГАЭ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 157. Л. 10.

³⁵ Задача особой государственной важности... С. 745; РГАЭ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 1295. Л. 53.

³⁶ Буданов А.В. Златоустовский машиностроительный завод: приобщение к ракетному проекту // Архив в социуме — социум в архиве: материалы восьмой Всероссийской научно-практической конференции, Челябинск, 19 сентября 2025 г. Челябинск: Б.и., 2025. С. 153.

³⁷ РГАЭ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 2578. Л. 15.

³⁸ Там же. Л. 17.

A.V. Budanov

«ALL DESIGN AND TECHNOLOGICAL IMPROVEMENTS MADE TO THE R-11 MISSILES WILL ALSO BE APPLIED TO R-11FM MISSILES MANUFACTURED AT PLANT NO. 385»

The production of the R-11 missile family in Zlatoust, Chelyabinsk Oblast between 1955 and 1960

Information about author. Andrey Budanov – independent researcher, Cand. Sc. (Hist.) (city of Chelyabinsk. E-mail: andreybudanov@yandex.ru).

Summary. This paper analyzes the organization of R-11 ballistic missile production in the Southern Urals during the second half of the 1950s, based on declassified archival documents. The goal of the study is to examine the experience of establishing a new production facility using existing industrial capacities. It was found that accelerating the mobilization of resources for missile production, while the design process was incomplete, could lead to a temporary decrease in product quality and safety issues, as well as potential security breaches. However, by maintaining funding, recruiting qualified engineers and designers, and addressing design flaws, it was possible to establish stable production of new missiles within two to three years. At the same time, production volumes from previously unused capacities may be two to five times lower than estimated in long-term plans.

Keywords: defense industry; rocket production; ballistic missiles; design developments; R-11; nuclear munition; submarine-launched missile; Zlatoust Experimental Plant; R-11FM naval missiles; serial production of weapons; Makeyev School of Rocketry; Sergey P. Korolyov; Nikolay A. Pilyugin; Mikhail V. Khronichev; Dmitriy F. Ustinov; Alexey M. Isayev; Viktor P. Makeyev; Yevgeniy M. Ushakov.

«МИНЫ ПОСЛЕДНЕГО ЗАКАЗА ЗАВОДУ ЛЕССНЕРА БЫЛИ ПРЕКРАСНЫ ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ...»

Производство торпедного вооружения в Санкт-Петербурге
в последней четверти XIX века

Сведения об авторе. Щерба Александр Николаевич — ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона РФ) Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург. E-mail: a.n.sherba@mail.ru).

Аннотация. В статье освещаются проблемы, связанные с производством торпедного вооружения, выпуск которого удалось освоить промышленности Санкт-Петербурга в последней четверти XIX века. По решению Морского министерства России изготовление торпед и торпедных аппаратов было налажено на ряде крупных предприятий города различной формы собственности. Кроме того, была создана современная опытно-экспериментальная база для испытания торпед. В течение нескольких лет промышленности города удалось не только освоить выпуск торпедного вооружения, обладавшего высокой технической сложностью, но и внести в конструкцию торпед значительные технические усовершенствования. Это позволило обеспечить высокое качество отечественного торпедного вооружения, которое по своим основным техническим характеристикам не уступало лучшим зарубежным аналогам. Благодаря интенсивной работе промышленности Санкт-Петербурга к концу XIX века были обеспечены потребности Военно-морского флота России в торпедном вооружении.

Ключевые слова: торпедное вооружение; приборы Обри; Кронштадтские минные мастерские; Обуховский сталелитейный завод; завод «Г.А. Лесснер».

В последней четверти XIX века в Военно-морском флоте появился новый вид корабельного вооружения самой высокой степени сложности — торпеды, которые быстро показали свою эффективность в боевых действиях. Самодвижущаяся подводная мина (торпеда) — снаряд, несущий боевой заряд, — предназначалась для поражения кораблей и береговых объектов противника. Первые торпеды были созданы в 1865—1875 гг. русским изобретателем И.Ф. Александровским¹ и английским инженером Р. Уайтхедом².

В 1869 году Морское министерство разрешило И.Ф. Александровскому изготовить торпеды за счёт своих средств. С огромными трудностями конструктор изготовил кустарным способом две торпеды в одной из частных мастерских города на Казанской улице. Изготовлены они были из листового железа толщиной 3,2 мм. Одна из торпед имела диаметр 610 мм и длину 5,82 м, другая 560 мм и 7,34 м соответственно³. В 1874 году было проведено

их испытание на Кронштадтском рейде. Увы, по результатам испытаний торпеда Александровского не была принята на вооружение российского флота⁴.

Морское ведомство потребовало увеличить скорость торпеды. Попытки Александровского вместо одноцилиндровой машины применить двухцилиндровую результата не дали. Кроме того, при увеличении скорости торпеда перестала держать заданную глубину. Появлялась необходимость управлять её дифферентом, как это было сделано в торпеде Уайтхеда⁵.

Поэтому Морское министерство России сочло необходимым приобрести в 1876 году за 9000 фунтов стерлингов технологию производства торпеды Р. Уайтхеда, заплатив ему сверх того огромную сумму — около миллиона рублей за изготовленные ещё 100 торпед для русского Военно-морского флота. Хотя его торпеда по основной своей идее оказалась тождественной торпеде И.Ф. Александровского⁶.

В январе 1874 года в Кронштадте была учреждена Минная комиссия Балтийского флота для руководства минным делом в морском ведомстве, а в 1877 году приказом управляющего Морским министерством в Кронштадте были созданы Минные мастерские⁷. Заведующим минной частью на флоте был назначен контр-адмирал К.П. Пилкин, опытный моряк и талантливый организатор⁸.

Сразу после покупки в 1876 году первых четырёх торпед Р. Уайтхеда Морское ведомство приняло решение об организации их изготовления на базе Кронштадтских минных мастерских⁹. Первая самодвижущаяся мина (торпеда) Уайтхеда была изготовлена 30 августа 1878 года¹⁰. Испытания показали, что она не уступает торпедам, изготовленным на заводе в г. Фиуме¹¹ при стоимости в полтора раза меньше¹².

Контр-адмирал К.П. Пилкин докладывал управляющему Морским министерством: «30 сентября на Восточном Кронштадтском рейде испытывалась первая мина Уайтхеда, сделанная в России <...> Опыты были вполне удачные. Мина шла от 9 до 22 узлов на 600 фут расстояния, попала в цель и отлично держалась на желаемой глубине»¹³.

Минные мастерские начали работать в структуре Кронштадтского порта и имели в составе своего промышленного оборудования паровой двигатель в 25 сил и 28 производственных станков¹⁴. Уже в 1880 году в мастерских была изготовлена первая партия торпед в количестве 35 штук¹⁵. Объём производства Минных мастерских за 1881 год составил 60 тыс. руб. при наличии 72 рабочих. Здесь же удалось освоить производство не только первых торпед, но и аппаратов для их выбрасывания¹⁶.

Морское министерство отмечало высокое качество кронштадтских торпед, изготовленных из «прекрасной

И.Ф. Александровский

стали Обуховского завода»¹⁷. В мастерских не только производилась сборка торпед, но и вносились усовершенствования в их конструкцию. Однако в дальнейшем изготовление торпед в Кронштадтских минных мастерских постепенно сворачивалось ввиду их ограниченных производственных возможностей. Они начали специализироваться на ремонте торпед, торпедных аппаратов и насосов для нагнетания воздуха¹⁸.

Кроме того, уже при изготовлении первых торпед в Кронштадтских минных мастерских стало очевидно, что они не в состоянии самостоятельно делать торпедное вооружение. В качестве контрагентов пришлось привлекать около десятка отечественных и зарубежных заводов, в т.ч. таких как Невский судостроительный и механический завод, Кронштадтский пароходный завод, Венский металлообрабатывающий завод, а также завод Р. Уайтхеда в Фиуме и др.¹⁹

В Кронштадтских минных мастерских были изготовлены первые 42 торпеды отечественного производства. Но заказы российского Военно-морского флота росли,

и становилось всё очевиднее, что развивать производство таких технически сложных боеприпасов, как торпеда, на базе Кронштадтских минных мастерских бесперспективно. Приходилось вновь заказывать значительное количество торпед на заводе Р. Уайтхеда. Поэтому Морским министерством было принято решение организовать производство торпедного вооружения на мощной производственной базе казённого Обуховского сталелитейного завода, который входил в структуру морского ведомства России²⁰.

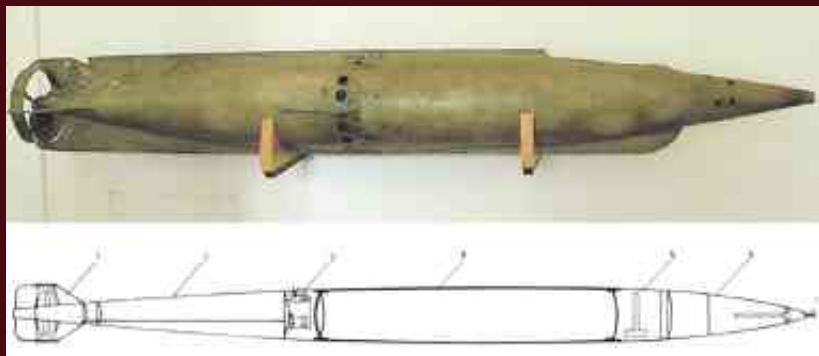
Первую пробную торпеду обуховцы выпустили в 1884 году. В январе следующего года начальник завода контр-адмирал А.А. Колокольцев докладывал, что в июле 1885 года рассчитывает сдать флоту десять торпед Уайтхеда и затем в течение остальных месяцев изготовить ещё двадцать. Одновременно здесь также освоили производство стальных воздушных резервуаров (торпедных аппаратов)²¹.

Изготовление торпед первоначально было организовано в отделе полевых орудий Обуховского сталелитейного завода, который был мало приспособлен для торпедного производства. Поэтому был образован самостоятельный минный отдел, имевший специальное оборудование для изготовления торпедного вооружения. В первые 14 лет существования этого подразделения на заводе были изготовлены 487 торпед (в среднем по 35 в год), затем производительность минного отдела удалось повысить, и до 1900 года его средняя годовая производительность составила 45 торпед на сумму 180 тыс. руб. С 1880 по 1894 год обуховцами были изготовлены 513 торпед²².

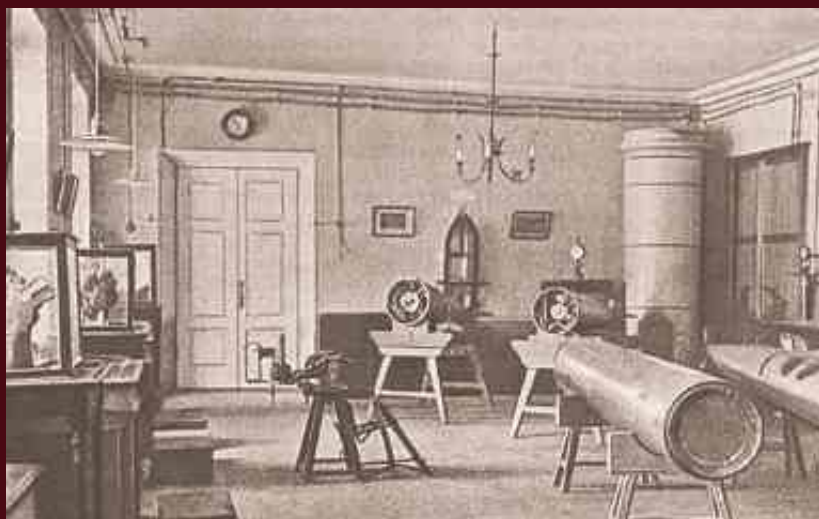
В связи с этим значительный интерес представляет рапорт директора Инспекторского департамента Морского министерства контр-адмирала

Торпеда И.Ф. Александровского
1874 г.

Торпеда Р. Уайтхеда, принятая в 1876 г. на вооружение русского флота

Минный офицерский класс в Кронштадте

Общий вид Обуховского сталелитейного завода

Н.И. Казнакова²³ на имя морского министра по вопросу состояния производства самодвижущихся мин на заводе Р. Уайтхеда от 11 мая 1884 года: «...Вообще посещение Фиуме и ознакомление с миной Уайтхеда привело меня к тому убеждению, что нам следовало бы поскорее освободиться от необходимости заказывать здесь свои мины и употребить возможное средство на устройство собственного производства, так как из-за плохого руководства Уайтхеда на заводах в Фиуме творится неразбериха и качество мин снижается. В то же время наши представители там достаточно хорошо освоили производство мин и в силах сами изготавливать их не хуже, а лучше и дешевле»²⁴.

Морское министерство принимало меры для того, чтобы добиться самодостаточности в деле производства торпедного вооружения. По оценкам некоторых специалистов, начиная с 1880—1884 гг. русский Военно-морской флот снабжался главным образом торпедным вооружением отечественного производства²⁵.

В последней четверти XIX века в составе Военно-морского флота России появились миноносцы, основным оружием которых являлись торпеды. Поэтому и потребности в торпедном вооружении быстро росли. В связи с этим Морское министерство провело конкурс потенциальных производителей торпед, в котором приняли участие: Общество франко-русских машиностроительных заводов, предложившее выпускать торпеды по цене 4500 руб. за штуку; Компания петербургского металлического завода (5200 руб. без гидростатического аппарата); завод Лесснера (3500 руб. без гидростатического аппарата и 3750 руб. с аппаратом) и вольный механик Фомин, изучивший производство торпед в Фиуме и служивший в Минной мастерской (4000 руб.). В конкурсе победил завод

Г.А. Лесснера, ставший первым частным предприятием, производившим торпеды²⁶.

С 1877 года завод «Г.А. Лесснер» стал выполнять постоянные заказы для военно-морского ведомства. Вначале в его мастерских производили поворотные краны для опускания донных мин в Кронштадте, а затем приступили к освоению производства торпед для Военно-морского флота. Для получения первого заказа на изготовление торпед владелец завода Г.А. Лесснер гарантировал обеспечить выпуск торпед лучшего качества, чем английские. Воздушные резервуары для торпед заводу «Г.А. Лесснер» поставлял Обуховский завод, т.к. первые несколько лет производство их не могло быть освоено в связи с отсутствием сложного и дорогостоящего оборудования²⁷.

На доходах от постоянных военных заказов значительно возросли производственные мощности завода. Если в начале 1870-х годов на заводе «Г.А. Лесснер» трудились 253 человека и он производил продукции на сумму более 227 тыс. руб.²⁸, то в начале 1880-х годов это предприятие в составе своего промышленного оборудования имело 40 горнов, 1 паровой молот, 3 паровых котла, 3 паровые машины мощностью в 100 сил и 100 различных станков и механизмов, а в его мастерских трудились 400 рабочих. Общий объём производства в 1881 году превышал 500 тыс. руб.²⁹

В 1883 году на заводе Лесснера была выпущена первая торпеда, и уже в 1886 году начальник Главного управления кораблестроения и снабжения в своём письме в адрес Морского технического комитета (МТК) поставил вопрос о заказе заводу «Г.А. Лесснер» 100 новых торпед 19-футовой длины по образцу завода Р. Уайтхеда. К этому времени правление завода провело значительную работу по подготовке к выпуску торпедного

Р. Уайтхед

вооружения. Было оборудовано специальное отделение для сборки торпед, установлены необходимые станки, подготовлены специальный инструмент и приспособления. При заключении договора между Г.А. Лесснером и морским ведомством впервые были составлены технические условия, в которых оговаривались требования к качеству торпед. Усовершенствованная на заводе торпеда в 1889 году получила высокую оценку военно-морского ведомства. По своим тактико-техническим данным она не только не уступала английской, но и по некоторым параметрам превосходила её. В последующие годы на заводе Лесснера в конструкцию торпед были внесены ряд усовершенствований, которые одобрил МТК. В связи с этим была дана рекомендация о необходимости обеспечить непрерывное изготовление торпед на заводе, т.к. это очень важно в случае войны. В 1891 году заведующий минной частью на флоте контр-адмирал К.П. Пилкин³⁰ в одной из докладных писал: «Мины последнего заказа заводу Лесснера были прекрасны во всех отношениях, поэтому

необходимо поддерживать на заводе выделку мин Уайтхеда, чтобы повысить квалификацию мастеровых и накопление опыта»³¹.

В течение 1880-х годов завод «Г.А. Лесснер» не только наращивал производство торпед, но и освоил изготовление торпедных аппаратов³². К началу 1890-х годов он практически полностью стал специализироваться на серийном производстве торпедного вооружения³³.

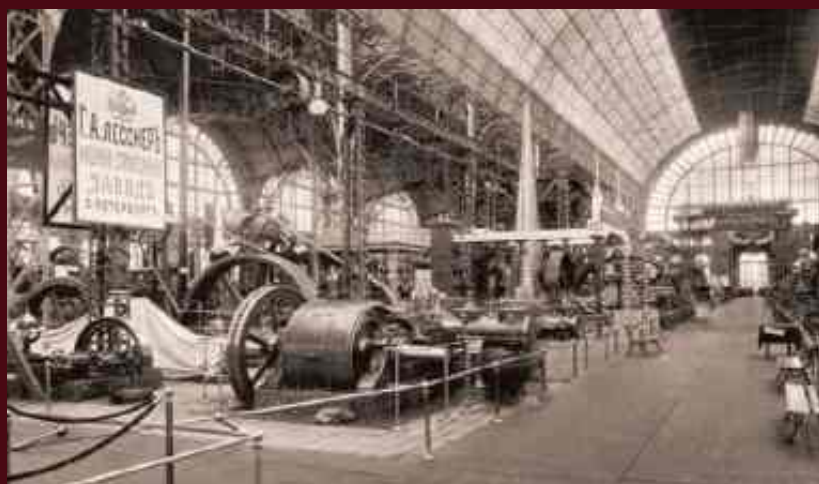
При этом торпеды постоянно совершенствовались. Около 1890 года был разработан проект торпеды в 5 м длиной и 0,45 м диаметром. Изготовление этих торпед было поручено как Обуховскому заводу, так и заводу Лесснера, которые представили свои детальные чертежи. На Обуховском заводе за разработку улучшенной торпеды образца 1890 года взялся заведующий отделом по производству мин Уайтхеда инженер-технолог П.Н. Сильверсван. В 1893 году прошло сравнительное испытание торпед обоих заводов. Предпочтение было отдано торпед Обуховского завода как обладавшей большим ходом (26³/₄ узла), и торпеды этого типа были приняты для вооружения некоторых кораблей флота. В 1894 году П.Н. Сильверсван спроектировал новый образец торпеды образца 1894 года, придав более полные обводы кормовой части и укоротив её. Благодаря этому появилась возможность иметь резервуар ёмкостью 890 л, т.е. на 140 л больше, чем у торпед образца 1886 и 1889 гг. Это позволило увеличить скорость на два узла, а некоторые торпеды образца 1894 года развивали скорость до 28,5 узла³⁴.

В 1896 году Обуховский сталелитейный завод получил первый заказ Морского министерства на изготовление 20 таких торпед³⁵. Всего с 1894 по 1900 год здесь были выпущены 570 торпед различных образцов³⁶.

Кроме того, на Обуховском сталелитейном заводе освои-

Медницкая часть Минной мастерской Обуховского завода

Машиностроительный отдел завода «Г.А. Лесснер»

Прибор Обри

ли производство сложных приборов Обри³⁷, которые обеспечивали точность попадания торпеды и представляли собой простейший гироскоп. В конце 1898 года Главное управление кораблестроения и снабжения заказало Обуховскому заводу 450 таких приборов. В феврале 1899 года начальник завода генерал-майор Власьев докладывал в ГУК: «Организация на Обуховском заводе валовой выделки приборов Обри производится согласно приемам <...> достаточно подробно изложенным в отпечатанной Морским техническим Комитетом брошюре <...> К такой организации Обуховским заводом было приступлено тотчас по получении заказа на выделку 450 приборов, данного менее трех месяцев тому назад <...> Обуховский завод рассчитывает тем не менее изготовить в текущем году 90—100 приборов, как это требуется условиями заказа. Первый прибор будет представлен для испытания в конце будущего марта месяца»³⁸.

В целом производственные мощности минного отдела Обуховского завода позволяли произвести в течение одного года 100 торпед и 200 приборов Обри³⁹.

С начала освоения производства в 1883 и до 1897 года завод «Г.А. Лесснер» выпустил по заказам Морского министерства 338 торпед различных образцов⁴⁰. К концу XIX века объёмы их производства существенно возросли: с 1894 по 1900 год были изготовлены 390 торпед⁴¹.

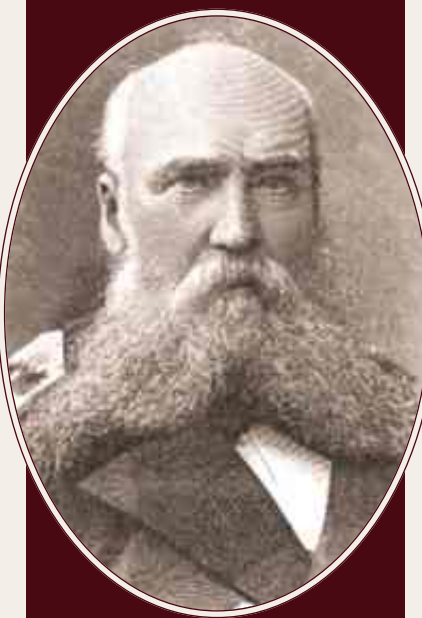
Кроме того, вслед за Обуховским сталелитейным заводом на заводе «Г.А. Лесснер» освоили и производство приборов Обри с внесением усовершенствований в их конструкцию и технологию изготовления⁴². К выпуску данных приборов были также привлечены и Минные мастерские Кронштадтского порта⁴³.

В 1898 году заводом «Г.А. Лесснер» был принят за-

каз на изготовление щитовых подводных торпедных аппаратов (правого и левого бортов) для 17-футовых торпед, который выполнили через год. Одновременно шло изготовление бортовых подводных стальных аппаратов для стрельбы 17-футовыми торпедами в количестве 18 штук для девяти миноносцев типа «Сокол». Кроме того, завод приступил к изготовлению новых торпед образца 1898 года со специальными приспособлениями под аппараты Армстронга⁴⁴ и трёхцилиндровым двигателем, а также прибором курса Обри, что значительно повысило точность хода торпеды в горизонтальной плоскости⁴⁵.

Изготовление торпедных аппаратов было освоено и на заводе Нобеля. Этому удалось добиться благодаря энергичной деятельности его собственника и администрации. В течение 6 лет завод производил торпедные аппараты различных типов и образцов. Всего было изготовлено: 7 подводных бортовых аппаратов для 15- и 14-см торпед, 6 таких же аппаратов для 50-см торпед, 10 аппаратов для выбрасывания их с помощью пороха, один бронзовый подводный неподвижный носовой аппарат для 17-см торпед, четыре таких же аппарата бортовых, один разборный кормовой неподвижной и один выдвигной, 35 поворотных торпедных аппаратов, 13 таких же носовых, 2 стальных неподвижных носовых аппарата и 4 таких же бортовых, 12 поворотных аппаратов для 45-см торпед и, наконец, 10 поворотных торпедных аппаратов для 35-тонных миноносок. Общее число изготовленных торпедных аппаратов составило 112 штук. Для пуска торпед завод делал также воздушные нагнетательные насосы системы Шварцкопфа и системы Уайтхеда с рабочим давлением в 100 атмосфер⁴⁶.

Несмотря на значительную техническую сложность изготовления торпедных аппа-

К.П. Пилкин

ратов, их производство было налажено не только на заводах Нобеля, Лесснера и Обуховском, но и на Ижорском, Путиловском и Металлическом⁴⁷.

С 1884 по 1889 год на отечественных предприятиях были изготовлены 442 торпеды. При этом заводами Санкт-Петербурга было выпущено: 208 — на Обуховском заводе, 176 — на заводе Лесснера, 28 — в Кронштадтских мастерских. Лишь 30 штук произвели на Юге России, в Николаевских минных мастерских. Мы видим, что подавляющее количество торпед (412 из 442) были изготовлены промышленными предприятиями Санкт-Петербурга. К концу XIX столетия их ежегодный выпуск на отечественных заводах достигал 160—200 штук. При этом особое внимание стало уделяться повышению качества и надёжности торпед⁴⁸.

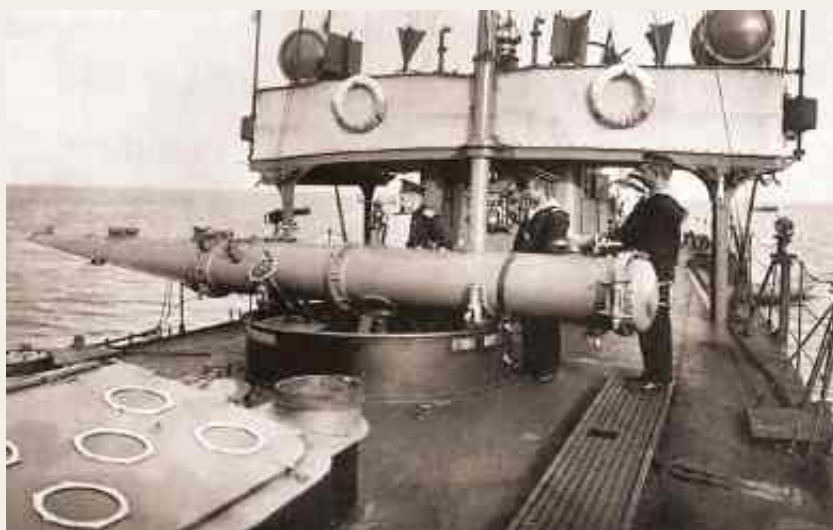
С этой целью приказом по Морскому министерству от 12 июня 1885 года в Военной гавани Кронштадта была создана первая в истории отечественного Военно-морского флота «постоянная станция для испытаний и пристрелки мин». Кронштадтская пристрелочная станция нача-

ла действовать 5 июня 1886 года⁴⁹. Каждая торпеда подвергалась испытаниям несколько раз. Например, в 1887 году при пристрелке торпед образца 1886 года производства завода «Г.А. Лесснер» каждой торпедой сделали более чем по 50 выстрелов. В среднем с 1884 по 1894 год при пристрелке одной торпеды выполнялось от 10 до 25 выстрелов. Как правило, максимальное число выстрелов приходилось на новые и модернизированные образцы⁵⁰.

После появления Кронштадтской пристрелочной станции предприятия Санкт-Петербурга, производившие торпедное вооружение, получили в своё распоряжение современную опытно-экспериментальную базу, позволившую не только существенно улучшить контроль за качеством торпедного вооружения, но и испытывать на практике все нововведения, которые вносились в конструкцию торпед.

В конце XIX века среднегодовой выпуск Обуховского завода составлял около 70 торпед, а завода Лесснера — 95. К сожалению, в 1898 году на заводе «Г.А. Лесснер» произошёл большой пожар, причинивший значительный материальный ущерб. По этой причине в течение 8 месяцев завод восстанавливал свои производственные мощности и торпедного вооружения не производил. С 1 октября 1898 по 1 октября 1899 года в его мастерских были собраны всего 16 торпед. Лишь в 1900 году удалось восстановить прежние объёмы производства⁵¹.

Немаловажным фактором, способствовавшим развитию производства торпедного вооружения в Санкт-Петербурге, стало наличие предприятий, выпускавших взрывчатые вещества для снаряжения боевой части торпед. Как известно, первоначально их боевые части оснащались пироксилином⁵², который по мощности в несколько раз

Наведение минного аппарата

превосходил дымный порох. В 1884 году в городе было образовано Русское общество для выделки и продажи пороха, которое дало начало строительству Шлиссельбургского порохового завода, где, кроме пороха, начали производить пироксилин⁵³.

В 1880 году в Галерной гавани Санкт-Петербурга Морским министерством был построен первый в России Пироксилиновый завод⁵⁴, который возглавил Л.Г. Федотов⁵⁵, а в 1890 году Военное министерство по-

строило Охтенский пироксилиновый завод производительностью 300 пудов в сутки⁵⁶.

Наличие Пироксилинового завода, находившегося в непосредственном ведении морского ведомства, безусловно, способствовало динамичному развитию производства торпедного вооружения в Санкт-Петербурге в последней четверти XIX века.

Однако броневая защита кораблей, находившихся в составе флотов ведущих морских держав, постоянно совер-

шенствовалась. В связи с этим необходимо было оснащать торпеды более мощным взрывчатым веществом. В 1891 году в Санкт-Петербурге была образована Научно-техническая лаборатория морского ведомства для разработки и исследования новых видов порохов и других взрывчатых веществ⁵⁷, которую возглавил И.М. Чельцов⁵⁸. Ему принадлежит видное место в изыскании новых взрывчатых веществ для торпед. Разработанное Чельцовым вещество было вдвое сильнее сухого прессованного пироксилина и более устойчиво к воздействию высоких температур⁵⁹.

Всё вышеизложенное свидетельствует о том, что во второй половине XIX века промышленностью Санкт-Петербурга было освоено производство торпедного вооружения, отличавшегося высокой технической сложностью. Изготовление торпедного вооружения было налажено на нескольких казённых и частных предприятиях города. Благодаря этому Военно-морской флот России получил на вооружение современное средство поражения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Александровский Иван Фёдорович** (1817—1894) — русский инженер-изобретатель первой в отечественном флоте подводной лодки и торпеды. Среди его изобретений — устройство для подъёма затонувших судов и повреждённых подводных лодок.

² **Уайтхед Роберт** (1823—1905) — английский инженер, работал в г. Фиуме (Австро-Венгрия), где проектировал и строил двигатели для австрийских военных кораблей и начал работу над торпедой, которую завершил в 1866 г. В 1872 г. купил фирму и превратил её в производителя торпед и комплектующих.

³ Коршунов Ю.Л., Успенский Г.В. Торпеды российского флота. СПб.: Гангут; Нептун, 1993. С. 4.

⁴ История 18 Арсенала ВМФ (Кронштадт). Ч. 1. Минные мастерские и склады до 1917 г. // Сайт «Allmines.net».

URL: <https://allmines.net/catalog/russia/ars/18ars>.

⁵ Литвиненко Е.Я. Торпедное оружие Российского императорского флота в период 1866—1917 гг. Дисс. ... канд. техн. наук. Владивосток, 2003. С. 67.

⁶ Пимченков С.Я. История завода «Старый Лесснер» — «Двигатель». СПб.: ДЕАН+АДИА-М, 1996. С. 10.

⁷ Смуглин Ф.С., Красавкин В.К. Кронштадтская хроника // Военно-исторический журнал. 2003. № 4. С. 43.

⁸ Военная энциклопедия. Т. 18. Петроград: Изд. товарищества И.Д. Сытина, 1916. С. 419.

⁹ Пимченков С.Я. Указ. соч. С. 10.

¹⁰ Колчак В.А. История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники. СПб.: Тип. Морского министерства, 1903. С. 226.

¹¹ Фиуме — город в Австро-Венгрии, где впервые было освоено производство самодвижущихся мин (торпед).

¹² Шаповалова А.Е. «Старый Лесснер» — «Торпедо» — «Двигатель» — 170 лет производственной истории. СПб.: Реноме, 2023. С. 25.

¹³ Коршунов Ю.Л., Успенский Г.В. Указ. соч. С. 18.

¹⁴ Пимченков С.Я. Указ. соч. С. 10.

¹⁵ Колчак В.А. Указ. соч. С. 226.

¹⁶ Пимченков С.Я. Указ. соч. С. 10.

¹⁷ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1972. С. 383, 384.

¹⁸ Колчак В.А. Указ. соч. С. 226.

¹⁹ Коршунов Ю.Л., Успенский Г.В. Указ. соч. С. 17, 18.

²⁰ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 383, 384.

²¹ Коршунов Ю.Л., Успенский Г.В. Указ. соч. С. 20.

²² Колчак В.А. Указ. соч. С. 228, 315.

²³ **Казнаков Николай Иванович** (1834—1906) — окончил Морской кадетский корпус, командовал корветом «Аскольд», фрегатом «Рюрик», во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. командовал Нижнедунайской флотилией и отрядом судов «в греческих водах», в 1883—1884 гг. исполнял должность директора Инспекторского департамента Морского министерства, в 1886 г. был назначен главным инспектором морской артиллерии, адмирал.

²⁴ Пимченков С.Я. Указ. соч. С. 10.

²⁵ **Скрынский Н.Г.** Развитие торпед в русском флоте: сборник материалов 1874—1910 гг. Л.: Изд. Военно-морской академии кораблестроения и вооружения имени А.Н. Крылова, 1951. С. 19.

²⁶ Шаповалова А.Е. Указ. соч. С. 26.

²⁷ Пимченков С.Я. Указ. соч. С. 8, 10.

²⁸ **Тимирязев Д.А.** Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности европейской России с поимённым списком фабрик и заводов. Вып. 3. СПб.: Общественная польза, 1873. С. 112.

²⁹ Военно-статистическое описание Петербургского военного округа / Составлено при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа. СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1884. С. 183.

³⁰ **Пилкин Константин Павлович** (1824—1913) — окончил Морской кадетский корпус, командовал броненосной батареей «Кремль», с 1869 г. возглавлял отряд судов, который привёл с Балтики в Тихий океан. В 1876 г. посетил Австро-Венгрию для ознакомления с торпедным производством, в 1877 г. был назначен заведующим минной частью на флоте, адмирал.

³¹ Пимченков С.Я. Указ. соч. С. 10, 11.

³² Колчак В.А. Указ. соч. С. 228.

³³ Фабрично-заводская промышленность и торговля России. Издание Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов. СПб.: Тип В.С. Балашева и К^о, 1893. С. 216.

³⁴ История Обуховского сталелитейного завода. Ч. 2. История производства мин Уайтхеда (торпед) и другого минного вооружения на Обуховском заводе (1883—1917) // Сайт «Allmines.net». URL: https://allmines.net/catalog/russia/nii/OSZ_02.

³⁵ **Каптерев Н.А.** Обуховский сталелитейный завод. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1913. С. 43.

³⁶ **Бескровный Л.Г.** Указ. соч. С. 587.

³⁷ Прибор, служивший для удержания траектории движения торпеды в горизонтальной плоскости, назван по имени его изобретателя — лейтенанта австрийского флота Л. Обри. Устройство прибора основано на свойствах гироскопа.

³⁸ История Обуховского сталелитейного завода. Ч. 2.

³⁹ Колчак В.А. Указ. соч. С. 228.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ **Бескровный Л.Г.** Указ. соч. С. 587.

⁴² **Пимченков С.Я.** Указ. соч. С. 11.

⁴³ **Скрынский Н.Г.** Указ. соч. С. 90.

⁴⁴ Аппарат Армстронга — подводный поршневой аппарат английской системы для стрельбы с использованием сжатого воздуха, который выбрасывал торпеду из торпедного аппарата.

⁴⁵ **Скрынский Н.Г.** Указ. соч. С. 14, 15.

⁴⁶ Механический завод Людвиг Нобель 1862—1912. СПб.: Тип. Р. Голике и А. Вильборг, 1912. С. 17, 18.

⁴⁷ **Бескровный Л.Г.** Указ. соч. С. 587.

⁴⁸ **Пимченков С.Я.** Указ. соч. С. 12.

⁴⁹ **Коршунов Ю.Л., Успенский Г.В.** Указ. соч. С. 22.

⁵⁰ Копанское озеро. Минная пристрелочная станция Обуховского завода // Там же. С. 32.

⁵¹ **Скрынский Н.Г.** Указ. соч. С. 94, 97.

⁵² Пироксилин — нитроцеллюлоза с третьей степенью замещения, продукт полной этерификации (реакция образования сложных эфиров) целлюлозы азотной кислотой. Как взрывчатое вещество использовался для снаряжения торпед, мин, фугасных снарядов и как основная составляющая для производства бездымного пороха.

⁵³ Фабрично-заводские предприятия Российской империи / Сост. Л.К. Езиоранский. СПб.: Тип. Н.П. Зандмана, 1909. № 547(Г).

⁵⁴ Пироксилиновый завод — Радиотелеграфный завод Морского ведомства // Сайт «Citywalls». Архитектурный сайт Санкт-Петербурга. URL: <https://www.citywalls.ru/house6888.html>.

⁵⁵ **Федотов Леонид Гаврилович** (1847—1894) — русский изобретатель, специалист в области взрывчатых веществ. По его проекту, разработанному вместе с И.М. Чельцовым, был построен Пироксилиновый завод морского ведомства. Создал конструкцию ручной пироксилиновой гранаты. В 1890—1891 гг. вместе с Д.И. Менделеевым и И.М. Чельцовым участвовал в разработке бездымного пороха для русского флота.

⁵⁶ Военная энциклопедия. Т. 17. Петроград: Изд. товарищества И.Д. Сытина, 1914. С. 2.

⁵⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 11. СПб.: Государственная типография, 1894. С. 440, 441.

⁵⁸ **Чельцов Иван Михайлович** (1848—1904) — русский химик и педагог; один из авторов «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона», где опубликовал ряд статей о порохе и взрывчатых веществах. Член Морского технического комитета по вопросам пороха и взрывчатых веществ.

⁵⁹ **Скрынский Н.Г.** Указ. соч. С. 76, 77.

A.N. Shcherba

«THE MINES OF THE LATEST ORDER FROM THE LESSNER PLANT WERE EXCELLENT IN EVERY RESPECT...»

Torpedo production in St. Petersburg during the last quarter of the 19th century

Information about author. Aleksandr Shcherba – leading researcher in the research department for military history in the north-western region of the Russian Federation, at the Military History Research Institute of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, D. Sc. (Hist.), professor (St. Petersburg. E-mail: a.n.sherba@mail.ru).

Summary. This paper explores the challenges associated with the development of torpedo weaponry, which the St. Petersburg industry successfully mastered in the latter half of the 19th century. Following a decision by the Russian Naval Ministry, several large city-based enterprises of various types were tasked with manufacturing torpedoes and related equipment. Additionally, a state-of-the-art testing facility was established for conducting experiments and research on torpedo technology. Over several years, St. Petersburg's industrial sector not only achieved proficiency in producing highly sophisticated torpedo weapons but also made significant improvements to their designs, ensuring high-quality domestic products that rivaled foreign counterparts in key technical specifications. Thanks to these efforts, the Russian navy's requirements for torpedoes were fully met by the end of the century, thanks to the hard work of the city's industries.

Keywords: torpedo armament; Aubrey devices; Kronshtadt mine workshops; Obukhov steel foundry; G.A. Lessner plant.

«ШЛИ ОТ МАЛОГО К БОЛЬШОМУ, ОТ ПАЛАТОК — К СБОРНО-ЩИТОВЫМ ДОМАМ И КАЗАРМАМ...»

Формирование военных городков железнодорожных войск
на строительстве Байкало-Амурской магистрали (1970—1980-е гг.)

Сведения об авторе. Байкалов Николай Сергеевич — директор Института истории и филологии Бурятского государственного университета имени Д. Банзарова (г. Улан-Удэ), старший научный сотрудник Центра урбанистики Тюменского государственного университета, доктор исторических наук (г. Тюмень. E-mail: baikalov@bsu.ru).

Аннотация. Сооружение Байкало-Амурской магистрали осуществлялось не только коллективами транспортных строителей Минтрансстроя, но и силами железнодорожных войск Минобороны СССР. Воинам-железнодорожникам был поручен восточный участок дороги, вдоль которой оперативно была развёрнута сеть временных и постоянных военных городков. Цель данной статьи — проанализировать исторический опыт становления поселений военнослужащих в период Всесоюзной ударной комсомольской стройки. Рассмотрены организационная структура железнодорожных войск на БАМе, проблемы проектирования военных городков, динамика жилого фонда, ЖКХ, особенности торгово-бытового и медицинского обслуживания воинов-железнодорожников и культурно-просветительская работа в гарнизонах. Исследование опирается на документы Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики, государственных архивов Амурской области и Хабаровского края, материалы научных и технических отчётов по строительству БАМа, хранящихся в Институте истории, археологии, этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, советскую периодическую печать, воспоминания участников событий. Большинство источников впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Байкало-Амурская железнодорожная магистраль; восточный участок БАМа; железнодорожные войска; военные городки; временные посёлки; инвентарное жильё; социальная инфраструктура; ГУЖВ; БАМ; Ургал; Чегдомын; Тында.

Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ) не только представляет яркую страницу в истории отечественной инженерно-технической мысли, путей сообщения, хозяйственного освоения малонаселённых северных территорий Сибири и Дальнего Востока, но и является настоящим символом трудового подвига советских людей. В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали» (1974 г.) сооружение восточного участка дороги от Тынды до Комсомольска-на-Амуре было поручено Главному управлению железнодорожных войск (ГУЖВ) Минобороны СССР¹.

За первые десять лет строительства магистрали воины-железнодорожники отсыпали 223 млн м³ грунта, уложили 1449 км главного рельсового пути, возвели 1227 мостов и других искусственных сооружений, протянули 785 км

линий электропередачи. Общий объём строительно-монтажных работ составил 1104,2 млн руб.² 18 апреля 1984 года военный совет железнодорожных войск доложил генеральному секретарю ЦК КПСС и министру обороны СССР об открытии сквозного движения поездов по всему восточному участку БАМа³.

Трудовые достижения военных строителей получили некоторое освещение в отечественной публицистике⁴ и научной литературе⁵. Однако социально-бытовые условия жизни в развёрнутых на новых малообжитых территориях военных поселениях не стали предметом научного исследования. Обращение к историческому опыту участия воинов-железнодорожников в ударной комсомольской стройке является особенно актуальным в настоящее время, когда железнодорожные войска активно привлекаются к работам по модернизации Транссиба и БАМа в рамках проекта «Восточный полигон»⁶.

Система управления подразделениями железнодорожных войск на БАМе была организована следующим образом. Все вопросы по координации деятельности строительных организаций на БАМе, планированию капвложений и объёмов строительно-монтажных работ, контролю за разработкой технической документации, обеспечению ресурсами субподрядчиков возлагались на ГУЖВ. Всего в его составе были организованы 2 управления железнодорожных корпусов, 8 отдельных железнодорожных бригад, 4 отдельных железнодорожных полка, более 100 отдельных железнодорожных батальонов и других формирований⁷.

ГУЖВ находилось в Москве и осуществляло руководство строительством через управления строительства (УС) № 95 (г. Тында Амурской обл.) и № 31 (пос. Чегдомын Хабаровского края). В Тынде располагались Главное управление по строительству БАМ (ГлавБАМстрой)

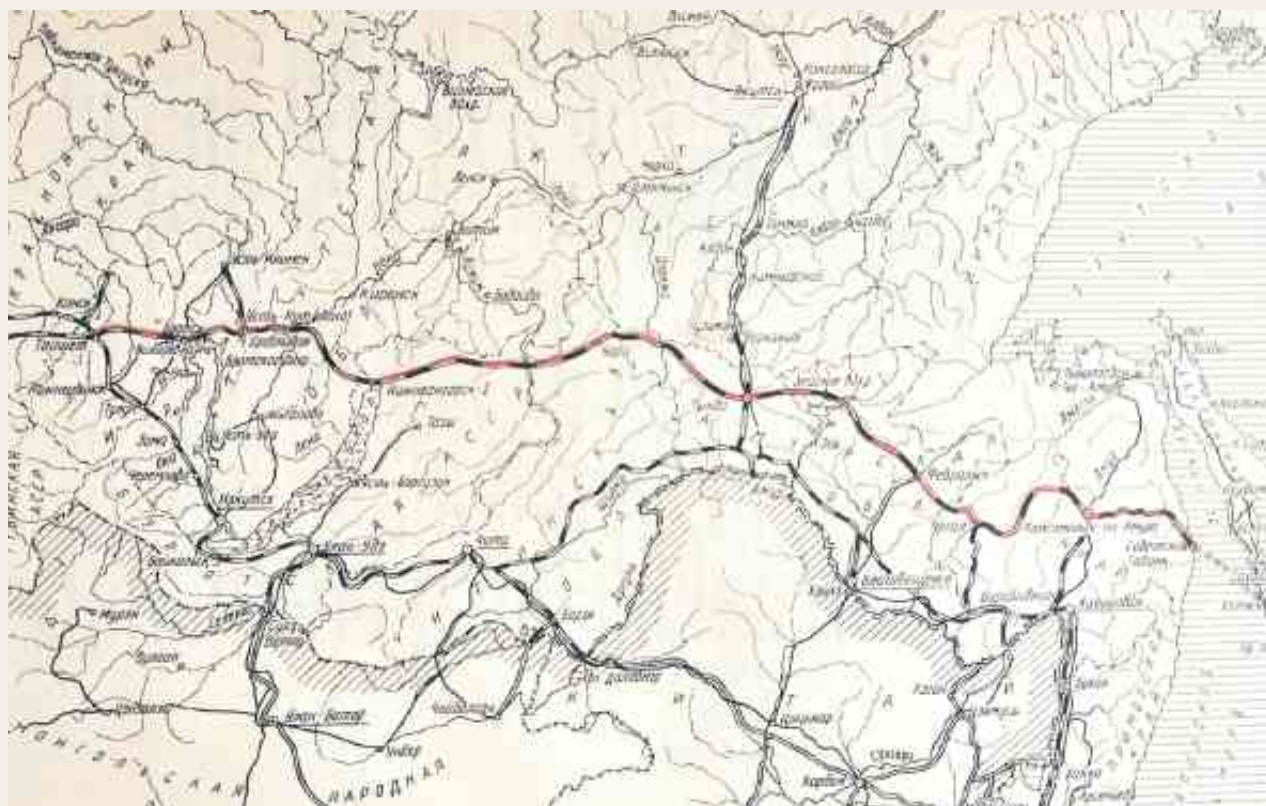
**Генерал-полковник
А.М. Крюков, начальник
железнодорожных войск
в 1968—1983 гг.**

Минтрасстроя СССР и Дирекция строительства БАМ МПС СССР. Населённый пункт был связан меридиональной веткой

с Транссибом, что в дальнейшем сделало его крупным железнодорожным узлом и символической столицей БАМа.

Выбор шахтёрского посёлка Чегдомын в качестве резиденции УС-31 был обусловлен его расположением на ещё одной меридиональной железнодорожной линии Известковая — Ургал — Чегдомын, которую можно было использовать для привязки площадок баз снабжения и тыловых служб с устройством железнодорожных тупиков. Посёлок находится недалеко от станции Ургал, с которой его также связывала полевая автодорога.

УС-95 отвечало за сооружение железнодорожного участка Тында — Тунгала. Оно включало крупные воинские гарнизоны: УС-931, передислоцированное из Муромы в Тынду в июне 1974 года; УС-926 — из Конотопа в Дипкун в феврале 1975 года; войсковую часть (в/ч) 40976, сформированную в 1979 году в Куйбышеве и направленную в Верхнезейск⁸.

Карта-схема Байкало-Амурской магистрали

БАМ: технический отчёт об изысканиях, проектировании и строительстве 1974—1989 гг. Ч. 2. Строительство и конструкции. Участок Тында — Ургал. М.: ВПТИТрансстрой, 1991. С. 6.

Отсыпка земляного полотна воинами-железнодорожниками
БАМ: технический отчёт об изысканиях... [см. вклейку между С. 81, 82]

Ремонт техники

История строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1932—1984 гг.): научный отчёт в 4 ч. Ч. 3 / Отв. исп. А.П. Деревянко [и др.]. Владивосток, 1992. С. 645.

На укладке верхнего строения пути
пос. Дипкун, 1978 г.

История строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1932—1984 гг.)... Ч. 3. С. 651.

УС-31 было переведено из Харькова в составе УС-935, сформированного в ноябре 1974 года в Ургале, УС-910, переброшенного в январе 1975 года из Омска в пос. Алонка, УС-930, расположившегося в пос. Постышево (Берёзовка), УС-936, в январе 1975 года переведённого из Читы в пос. Февральск. Управление являлось генподрядчиком железнодорожных участков Тунгала — Ургал и Ургал — Комсомольск-на-Амуре. В разгар строительства в этих гарнизонах дислоцировались по 15—20 линейных частей и обслуживающих хозяйств⁹.

Собственными силами генподрядчики расчищали трассу, сооружали земляное полотно, укладывали путь, строили искусственные сооружения, в т.ч. Дуссе-Алинский тоннель, осуществляли общестроительные работы на линиях электроснабжения и связи, возводили комплексы служебно-технических зданий с инженерными сетями на станциях БАМа.

Известный писатель и публицист А.И. Пушкирь так описал условия, в которых трудились воины-первопроходцы: «Мороз сковал её полутораметровым ледяным панцирем. Термометр показывал минус 50—57, порой его зашкаливало. Лопались скаты машин. Замерзли дизель-молоты. Холод жёг руки сквозь рукавицы. А “железные солдаты”, как называют на БАМе воинов железнодорожных войск, работали»¹⁰.

В июле 1980 года приказом Минтрансстроя СССР был организован трест «УргалБАМ-трансстрой», подчинённый непосредственно начальнику железнодорожных войск. Предприятие являлось генподрядчиком по строительству железнодорожного узла Ургал, а также посёлков железнодорожников. Управление треста находилось в пос. Лиственный Хабаровского края недалеко от железной дороги Известковая — Чегдомын¹¹.

Жилищно-гражданское строительство в посёлках железнодорожников велось коллективами

из союзных республик, краёв и областей РСФСР. Всего на восточном участке трудились рабочие 17 шефских организаций¹².

Первый отряд воинов-железнодорожников во главе с офицером И.А. Босым отправился в тайгу 21 мая 1974 года. Для проведения подготовительных работ в район будущей магистрали вылетели специалисты ГУЖВ. Возглавили команду опытные инженеры Н.Ф. Устинов, В.П. Ярных, А.П. Коршунов, за плечами которых было строительство железных дорог Абакан — Тайшет, Ивдель — Обь, Тюмень — Сургут и др. Окончательную рекогносцировку восточного участка провели офицеры во главе с начальником железнодорожных войск генерал-полковником А.М. Крюковым. На вертолётах и вездеходах они обследовали притрассовую территорию, наметив план строительства¹³.

Военный совет железнодорожных войск придавал первостепенное значение определению местоположения опорных пунктов стройки, среди требований к которым были близость к источникам питьевой воды, наличие коммуникаций, перспективы социально-экономического развития территории и т.д. Базовые военные городки размещались равномерно вдоль трассы в пунктах, привязанных к будущим станциям, образуя крупные воинские гарнизоны (Тында, Дипкун, Верхнезейск, Февральск, Алонка, Ургал). Остальные линейные части находились в менее крупных рабочих посёлках (Этыркэн, Тунгала, Чегдомын). Временные городки воинов-железнодорожников возникали рядом со строившимися крупными объектами: у барьерных выемок, больших мостов и др. Как правило, они представляли собой мобильные палаточные городки, по мере выполнения производственных задач перемещавшиеся вдоль трассы.

К отметкам будущих посёлков и железнодорожных станций

Генерал-полковник
М.К. Мака́рцев, начальник
железнодорожных войск
в 1983—1992 гг.

были отправлены десанты воинов-железнодорожников, которым предстояло развернуть новые «таёжные» гарнизоны. Майор И. Гридасов вспоминал о переброске к Дипкуну и Маревому: «Сорок два километра преодолевали четверо суток. Ни сна, ни отдыха не знали. Мороз за пятьдесят... Не ехали — ползли. Бульдозер, за ним четыре автомобиля с грузами

офицеры, прапорщики, их семьи, а также рабочие и служащие размещались в палатках и вагончиках. В воспоминаниях воинов-строителей сохранилось множество описаний такого жилья: «Человек, далёкий от БАМа, представляет палатку по туристическим походам и картинкам. А бамовская палатка надевалась на сруб, в середине стояла печка с горизонтальной малиновой от жара трубой. Вмещалось в такую комнатку до ста человек»¹⁵.

В архивных документах фигурируют разные типы автовагонов, использованных на БАМе в качестве жилья (ППВТ-10, ВПТ-8, ОП-6АМ и др.)¹⁶. Но практически все они не были приспособлены для проживания на территориях, приравненных к районам Крайнего Севера: «Вагоны, которые мы получали из Астрахани, годились разве что для Кавказского побережья. А при нашей вечной мерзлоте их надо было утеплять да утеплять: заделывать лазы, очищать забитые паклей трубы, продувать их и т.п. и ничего: жили — не тужили»¹⁷.

В целях унификации строительства военных городков ГУЖВ совместно с Военно-инженерной академией имени В.В. Куйбышева в 1974—1976 гг. разработало «Указания по планировке, застройке и эксплуа-

«Термометр показывал минус 50—57, порой его зашкаливало. Лопались скаты машин. Замерзали дизель-молоты. Холод жёг руки сквозь рукавицы. А “железные солдаты”, как называют на БАМе воинов железнодорожных войск, работали»

и людьми. Вперёд бульдозера нередко выходили солдаты с бензопилами в руках — на случай, если потребуется убрать с пути деревья. Везли с собой самое необходимое для жизни и обустройства на новом месте»¹⁴.

В начальный период войны-строители испытывали трудности с жильём. Личный состав,

талии военных городков частей железнодорожных войск». В них были отражены требования к земельным участкам, зонированию территории, планировке, строительству и эксплуатации военных городков.

Возведение военных городков и посёлков для семей военнослужащих стало осуществляться

На строительстве служебно-технического здания
 БАМ: технический отчёт об изысканиях... [см. вклейку между С. 168. 169]

Стела
 Временный посёлок Дипкун

В армейской столовой
 История строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали
 (1932—1984 гг.)... Ч. 3. С. 653.

по утверждённым генеральным планам. Площадки для размещения выбирались специальными комиссиями с участием командования воинских частей, исполкомов Советов народных депутатов.

Генпланы рабочих посёлков и железнодорожных станций разрабатывались проектными институтами шефствовавших регионов и утверждались областными органами исполнительной власти. Нередко проектировщики задерживали выдачу проектно-сметной документации. Так, план детальной планировки и технический проект пос. Горин были разработаны институтами Дальгипролестранс и Астрахангражданпроект только в 1976 году. Тем временем застройка посёлка уже была начата военными. Проектная документация по пос. Берёзовка была поручена Новосибиргражданпроекту, который в течение двух лет не приступал к разработке. В результате технический проект был передан Сибгипролестрому¹⁸.

Сложные природно-климатические условия местности не всегда учитывались в проектировке. Так, пос. Маревый был развёрнут военными в условиях полного бездорожья среди марей и гольцов. Расположение пос. Дипкун на склоне горы стало причиной перепада высот на большей площади населённого пункта. В результате улицы были спроектированы с сильным уклоном, что заставило строителей устанавливать дома на 25-метровые сваи¹⁹. В схожем положении оказались строители Ургала. Посёлок строился на вечной мерзлоте, в болотистой местности, «чтобы летом он не утонул, постройки надо было возводить только на подсыпке»²⁰.

Основными поставщиками инвентарных жилых зданий воинам-железнодорожникам являлись заводы Минобороны СССР (казармы типа К-9-62В, 3-11-17, СПЗ-2; общежития типа 3-21, 03-62В; 4-квартирные дома серии 3-21-20) и собственный Вяземский строительный двор (ка-

зармы ИВП-63). С предприятий Главстройпрома Минтрансстрой СССР в ограниченных количествах поступали здания серий ИП-420/11 и ОЩ-60А, разработанные институтом Гипропромтрансстрой²¹.

Строители могли по своей инициативе вносить изменения в проекты зданий. Например, в Ургале рабочие решили усовершенствовать привычные общежития барачного типа: «Архитектор поезда Саша Лысогор предложил проект общежития с мансардой. Такая постройка сразу меняет вид барака. Начальник техотдела Владимир Уделько... рассчитал все несущие конструкции, и начали строить усложнённые общежития»²².

Переезд из палатки или вагончика в благоустроенное жильё разнообразил досуг строителей. В посёлке появились коллективы художественной самодеятельности, собрался духовой оркестр, заработали спортивные клубы и секции: «Пригодились строителям и мансарды. В третьем общежитии она отдана книголюбам. Очень неплохая библиотека получилась. Мансарда второго общежития отдана под шахматно-шашечный клуб»²³ (таблица).

В целом обстановка с обеспечением жильём военнослужащих и их семей оставалась крайне напряжённой на протяжении всего рассматриваемого периода. В декабре 1977 года состоялось Первое Всесармееское совещание по улучшению быта войск, на котором были поставлены задачи по коренному улучшению архитектурно-строительных и служебно-бытовых качеств военных городков²⁴.

Однако полностью переселить семьи из вагончиков в сборно-щитовые и тем более в капитальные дома так и не удалось. По состоянию на начало 1990 года из 3800 семей военнослужащих в благоустроенных капитальных домах проживали 1400 семей (37 проц.); в сборно-щитовых зданиях — 1950 (51 проц.); в рубленых домах — 450 семей (12 проц.)²⁵.

В качестве источников теплоснабжения военных городков первоначально использовались котельные установки на твёрдом топливе с водогрейными котлами КЧМ, КВ-300, «Универсал». Со временем стали также применяться паровые котлы. Например, городок УС-31 в Чегдомыне отапливался котельной с тремя котлами КЕ-10-14С²⁶.

Наружные сети теплоснабжения сооружались в северном ва-

мо мастерить короба, утеплять минватой, опилками. Сверху укладываются деревянные щиты или доски. Это и трасса, и тротуар. Сантехники эту трассу называли «Малый БАМ»²⁷.

Большие трудности, особенно в первые годы, были у бамовцев с организацией водоснабжения. Несмотря на чрезвычайно болотистую и испещрённую реками местность, у строителей наблюдался недостаток питьевой

«Очень трудно строить здесь теплотрассы. Для труб необходимо мастерить короба, утеплять минватой, опилками. Сверху укладываются деревянные щиты или доски. Это и трасса, и тротуар. Сантехники эту трассу называли “Малый БАМ”»

рианте в наземных деревянных коробах. Процесс прокладки теплотрасс в условиях вечной мерзлоты и сложного рельефа местности в шутку сравнивался сантехниками с укладкой пути: «Очень трудно строить здесь теплотрассы. Для труб необходи-

воды. Воины-железнодорожники вспоминали: «На первых порах её возили из пригодных источников в автоцистернах. А если мороз за сорок? Пока цистерну заполнишь, пока она доберётся по зимнику до посёлка, воду скывывает намертво... Стали возить

Таблица

Динамика временного жилищного фонда ГУЖВ на БАМе (тыс. м²)

Подразделение	1978	1981	1986	1990
Участок Тында — Ургал	97,2	122,6	159,8	92,7
УС- 931	28,5	32,2	32,9	24,6
УС-926	19,9	30,7	39,5	36
В/Ч 40976	4,7	5	21,8	—
УС-936	17,3	22,9	29,8	28,9
УС-910	26,8	31,8	35,8	3,2
Участок Ургал — Комсомольск-на-Амуре	71	72,7	76,7	78,1
УС-31	14,4	14,4	16	16,2
УС-930	27,7	27,8	28,2	28,2
УС-935	28,9	30,5	32,5	33,7
Всего	168,2	195,3	236,5	170,8

Составлена по: БАМ: технический отчёт об изысканиях, проектировании и строительстве 1974—1989 гг. Ч. 2. Строительство и конструкции. Участок Тында — Ургал. М.: ВПИИтрансстрой, 1991. С. 69; Ч. 2. Строительство и конструкции. Участок Ургал — Комсомольск-на-Амуре. М.: ВПИИтрансстрой, 1990. С. 41.

Посёлок Постышево (общий вид)

БАМ: технический отчёт об изысканиях... [см. вклейку между С. 144, 145]

Посёлок Новый Ургал (общий вид)

БАМ: технический отчёт об изысканиях... [см. вклейку между С. 144, 145]

Солдатские километры БАМа. На заднем плане — солдатская палатка
1975 г.

куски льда. Чтобы накормить и напоить батальон — адский труд»²⁸.

В качестве источников использовали артезианские скважины, доставляя воду в посёлки в автоцистернах. Запасы воды создавались, как правило, в стальных резервуарах, установленных в отапливаемых зданиях. Из-за сурового климата наружные сети водоснабжения использовались редко как спутники теплосетей.

Сточные воды канализации от столовых, бань, прачечных накапливались в септиках. Казармы, общежития и жилые дома оборудовались надворными неотапливаемыми уборными и мусоросборниками. Постоянные или временные сооружения для очистки сточных вод в военных городках отсутствовали, поэтому нечистоты вывозили ассенизационными машинами.

Торгово-бытовое обеспечение военнослужащих и работников строительных организаций осуществлялось отделами торговли Главного управления торговли (ГУТ) Минобороны СССР и 37 отделениями торговли Управления торговли Дальневосточного военного округа. Отдел торговли № 512 (Тында) обслуживал подразделения УС-95 и УС-931, а отдел торговли № 513 (Чегдомын) — УС-31 и УС-935.

На первых порах, пока сеть торговли и общепита только разворачивалась, снабжение продуктами и товарами первой необходимости осуществлялось вертолётами. Одной из насущных проблем стало обеспечение военнослужащих хлебом. По решению начальника войск каждой части были выделены средства на организацию пекарен. Но специалистов по хлебопечению не хватало. Тогда было принято решение направить из Москвы на БАМ консультантов. Вскоре собственная выпечка хлеба на трассе была налажена. Первым пекарем восточного участка БАМа стал прапорщик В. Федотов²⁹.

К началу 1976 года генподрядчиком была создана материально-техническая база военной

торговли. В каждой воинской части были построены и оборудованы торгово-закупочные базы и магазины продовольственных, промышленных и смешанных товаров, а также книжные магазины.

Продовольственные и промышленные товары поставлялись с торгово-закупочных баз Дальневосточного военного округа, от торговых предприятий Хабаровского и Приморского краёв. В первые годы ГУТ Минобороны СССР отгружало меховые и ковровые изделия, утеплённую импортную обувь и другие дефицитные товары непосредственно со своей торгово-закупочной базы. По разнарядкам ГУТ на трассу регулярно поставлялись свежие фрукты и овощи из КНДР, Вьетнама, Средней Азии и южных регионов страны.

В каждой воинской части было организовано подсобное хозяйство по выращиванию зелени, овощей, откорму свиней и содержанию крупного рогатого скота (КРС). Например, в 1990 году в воинских частях УС-95 содержались 1750 голов свиней, 48 голов КРС, 18 теплиц³⁰.

Во всех частях были открыты рабочие и школьные столовые, офицерские кафе, солдатские чайные, оснащённые современным технологическим оборудованием и мебелью. Военторги в гарнизонах открывали ателье и комбинаты бытового обслуживания по пошиву и ремонту обуви и обмундирования, парикмахерские, фотоателье, часовые мастерские.

Медобслуживание всех строителей вне зависимости от ведомственной принадлежности предприятий осуществлялось на базе лечебных учреждений воинских частей. Территориальная сеть медицинских учреждений не охватывала всех нуждавшихся. Активное участие в оказании оперативной медпомощи принимали учреждения Центрального военно-медицинского управления Минобороны СССР.

В течение второй половины 1970-х годов военные госпита-

ли были организованы в Чегдомыне, Февральске и Тынде, лазареты — в Февральске, Алонке, Верхнезейске и Дипкуне. в остальных частях создавались медпункты по мере развёртывания воинского контингента. Все лечебные учреждения военных городков размещались во временных строениях. Капитальные здания в ряде городков были построены только в конце 1980 — начале 1990-х годов³¹.

В последнюю очередь наряду с территориальным и военным здравоохранением стала формироваться ведомственная сеть медучреждений Врачебно-санитарной службы БАМ. В 1979 году отделенческая железнодорожная больница на 150 коек была открыта в Ургале, в 1981 году — в Февральске³².

школы. Однако территориальная сеть общеобразовательных заведений не могла обеспечить потребности растущего населения. Поэтому началось внеплановое строительство временных школ. В короткий период они были построены в Тынде, Маревом, Дипкуне, Февральске, Утином, Алонке, Ургале, Постышево, Дуссе-Алине, Амгуне. В крупных населённых пунктах имелись также интернаты для детей из гарнизонов, не имевших средних школ.

Так, корреспондент журнала «Дальний Восток» В. Григорьев описал возникновение начальной школы в Ургале: «Многие прапорщики, офицеры живут на трассе БАМа с семьями... Решили собственными силами возвести начальную школу. А строить

Несмотря на негласные запреты на переезд в зону строительства с семьями, «уже в первые месяцы на строительстве появлялись дети и посёлки начинали обрастать самыми привычными деталями оседлого человеческого бытия — развешенными на верёвках пелёнками, детскими колясочками»

Особой задачей ГУЖВ стала организация сети школ и дошкольных заведений. Несмотря на негласные запреты на переезд в зону строительства с семьями, «уже в первые месяцы на строительстве появлялись дети. И посёлки начинали обрастать самыми привычными деталями оседлого человеческого бытия — развешенными на верёвках пелёнками, детскими колясочками. И постепенно все проблемы, связанные с приездом на стройку детей, благополучно разрешались»³³.

Если в 1974 году на восточном участке БАМа обучались 75 детей строителей, то в 1977 году было уже около 700 школьников³⁴. В некоторых посёлках, например в Горине, Сулуке, Хурмули, дети ходили в местные

её доверили лейтенанту Заболотному... Уложили на вечную мерзлоту “подушку” из песка и гравия. Фундамент посадили на ряжи. Весело, с азартом собирали дом, стелили полы, устанавливали оконные рамы, обивали стены сухой штукатуркой... От проекта они кое в чём отступили. Фантазия, инициатива и сметка солдатская тому причиной. Например, крыльца не полагалось — они его смастерили, с витражом из цветных стёкол»³⁵.

Командование ГУЖВ, соединений и частей уделяло постоянное внимание культурно-просветительской работе. За четыре года на восточном участке БАМа побывали свыше 100 различных художественных коллективов и отдельных

исполнителей, в т.ч. артисты МХАТа во главе с О. Табаковым, актеры киностудий «Мосфильм» и «Ленфильм», Первый отдельный показательный оркестр Минобороны СССР, Ансамбль песни и пляски Советской армии имени А.В. Александрова, советские поэты и писатели³⁶.

В каждом гарнизоне были построены временные клубы на 250 и 500 мест с библиотеками и кинозалами. Уже с 1977 года культурно-массовая работа проводилась в 25 клубах. В Чегдомыне в 1978 году было сооружено капитальное административное здание УС-31 с актовым залом на 300 мест и спортзалом. В 1987 году аналогичное здание было возведено в Тынде для УС-95³⁷.

Здания были оснащены необходимым оборудованием и инвентарём, включая киноустановки, теле- и радиоаппаратуру, музыкальные инструменты и пр. При клубах были организованы коллективы художественной самодеятельности, из которых вскоре вышли победители зонального этапа Первого Всесоюзного фестиваля народного творчества — ансамбли «Молодые голоса», «Магистраль», «Бамия». Появились первые любительские фото- и киностудии. В 1979 году в Центральном доме Советской армии была показана первая персональная фотовыставка прапорщика Н. Кучеренко, посвящённая фотолетописи строительства восточного участка БАМа. Лауреатом и дипломантом многих конкурсов и выставок стал самодеятельный художник БАМа полковник Н. Штучка, написавший более ста полотен о главной стройке страны³⁸.

Так постепенно быт «железных солдат» налаживался, военные городки обретали свой настоящий облик, превращаясь из временных баз и посёлков при строительных объектах в регулярные поселения военнослужащих. По сравнению с предыдущими стройками они застраивались комплексно с полным набором объектов соцкультбыта. Как отмечали в своих воспоминаниях участники событий,

«шли от малого к большому, от палаток — к сборно-щитовым домам и казармам, от примитивной баньки на берегу ручья, срубленной умельцами, — к банно-прачечным комбинатам, от военторговской автолавки — к капитальным магазинам со складскими помещениями, ледниками и холодильниками. Вырастали в таких временных посёлках клубы, школы, детские сады»³⁹.

В 1985 году проходил смотр-конкурс на лучший гарнизон и военный городок по материально-бытовым условиям, в котором победителями были признаны военные городки УС-931 (Ургал) и УС-935 (Постышево). На Всеармейском совещании по улучшению быта войск 1988 года отмечалось, что на трассе БАМа военные городки «в основном обустроены», лучшие из них были представлены фотоальбомами⁴⁰.

Благодаря самоотверженному труду воинов-первопроходцев, рационально организованной инфраструктуре, своевременным управленческим решениям ГУЖВ, межведомственной поддержке МПС и Минтрансстроя, а также системе всесоюзного шефства задачи по сооружению восточного участка БАМа были в полном объёме выполнены, что позволило приступить к хозяйственному освоению новых территорий восточных регионов страны.

Подвиг воинов-строителей БАМа сегодня занимает прочное место в исторической памяти, выступая примером сочетания военной дисциплины и трудового героизма. Этот опыт активно транслируется в рамках системы военно-патриотического воспитания военнослужащих ЖДВ, курсантов профильных вузов и учащейся молодёжи. Историческая память о войнах железнодорожниках сохраняется в коллекциях районных и городских краеведческих музеев Тынды, Зейска, Ургала, Комсомольска-на-Амуре, а также представлена в экспозициях Музея железнодорожных войск РФ

(Щёлково), Центрального музея железнодорожного транспорта РФ (Санкт-Петербург) и др. Трудовая доблесть военных строителей увековечена в ряде монументов и памятных знаков, расположенных вдоль магистрали.

В то же время в вопросе сохранения исторической памяти о строителях БАМа сегодня отчётливо прослеживается ряд проблем. Физическое состояние большинства объектов мемориального пространства крайне неудовлетворительное. Многие музеи и монументы остро нуждаются в капитальной реконструкции и обновлении экспозиций. Традиционные формы патриотической работы часто являются малоэффективными для современной цифровой аудитории, из-за чего история БАМа сводится к набору общих цифр и лозунгов, за которыми теряются живые судьбы, повседневные трудности и личные истории людей.

Полагаем, что перспективным является применение методов устной истории в исследованиях БАМа, поскольку личные свидетельства ветеранов-строителей могут «очеловечить» официальную летопись стройки. Актуальным представляется развитие военно-исторического туризма с широким привлечением цифровых технологий, которые превратят объекты БАМа из «застывших» памятников прошлого в активно развивающиеся образовательные площадки.

Таким образом, сохранение памяти о трудовом подвиге железнодорожных войск на БАМе выступает важным ресурсом для формирования современной национальной идентичности. История ударной комсомольской стройки доказывает, что масштабные геополитические задачи решаются прежде всего силой человеческого духа, воли и профессионализма.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-78-10123 «Право на город при социализме/постсоциализме».

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Совет Министров СССР. Оп. 106. Д. 1777. Л. 61—78.

² История строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1932—1984 гг.): научный отчёт в 4 ч. Ч. 3 / Отв. исп. А.П. Деревянко [и др.]. Владивосток, 1992. С. 617.

³ Комарова Л.С. БАМ. Восточный участок. Преемственность поколений // Правоприменение: от теории к практике: сборник докладов X Всероссийской научно-практической конференции, посвящённый 50-летию БАМа. Хабаровск, 2024. С. 6.

⁴ Воины-комсомольцы на БАМе / Сост. А.М. Филимонов [и др.]. М.: Воениздат, 1978. 71 с.; Зуев В.Ф. Байкало-Амурская — магистраль жизни. Хабаровск: Частная коллекция, 2004. 296 с.; Макарец М.К. Восточный фланг БАМа. М.: Лица, 2012. 180 с.; Солдаты БАМа. М.: Воениздат, 1977. 175 с.; Солдатские рельсы БАМа / Сост. А.М. Филимонов. М.: Воениздат, 1980. 142 с. и др.

⁵ «БАМ: через годы, через расстояния...»: сборник архивных документов из истории строительства Восточного участка БАМ. Хабаровск: Частная коллекция, 2014. 586 с.; Платонова Н.М. Дальний Восток и Байкало-Амурская магистраль: причины, цели и проблемы строительства (на примере Восточного участка) ретроспективный обзор за 1974—1984 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 4. С. 81—90; Хозяйственное освоение зоны БАМ: социально-экономическое развитие восточного участка / Отв. ред. Н.И. Цветков, П.А. Проскуряков. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. 123 с.; Хозяйственное освоение зоны БАМ: территориально-производственные

сочетания восточного участка / Отв. ред. А.А. Кин, Н.И. Цветков. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. 137 с. и др.

⁶ Железнодорожные войска в 2026—2032 гг. будут реконструировать БАМ — Минобороны России. URL: <https://www.interfax-russia.ru/military/news/623916>.

⁷ Иванов А.П. Восточный участок БАМ, история и современность // Инфраструктура транспорта. 2023. № 1(5). С. 18.

⁸ БАМ: Технический отчёт об изысканиях, проектировании и строительстве 1974—1989 гг. Ч. 2. Строительство и конструкции. Участок Тында — Ургал. М.: ВПТИТрансстрой, 1991. С. 13.

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ Пушкарёв А.И. Солдаты БАМа (окончание) // Дальний Восток. 1976. № 10. С. 125.

¹¹ Государственный архив Амурской области (ГА АО). Ф. Р-2080. Главное управление по строительству БАМ (ГлавБАМстрой). Оп. 1. Д. 572а. Л. 27—28.

¹² Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. Р-2021. Управление Байкало-Амурской железной дороги. Оп. 1. Д. 88. Л. 25—26.

¹³ История строительства Байкало-Амурской... С. 551.

¹⁴ Григорьев В. У воинов-железнодорожников // Дальний Восток. 1975. № 12. С. 120.

¹⁵ Дорога, которую не выбирали [Об участии железнодорожных войск в строительстве БАМа]: сборник. М.: РОСС, 1993. С. 76.

¹⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-9538. Министерство транспортного строительства СССР. Оп. 16. Д. 2431. Л. 53.

¹⁷ Дорога, которую не выбирали... С. 74.

¹⁸ ГА ХК. Ф. Р-137. Исполнительный комитет Хабаровского краевого Со-

вета народных депутатов. Оп. 22. Д. 845. Л. 91.

¹⁹ ГА АО. Ф. Р-2080. Главное управление по строительству БАМ. Оп. 1. Д. 803. Л. 11.

²⁰ Павлив И. Здесь будет город Ургал: записки строителя // Дальний Восток. 1975. № 8. С. 89—97.

²¹ БАМ: технический отчёт об изысканиях, проектировании и строительстве 1974—1989 гг. Ч. 2. Строительство и конструкции. Участок Ургал — Комсомольск-на-Амуре. М.: ВПТИТрансстрой, 1990. С. 40.

²² Павлив И. Указ. соч. С. 91.

²³ Там же.

²⁴ Климанов С.Г. Основные вехи казарменного строительства в России в целях улучшения бытовых условий военнослужащих и повышения боеготовности войск // Актуальные проблемы военно-научных исследований. 2023. № 2(26). С. 201—214.

²⁵ БАМ: технический отчёт... 1991. С. 68.

²⁶ Там же. 1990. С. 44.

²⁷ Павлив И. Указ. соч. С. 93.

²⁸ Дорога, которую не выбирали... С. 77.

²⁹ Там же.

³⁰ БАМ: технический отчёт... 1991. С. 78.

³¹ Там же. С. 73.

³² Там же. С. 74.

³³ Гончаров Е. Сулук // Дальний Восток. 1978. № 12. С. 89.

³⁴ БАМ: технический отчёт... 1990. С. 42.

³⁵ Григорьев В. Указ. соч. С. 127.

³⁶ История строительства Байкало-Амурской... С. 682.

³⁷ БАМ: технический отчёт... 1991. С. 70, 71.

³⁸ История строительства Байкало-Амурской... С. 681.

³⁹ Дорога, которую не выбирали... С. 77.

⁴⁰ БАМ: технический отчёт... 1991. С. 67.

N.S. Baykalov

«THEY WENT FROM SMALL TO LARGE, FROM TENTS TO PREFABRICATED HOUSES AND BARRACKS»

The formation of military towns for railway troops during the construction of the Baikal-Amur Mainline in the 1970s and 1980s

Information about author. Nikolay Baykalov – director of the Institute of History and Philology at the D. Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude), senior research fellow at the Center for Urban Studies at Tyumen State University, D. Sc. (Hist.) (city of Tyumen. E-mail: baikalov@bsu.ru).

Summary. The construction of the Baikal-Amur Mainline (BAM) was not only carried out by transport construction teams from the Ministry of Transport, but also by railway troops from the USSR Ministry of Defense. These railway soldiers were assigned to the eastern section of the line, where they quickly established a network of temporary and permanent military camps. This paper aims to analyze the historical experience of establishing military settlements during the All-Union Komsomol Shock Construction Project, focusing on the organizational structure of the railway troops in the BAM, the challenges of designing military camps, the dynamics of housing stock, housing and utilities, trade, consumer services, medical care for the soldiers, and cultural and educational activities within the garrisons. The study draws on a variety of sources, including documents from the State Archives of the Russian Federation, the Russian State Archive of Economics, and state archives of Amur Region and Khabarovskiy Kray. It also includes scientific and technical reports on the construction of the Baikal-Amur Mainline (BAM) held by the Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Additionally, it includes Soviet periodicals and memoirs written by participants in the events. Most of these sources have not been previously published in scholarly works.

Keywords: Baikal-Amur Mainline; eastern section of the BAM; railway troops; military camps; temporary settlements; military-provided accommodation; social infrastructure; Main Directorate of Railway Troops; BAM; Urgal; Chegdomyn; Tynda.

«...ИДТИ БИТЬ НЕЧЕСТИВЫХ ВРАГОВ»

Религиозные организации Российской империи в мобилизации боевого духа народа и войск в начале Первой мировой войны

Сведения об авторах. Кисин Константин Алексеевич — профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, кандидат педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург. E-mail: kisin69@mail.ru);

Кравчук Валерий Романович — доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург. E-mail: kravva57@gmail.com).

Аннотация. В статье рассматривается роль религиозных организаций Российской империи в мобилизации народных масс на борьбу с блоком «центральных держав» во главе с кайзеровской Германией на начальном этапе Первой мировой войны. После объявления Манифеста императора Николая II от 20 июля 1914 года не только доминировавшая в стране православная, но и другие религиозные конфессии призвали свою паству дать единый отпор врагу. Священный синод РПЦ отправил в действующую армию сотни военных священников, организовывал сбор материальной помощи на нужды фронта, налаживал в монастырях производство боеприпасов и военного снаряжения, способствовал открытию военно-лечебных учреждений. Аналогичную позицию занимали руководители других конфессий (старообрядцы, мусульмане, баптисты, иудеи и др.), словом и делом поддерживавшие царскую администрацию в военном противостоянии с грозным противником.

Ключевые слова: Первая мировая война; Русская Императорская армия; Русская православная церковь; религиозный фактор на войне; православные военнослужащие; военнослужащие-иноверцы; военное духовенство; военные священники; военная мобилизация; Святейший синод; протопресвитер Г.И. Шавельский.

В преддверии Первой мировой войны правительство Российской империи как никогда нуждалось в консолидации общества, политической стабильности и всенародной поддержке принимавшихся военно-политических решений. Традиционно значимую роль в развитии внутриполитической ситуации в многонациональной России играл религиозный фактор, во многом влиявший на морально-психологическое состояние как населения, так и вооружённых сил государства. Наряду с мощной поддержкой православия накануне открытия военных действий царская администрация старалась проводить взвешенную политику в отношении национальных и религиозных меньшинств путём частичного признания их демократических прав и свобод. При этом основные усилия органов государственной

власти были направлены на объединение верующих всех конфессий вокруг идеи защиты престола и Отечества, а также сохранения целостности России.

Основу защиты Российской империи, как и ранее, составляла регулярная русская армия, комплектовавшаяся по принципу всеобщей воинской повинности и пополнявшаяся при необходимости из запаса в ходе мобилизационных мероприятий. В соответствии с указом Александра II, принятым в 1874 году, в ряды защитников привлекалось всё мужское население страны независимо от политических и религиозных взглядов (за небольшим исключением). Россия могла мобилизовать в период с 1914 по 1917 год до 19 млн человек, т.е. 11,2 проц. мужского населения, среди которых подавляющее большинство составляли верующие¹. Для многих из них участие в войне становилось

серьёзной нравственной проблемой, вытекавшей не только из их религиозных взглядов, но в первую очередь из канонических религиозных конфессий, к которым они относились. Однако эта проблема для большинства верующих значительно упрощалась тем, что войну им предстояло вести в основном против иноверцев — протестантов Германии и Австро-Венгрии и мусульман Турции. Это давало дополнительные козыри Русской православной церкви в поднятии боевого духа в стране и разжигании ненависти к врагам. Даже среди старообрядцев и сектантов, вышедших из православия, необходимость борьбы против иноверцев вызывала глубокое понимание и поддержку.

Трудно однозначно предположить, какие силы сыграли основную роль в единении народа перед войной. Скорее всего, исторически и традиционно проявилась генети-

ческая нетерпимость народа к врагам Отечества, агрессорам и посягателям на землю Русскую. Поэтому Манифест императора Николая II от 20 июля (2 августа по нов. ст.) 1914 года о начале войны был поддержан общественным мнением и встречен в народе с пониманием. Под влиянием внешней военной угрозы на время были забыты внутренние распри и противоречия и патриотический порыв овладел народными массами².

На призыв к защите Отечества откликнулись не только представители доминировавшей религии — православия, но и других социальных и религиозных групп, которые ранее не были замечены в верноподданническом отношении к власти. Официальные представители инородцев, различных политических и религиозных организаций выступили 26 июня 1914 года со словами поддержки государственной военной политики в сфере обороны на срочно созванном заседании Государственной думы. Например, верноподданнические заверения прозвучали от представителя немецкого населения Прибалтийского края барона Г.Е. Фелькерзама; от имени немцев, проживавших в других регионах Российской империи, выступил депутат Л.Г. Люц; депутаты В.Ф. Яронский и И.В. Годнев озвучили мнение польского, черемисского и чувашского населения. От лица еврейской общины обратился к Думе депутат Н.М. Фридман, который высказался за единение власти и народа во имя победы России в войне. Выступая от имени прибалтийских народов — латышей, литовцев и эстонцев, депутаты Я.Ю. Гольдман и М.М. Ичас заявили о единении с русскими в борьбе с общим врагом: «...Мы... в настоящей святой и справедливой борьбе пойдем с русским народом до конца». Опоздавшие из-за срочности

созыва на заседание депутаты Государственной думы от национальных окраин сделали свои заявления через средства массовой информации. Так, через прессу с заверениями поддержки решения императорской власти выступил представитель армянского населения М.И. Пападжанов, от имени грузинского населения — депутат В.Л. Геловани, а от всех мусульман — депутаты Г.Х. Еникеев, И.А. Ахтямов, М.Ю. Джафаров. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко, подводя итог прозвучавшим заявлениям, обобщил, что «все народности, населяющие необъятную Русь, слились в одну братскую семью, когда общему Отечеству грозит беда»³.

Религиозные организации с первого дня войны активно включились в работу. Уже 1 августа 1914 года Священным синодом РПЦ на срочном заседании был принят ряд оперативных мер, направленных на консолидацию верующих для вооружённой защиты Отечества. В церквях стали проводиться молебны об успехах русского оружия и богослужения о победе в войне. Перед лицом общей опасности Русская православная церковь выступила за преодоление социальных противоречий и религиозных разногласий с иноверческими религиями. Для консолидации общества в религиозных изданиях был опубликован Манифест о начале войны, содержание которого огласили и с религиозных кафедр. В свободных церковных помещениях стали устраивать лазареты и госпитали, в которых заботу по уходу за ранеными осуществляли монахини и послушницы женских монастырей. Для поднятия морального духа русского воинства протопресвитером военного и морского духовенства Российской империи Г.И. Шавельским в кратчайшие сроки была написана и распростра-

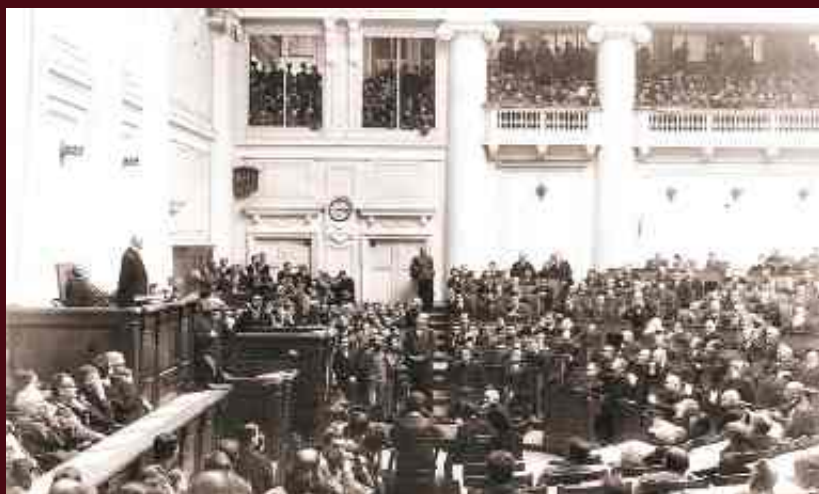
нена среди военнослужащих брошюра с призывом к борьбе с врагом «За Веру, Царя и Отечество». Таким образом, в работу по поддержке армии включились практически все православные приходы⁴. Активное участие в этих процессах принимали члены правящей династии Романовых. Например, великая княгиня Елизавета Фёдоровна пожертвовала артиллеристам 9-й бригады походный иконостас, священническое облачение, большое количество Евангелий, нательных иконок и крестиков.

Священнослужители, подерживая высокий боевой дух и настрой среди верующих, широко развернули сбор средств для армии. Особенно большие доходы — около 20 млн руб. — они получили от сотен тысяч богомольцев путём различных сборов, пожертвований и приношений. Эти деньги и свой остаток в 80 млн руб. от поступлений прошлых лет Синод передал на военные нужды. «Ваши деньги, — говорилось в обращении к пастве, — превратятся в патроны и снаряды»⁵. Значительные суммы на военные нужды выделялись православными храмами и монастырями из собственных средств. Так, монахи Киево-Печерской лавры передали военному ведомству более 5,5 кг (12,5 фунта) золота, около 750 кг (45,5 пуда) серебра, 2700 кг (165 пудов) медных монет, более полутонны (31,3 пуда) цинка и т.д.⁶ Сбор цветных металлов был организован и в других учреждениях Русской православной церкви. В этом процессе приняли участие все слои общества независимо от национальности, материального положения или религиозной принадлежности.

Священный синод, наблюдая высокий моральный подъём среди верующего населения и всячески подерживая его, принял решение

Манифестация на Невском проспекте в связи с ультиматумом
Сербии от Австро-Венгрии
28 июля 1914 г.
Фотоателье К. Буллы
РГАКФД

Группа депутатов IV Государственной думы в зале заседаний
Таврического дворца
ЦГАКФД СПб

Член Государственной думы отец Фёдор Филоненко, состоявший
полковым священником в действующей армии
1915 г.

использовать на нужды войны (для производства патронных и снарядных гильз) церковные запасы старой медной монеты, закрепив это своим указом за номером 28 от 11 сентября 1915 года⁷. Получив указание Синода, епископы и архиепископы в свою очередь обратились к своей пастве с требованием о его выполнении. Так, например, архиепископ Тверской и Кашинский Серафим сразу же отдал распоряжение всем своим церквям передать медную монету и вообще медные негодные вещи в Тверской военно-промышленный комитет для производства снарядов и предметов военного снаряжения⁸.

В монастырях помимо сбора драгоценных и цветных металлов было организовано собственное производство боеприпасов и военного имущества (Николо-Перервинский монастырь, Ново-Афонская обитель, Троице-Сергиева лавра и др.)⁹. Пошив белья и амуниции для нужд армии осуществлялся в швейных мастерских, на которых трудились монахини и монастырские послушницы. Например, в 16 обителях Тверской епархии в швейных мастерских был организован пошив воинского обмундирования. Всё производившееся таким образом вооружение и военное снаряжение проходило обряд освящения и окропления святой водой. Также применялось символическое украшение их крестиком и другими знаками¹⁰.

Масштабы добровольной помощи фронту, вызванной высоким моральным подъёмом в обществе в начальный период войны, достигали такого уровня, что в некоторых епархиях были созданы специальные военно-промышленные секции, объединявшие усилия религиозных организаций по материальному обеспечению армии. Они сотрудничали и со светски-

ми военно-промышленными предприятиями страны.

В едином патриотическом порыве на защиту Родины вместе с православным населением встали представители многих народов и народностей, принадлежавшие к другим конфессиям. Так, руководители баптистских и евангелистских общин выступили с клятвами верности царю и Отечеству, поддержав решение о начале войны с Германией и Австро-Венгрией. Со страниц общинных газет они призывали своих единоверцев не уклоняться от военной службы, брать в руки оружие и не жалеть сил для победы. На прошедших в молитвенных домах собраниях верующих наставляли «идти бить нечестивых врагов. Бог не посчитает это за грех, наоборот, когда потребуется, он впишет сей подвиг в графу добрых дел»¹¹. Поддержка шла и со стороны Всемирного союза баптистов. В обращении к русским единоверцам генеральный секретарь организации И. Шекспир призвал их «молиться за своего царя и его успехи на войне». Баптисты оперативно организовали сбор пожертвований на нужды обороны страны. 12 августа 1914 года в результате проведённого баптистским журналом «Гость» сбора средств среди богатых представителей этой веры было получено и передано в фонды помощи раненым более 300 тыс. руб. Одновременно началась работа по организации «лазарета дома Евангелия». Таким образом, баптисты оказали полную поддержку действиям царского правительства.

Несмотря на настороженность властей, поддержка государственной военной политике была оказана и религиозными сектами — духовными христианами. До начала Первой мировой войны молокане и духоборы выступали решительными противника-

ми службы в армии и любого военного насилия, считая себя непричастными к «мирской суете». Однако с началом боевых действий против кайзеровской Германии с их стороны серьёзных антивоенных выступлений не последовало. Наоборот, руководители духоборов и молокан выразили верноподданнические чувства. Они призвали своих духовных братьев поддержать военные усилия правительства в борьбе с «безбожным немецким императором»¹². В своих наставлениях руководители религиозных сект требовали прекратить вну-

тренные распри, выполнять распоряжения властей, жертвовать средства для победы, не уклоняться от воинской повинности и идти на войну¹³. Этот призыв наставников был услышан молоканами, которые активно вливались в действующую армию и оказывали всестороннюю помощь фронту.

Не остались в стороне от общего патриотического порыва представители старообрядческой церкви. После объявления Высочайшего манифеста о вступлении России в войну руководители старообрядцев провели ряд религиозно-па-

Манифест императора Николая II от 20 июля 1914 г.
Петербургская газета. 1914. № 197. 21 июля.

Освящение куличей на позициях на Пасху
1915 г.

Монахи за изготовлением снарядов у токарных
и сверлильных станков
Новый Афон, 1915 г.

Знамённое отделение лейб-гвардии 1-го стрелкового его Величества
полка. Рядом со знаменем — иеромонах Амвросий (Матвеев)
1915 г.

*Коллекция альбомов Общества русских ветеранов
Великой войны в Сан-Франциско*

триотических мероприятий. В адрес императора были отправлены верноподданнические телеграммы, в организованных молебнах звучали призывы к единению и достижению победы в войне, а в религиозных общинах был проведён сбор средств на нужды армии. В целом старообрядческие общины показали свою готовность и способность к вооружённой защите Отечества. На это не раз указывали сам император и военно-политическое руководство Российской империи¹⁴.

С первых дней войны заверения в искренней преданности звучали и от представителей других религиозных конфессий. Верноподданнические чувства и готовность в тяжёлое для Родины время принести посильные жертвы выказывали мусульмане России. Например, 12 июля 1915 года мусульманское духовенство Казани во главе с муллою Галиевым вознесло «горячие молитвы о даровании победы русскому оружию над коварным врагом» и заявило о полной поддержке императора и готовности к продолжению вооружённой борьбы с противником. С подобными заявлениями выступили 17 сентября 1915 года мусульмане второго прихода г. Москвы и многие другие¹⁵.

Мусульмане Российской империи организовали сбор пожертвований на нужды фронта и поддержку семей военнослужащих. Для излечения тяжелораненых и не говоривших по-русски мусульман был открыт Царскосельский лазарет таврических магометан, который содержался за счёт собранных мусульманскими общинами средств. Например, таврический губернатор в марте 1915 года выделил на нужды лазарета 50 тыс. руб. из вакуфного капитала упразднённых мечетей губернии, а мусульмане Байгузинской волости Уфимской губернии собрали

4000 руб. на поддержку семей призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов.

На фронтах Первой мировой войны сражались военнослужащие разных вероисповеданий. Со стороны духовенства всех конфессий и религиозных толков прозвучал призыв к верующим встать на борьбу с «германцами» до победного конца и защитить Престол и Отечество. Однако следует отметить, что, несмотря на патриотический порыв и верноподданнические заверения, охватившие многонациональное население Российской империи в начале войны, значительной части инородцев в отбывании воинской повинности было отказано на законодательном уровне. По национально-территориальному признаку к началу 1914 года были освобождены от военной службы 7 млн человек, из них только 114 тыс. русской национальности¹⁶. Отдельные случаи отстранения от призыва объяснялись «дикостью» и слабым здоро-

вьем «инородцев». В целом же правительство обходило стороной регионы, подозрительные по политическим настроениям и не испытывавшие патриотических чувств к России как Отечеству.

Отдельные группы этого населения с непониманием и даже возмущением относились к такому решению. Мусульмане Закавказья, Туркестана, инородцы Сибири, киргизы и т.д. с проявлением такого недоверия к ним мириться не желали, они считали это обидным и оскорбительным для себя. Имеется много заявлений со стороны как киргизов, так и мусульман Закавказья, в которых они выражали непонимание того, почему они не могут бороться с врагами. Насчитывалось приблизительно 10 млн человек мужского населения, которые выражали несогласие с тем, что им не доверяли защищать Отечество¹⁷.

С целью поднятия и поддержания высокого боевого духа народа и военнослужащих Священный синод

Русской православной церкви постоянно напутствовал своё духовенство и требовал «располагать в поучениях паству к содействию всеми мерами и способами успеху войны и облегчению участи в ней пострадавших». Особое внимание было обращено на поддержку семей мобилизованных военнослужащих, оказавшихся в тяжёлом материальном положении. Священным синодом были даны соответствующие поручения, и во всех приходах с целью поддержания душевного равновесия таких семей и оказания им благотворительной (преимущественно денежной) помощи создавались особые попечительские советы¹⁸. Уже к концу 1914 года число таких советов достигло более 36 тыс. В результате их деятельности за два года войны на оказание помощи семьям военнослужащих было потрачено около 6,4 млн руб.¹⁹

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что предпринимавшиеся в начале войны царским прави-

Дворцовая площадь у Зимнего дворца со стороны Миллионной улицы перед чтением царского манифеста 1914 г.

Полковая церковь, сооружённая офицерами и солдатами
9-го гренадерского Сибирского генерал-фельдмаршала великого
князя Николая Николаевича полка к празднику Пасхи.
Полковой батюшка Константин Богоявленский и хористы
1 апреля 1917 г.
РГАКФД

Намаз на Австрийском фронте
Сентябрь 1914 г.
Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник
«Старая Сарепта»

Награждённый наперсным крестом на Георгиевской ленте полковой
священник 10-го гусарского Ингерманландского полка
протоиерей Василий Копецкий с сыном Платоном
Фото из семейного архива Копецких

тельством и духовенством различных конфессий меры свидетельствуют о единении общественных и религиозных сил, большом патриотическом подъёме населения перед лицом общей опасности. Помимо работы с верующим населением Священный синод считал необходимым возглавить работу непосредственно в рядах верующих Русской императорской армии.

Ввиду надвигавшейся угрозы православное духовенство начало заблаговременную подготовку к деятельности в военных условиях. По инициативе и под руководством протопресвитера Г.И. Шавельского в Петербурге в период с 1 по 14 июля 1914 года прошёл Первый Всероссийский съезд военного и морского духовенства, которое в полной мере осознавало важность своего служения и считало делом чести в трудную минуту быть вместе со своим народом. Все предложения и рекомендации, выработанные на съезде, получили отражение в Памятке-инструкции военному священнику. В ней подробно рассматривались цели и задачи, формы и методы, а также средства работы с верующими военными служащими в условиях подготовки и ведения боевых действий²⁰.

Сразу после оглашения царского манифеста начался переход на штаты военного времени в соответствии с мобилизационным расписанием Синода от 1910 года. Действующие военные пастыри отзывались из отпусков и поступали в распоряжение командиров своих частей, а вновь формирующиеся воинские соединения и части комплектовались епархиальным духовенством согласно мобилизационному расписанию²¹. Следует отметить, что в условиях мирного времени по состоянию на 1910 год в военном ведомстве насчитывалось 975 священнослужителей и 651 церковь²², а за годы

войны в действующей армии прошли службу от 4000 до 5000 представителей православного духовенства²³.

Деятельность православных священников осуществлялась на основе заранее разработанных указаний духовенству действующей армии и подробной «Инструкции полковым священникам». В них давались ясные наставления и определялись направления духовной работы. Это позволяло систематизировать повседневную деятельность, придать ей целенаправленный и плановый характер. Во многом наличие указаний и инструкций помогало в адаптации мобилизованных священников, которые были мало знакомы с условиями и требованиями военной службы и организацией работы в боевых условиях. В целом можно сказать, что в начальный период войны деятельность православной военно-духовной организации была массовой и слаженной²⁴.

Сложнее обстояли дела с комплектованием штата военных священников представителями иноверческого духовенства, поскольку в мобилизационном расписании Священного синода этот аспект учтён не был. Поэтому их представительство в действующей армии было малочисленным, а деятельность — слабо организованной. Следует отметить, что в начальный период войны оказание вероисповедальных услуг иноверцам осуществлялось нерегулярно, а только по прибытии в полк или на боевые позиции командированного иноверческого священнослужителя. Иноверцы нередко испытывали всяческие притеснения в религиозном плане из-за прессинга православных военных священников, что порой шло в ущерб общему делу. Мероприятия военного духовенства носили массовый характер, и воинам-иноверцам

Г.И. Шавельский

приходилось часто находиться в общем строю и проходить все православные обряды вместе с большинством православных сослуживцев. Многие иноверцы воспринимали это как религиозное насилие, что вызывало с их стороны естественный протест, а «осквернённым» (после окропления святой водой) оружием и амуницией некоторые из них вообще отказывались пользоваться.

Перед военными священниками стояла важная задача по формированию государственно-патриотических начал «преданности и верности государю-императору», поддержанию высокого боевого духа среди личного состава воинских формирований²⁵. Поэтому деятельность военного духовенства в первые дни войны была сосредоточена на проведении агитационно-разъяснительных мероприятий среди верующих военнослужащих. Военные священники активно включились в работу по доведению до их сознания целей войны, разъяснению её справедливого с точки зрения самодержавия характера, разжиганию ненависти к противнику. С целью формирова-

ния убеждённости в справедливости войны с Германией среди солдат использовался, к примеру, приём противопоставления божественного воинства войску сатаны²⁶.

Выбор и использование различных форм и методов работы военного священника определялись в зависимости от условий и характера боевых задач, складывавшейся на фронте боевой обстановки, а также места воинского формирования в боевом порядке армии. При подготовке боевых действий работа велась с широким охватом значительной массы солдат, её содержание было направлено на поднятие и поддержание морального духа, особенно молодых, необстрелянных воинов²⁷. Сильно отличались методы религиозной работы в частях первого эшелона, где на первый план выходили формы индивидуального воздействия или контакты с малыми группами верующих военнослужащих. С началом активных боевых действий роль и место священника также менялись. Ему предписывалось находиться среди раненых воинов, заниматься их утешением и напутствием. Однако в случае острой необходимости военному священнику полагалось быть готовым пойти в окопы и продолжать свою работу с риском для жизни²⁸.

Особое значение во время боевых действий имело богослужение, вселявшее в солдат и офицеров надежду на помощь святых покровителей. Для этого служили молебны, на фронт для поднятия боевого духа воинов привозили чудотворные иконы. Помимо икон сюда же доставляли крестики и религиозную литературу, церковные газеты²⁹. Поэтому на полях сражений в начале войны духовность воинов в своём большинстве была высокой, они верили и надеялись, что с ними Бог, ко-

торый поможет им выжить и победить. С божьим именем на устах солдаты и офицеры шли на смерть³⁰.

Ввиду больших потерь в офицерском корпусе забота о воспитании нижних чинов порой также ложилась на плечи военных священников. На них часто возлагались задачи представления лучших воинов к награждению, увековечения подвигов и героизма. Протопресвитер Г.И. Шавельский требовал: «Вновь подтверждаю полковому, бригадному и госпитальному духовенству сообщать мне возможно обстоятельные сведения о со-

вершаемых на поле брани подвигах, о всех явлениях могучего русского духа, для воспитания нашего потомства»³¹.

Командование русской армии прекрасно осознавало, насколько велика роль военного духовенства для поддержания высокого морального духа войск. Поэтому его деятельность в среде военнослужащих неоднократно отмечалась и ставилась в пример. О подвигах и героизме военных священников сообщалось в «Вестнике военного и морского духовенства», «Русском инвалиде» и других периодических из-

даниях с первого дня войны. К началу 1917 года за совершённые подвиги 14 военных священников стали кавалерами высшей военной награды Российской империи — ордена Св. Георгия. Следует отметить, что с момента учреждения ордена в 1769 году до Первой мировой войны только четыре духовных лица были удостоены этого знака воинского отличия. Кроме того, 227 священников были награждены наперсными крестами на Георгиевской ленте, 288 — орденами Св. Владимира, 643 — орденами Св. Анны³². В ходе Русско-японской войны 1904—1905 гг. был убит только один священник и ранены около десяти. В Первую мировую войну потери среди военного духовенства значительно возросли — погибли более 30 и были ранены более 400 священников. Свыше 100 военных священников попали в плен, что свидетельствует об их пребывании на передовой, а не в тылу³³.

Работу военного духовенства в начальный период войны в целом можно признать эффективной. Этому способствовали как высокий уровень религиозности солдатской массы, так и хорошая организация всей деятельности военного духовенства. Однако патриотический подъём, охвативший всё российское общество и армию, оказался непродолжительным. По мере затягивания военных действий, ухудшения внутренней ситуации в стране и отсутствия побед начала накапливаться моральная усталость. Постепенно пропагандистские приёмы, применявшиеся военным духовенством для поддержания боевого духа в войсках, стали утрачивать актуальность³⁴. Под влиянием нараставших социальных противоречий и усилившейся революционной пропаганды на фронтах и в

КРАСНОЕ ЯИЧКО В ГАЛИЦИИ.
Рис. 122. С. Колесников.

Пасхальная открытка «Красное яичко в Галиции»
Художник С. Колесников, 1915 г.

тылу стал отмечаться рост пацифистских настроений. Идеи нового крестового похода, продвигавшиеся военным духовенством, перестали получать должный отклик в сердцах верующих военнослужащих. Во многом нараставшие противоречия подготовили почву для восприятия в обществе и армии социалистических

идей. Этому способствовало и возраставшее недовольство кровопролитной войной, поддерживавшейся православной церковью, но осуждавшейся социалистами³⁵.

В связи с этим запустился процесс разложения армии, который со временем принял необратимый характер. Деградия коснулась не только армейских частей и флотских

экипажей, но стала проявляться и в среде военного духовенства. Высокий духовный подъём народа и армии перед войной и в её начальный период резко начал падать и перерастал в ситуацию, когда «низы» не хотели отдавать свои жизни за самодержавие и жить по-старому, а «верхи» не могли ничего с этим поделать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коленковский А.К. Манёвренный период первой мировой империалистической войны 1914 года. М.: Воениздат НКО СССР, 1940. С. 30.

² Ганфман М. Внутренняя жизнь // Книга о войне. Бесплатное приложение к газете «Современное слово». Пг.: Слово, 1915. С. 132.

³ Мировая война. Пг.: Тип. Морского Министерства, 1914. С. 70—109.

⁴ Общее число лазаретов, открытых при монастырях в 47 епархиях, составило 670. Кроме этого, 9 лазаретов содержались на средства военных церквей и духовенства // Сологубов Г.А. Союз креста и меча (Церковь и война). М.: Воениздат, 1969. С. 34.

⁵ См.: Церковь в истории России (IX век — 1917 год). М.: Наука, 1967. С. 261.

⁶ Кандидов Б.П. Империалистическая война и религия. М.: Б/и, 1933. С. 16.

⁷ Он же. Церковный фронт в годы мировой войны. М., 1929. С. 33.

⁸ Там же.

⁹ Клочков В.В. Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР. М.: Политиздат, 1982. С. 35.

¹⁰ Там же.

¹¹ Суглобов Г.А. Союз креста и меча (Церковь и война). М.: Воениздат, 1969. С. 39.

¹² Там же. С. 40.

¹³ Духовный христианин. 1914. № 8—9. С. 3.

¹⁴ Суглобов Г.А. Указ. соч. С. 40.

¹⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 11. Д. 90. Л. 60, 62, 71, 75.

¹⁶ Там же. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 840. Л. 11.

¹⁷ Шингарев А.И. Речь на заседании Государственной думы // Стенографический отчет Гос. думы. Секция 4. Заседание 12. 19 августа 1915 г.

¹⁸ Золотарев О.В. Христолюбивое воинство русское. М.: Граница, 1994. С. 65.

¹⁹ Там же. С. 72.

²⁰ Сенин А.С. Армейский дух России в I мировую войну // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 161.

²¹ Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке. М.: Госполитиздат, 1920. С. 478.

²² Богуславский И. К назначению помощника Протопресвитера военного и морского духовенства // Вестник военного духовенства. 1910. № 8. С. 254.

²³ Лепехин Ф., Смирнов Н.С. Военное духовенство в Синодальный период // Труды СПДС. 2016. № 10. С. 197.

²⁴ Шавельский Г.И. Служение священника на войне. Вып. 12 // Христолюбивое

воинство. Православная традиция Русской армии. М.: Русский путь, 1997. С. 317.

²⁵ См.: Циркуляр протопресвитера военного и морского духовенства благочинным после окончания съезда // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 17. С. 597—599.

²⁶ Василенко В.О. Офицеры в рясах. М.: ГАИЗ, 1933. С. 163.

²⁷ Золотарев О.В. Указ. соч. С. 68.

²⁸ Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 317.

²⁹ Василенко В.О. Указ. соч. С. 53.

³⁰ Краснов П.Н. Душа армии. Очерки по военной психологии // Поддерживающая и морализирующая роль религии. Берлин: Медный всадник, 1927. С. 79.

³¹ См.: Циркуляр № 864. Духовенству действующей армии от 29 мая 1916 г. // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 17. С. 16.

³² Армия и религия. М.: Центр военно-социологических, психологических и правовых исследований ВС РФ, 1994. С. 76.

³³ Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 323, 324.

³⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 123.

³⁵ Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб.: Андреев и сыновья, 1994. С. 212.

K.A. Kisin, V.R. Kravchuk

«...TO GO AND FIGHT AGAINST EVIL ENEMIES»

How religious organizations in the Russian Empire inspired the fighting spirit of people and soldiers at the beginning of World War I

Information about authors. Konstantin Kisin – professor of the department of humanities and socio-economic disciplines of the Mikhailovskaya Military Artillery Academy, Cand. Sc. (Ed.), associate professor (St. Petersburg. E-mail: kisin69@mail.ru);

Valeriy Kravchuk – assistant professor of the department of humanities and socio-economic disciplines of the Mikhailovskaya Military Artillery Academy, Cand. Sc. (Hist.), associate professor (St. Petersburg. E-mail: kravva57@gmail.com).

Summary. This paper examines the role of religious organizations in the Russian Empire during the early stages of World War I. After the announcement of Emperor Nicholas II's Manifesto on July 20, 1914, the dominant Orthodox Church, as well as other religious denominations, urged their followers to unite in their resistance to the Central Powers, led by Imperial Germany. The Holy Synod of the Russian Orthodox Church sent hundreds of military chaplains to active army units and organized the collection of material aid for the front lines. They also established the production of ammunition and military equipment at monasteries and facilitated the creation of military medical facilities. Other faith leaders, such as Old Believers, Muslims, Baptists, and Jews, supported the tsarist government by expressing their support in words and actions during this conflict with a powerful enemy.

Keywords: World War I; Russian Imperial Army; Russian Orthodox Church; religious factor in war; Orthodox military personnel; non-Orthodox military personnel; military clergy; military priests; military mobilization; Holy Synod; Archpriest Georgy I. Shavelskiy.

«...ЗАКОНЧЕННЫЙ ТИП ИСПЫТАННЫХ ОПЫТНЫХ И ВЫДЕРЖАННЫХ МОРЯКОВ»

Вольные матросы в Военно-морском флоте Российской империи
(1830—1870 гг.)

Сведения об авторе. Бочаров Алексей Алексеевич — доцент Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: alek.bocharov2014@yandex.ru).

Аннотация. В статье представлена история службы в Военно-морском флоте Российской империи в 1830—1870-е годы вольных матросов, являвшихся особой социальной группой в структуре российского общества XIX века. Общество вольных матросов появилось в 1830—1840-х годах по инициативе новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М.С. Воронцова. Их задачей была подготовка рядовых кадров для военно-морского и торгового флотов. Они принимали активное участие в Крымской войне 1853—1856 гг. и понесли значительные потери. Однако данный опыт добровольного комплектования отечественного флота не получил дальнейшего развития.

Ключевые слова: Военно-морской флот Российской империи; вольные матросы; нижние чины; подготовка флотских кадров; Крымская война; оборона Севастополя; М.С. Воронцов; Русское общество пароходства и торговли.

Сначала создания регулярного Военно-морского флота в России в конце XVII — начале XVIII века и до введения в 1874 году всеобщей воинской повинности основным способом комплектования отечественного ВМФ рядовым составом были рекрутские наборы. Вместе с тем в 1830—1870-х годах использовался и призыв на службу так называемых вольных матросов, объединённых в особые цехи, или матросские общества, в которые могли добровольно поступать молодые люди из мещан, государственных крестьян, вольноотпущенных (бывших крепостных) крестьян и разночинцев. Целью создания этих обществ была подготовка нижних чинов для военно-морского и торгового флотов России. История существования данной корпорации и служба её представителей в Военно-морском флоте Российской империи до сих пор не стали предметом глубоких научно-исторических исследований.

Упоминания о создании обществ вольных матросов можно обнаружить в дореволюционных биографических работах о жизни и деятельности новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М.С. Воронцова¹, написанных М.П. Щербининым², Н.Н. Мурзакевичем³ и В.А. Яковлевым⁴. В

начале XX века эту тему затронул военный историк А.М. Зайончковский в своём труде по истории Восточной (Крымской) войны 1853—1856 гг.⁵ Краткие сведения о вольных матросах содержатся в монографии советского историка Л.Г. Бескровного⁶. Однако современные исследователи деятельности М.С. Воронцова — О.Ю. Захарова⁷, В.А. Удовик⁸, А.А. Будко и Е.Ф. Селиванов⁹ — не упоминают ни о его роли в создании указанных обществ, ни о самих вольных матросах. Между тем при изучении данной темы можно опираться на документальные материалы Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ), а также на материалы периодической печати рассматриваемого периода. Немногие сохранившиеся источники, касающиеся этих вопросов, относятся в основном к Черноморскому флоту.

Инициатором создания обществ вольных матросов был генерал-губернатор М.С. Воронцов. Как отмечал его биограф М.П. Щербинин, «радуясь преуспеванию нашего военного судоходства, он с прискорбием смотрел на совершенно младенческое состояние торгового нашего мореплавания. Давно заронившаяся в нем мысль о создании сословия матросов для плавания на купеческих судах

получила развитие и удостоилась одобрения достойного потомка Великого Петра»¹⁰.

Первоначально цехи вольных матросов были учреждены в 1834 году для Черноморского флота в Аleshках Таврической и Николаевской губерний. В 1844 году из питомцев Воспитательного дома в Кронштадте был создан аналогичный цех для Балтийского флота¹¹. В начале 1850-х годов на службе в Черноморском флоте насчитывалось 1600 вольных матросов, а в Балтийском — 100¹². Их общая численность, включая тех, кто на военных судах не служил, к этому периоду достигла 13 тыс. человек¹³.

В вольные матросы зачислялись мещане, вольноотпущенные крестьяне, государственные крестьяне и разночинцы, «изъявившие согласие с вступлением в оные исполнять все условия, с их званием сопряженные». Записавшиеся в такие общества освобождались вместе с семьями от платежа податей, военного постоя (кроме чрезвычайных случаев), других повинностей и от рекрутского набора¹⁴. Из каждых 20 душ мужского пола вольных матросов по одному человеку в возрасте от 15 до 20 лет ежегодно по очереди поступали в Черноморский флот и несли строевую службу.

По истечении пяти лет они получали от командования патенты на звания вольных матросов первой или второй статьи. В патентах указывались следующие данные: учился ли данный матрос и способен ли он управлять рулём и бросать лот, или имеет только сведения, «для простого матроса необходимые». Для подготовки к службе в Черноморском флоте и затем на коммерческих судах мальчиков, принадлежавших к семействам вольных матросов, обучали в специальных школах в Алешках и Никополе¹⁵.

Военная служба вольных матросов проходила преимущественно на небольших транспортных судах. Вещевое и провиантское довольствие они получали наравне с линейными матросами, отличаясь от них лишь деталью обмундирования: отсутствием изображения якорей на погонных пуговицах. Следующие пять лет после окончания военной службы вольные матросы должны были служить на судах торгового флота. На военных судах они получали жалование наравне с матросами 2-й статьи флотских экипажей¹⁶. Во время Крымской войны вольные матросы принимали участие в обороне Севастополя. Из них примерно 4000 человек (треть всего состава), добровольно отправившихся в этот город-крепость, погибли или умерли в ходе военных действий¹⁷.

4 октября 1855 года Инспекторский департамент Морского министерства сообщил заведующему Морской частью в Николаеве о повелении императора Александра II отменить назначение данной категории моряков на службу в Черноморский флот — на кораблях оставались лишь те из них, кто ещё не выслужил установленного срока. Тем из вольных матросов, которые поступили на службу добровольно, было разрешено продолжить её или уволиться по собственному желанию¹⁸.

Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор А.Г. Строганов¹⁹ в письме командованию Николаевского порта от 13 октября 1856 года обратил внимание на

Портрет Михаила Семёновича Воронцова
Художник Д. Доу, 1822—1823 гг.
Военная галерея Зимнего дворца

то, что часть вольных матросов после окончания обязательной пятилетней службы на судах Черноморского флота «по дурной нравственности или предпочитая другие занятия более спокойные» уклоняются от дальнейшей службы на торговых судах. В связи с этим, по мнению Строганова, возникла необходимость «в средствах к побуждению вольных матросов заниматься мореплаванием». Генерал-губернатор предложил тех матросов, которые после окончания пятилетней службы в Черноморском флоте не будут в течение двух лет без уважительных причин служить на торговых судах, назначать на военные транспортные суда ЧФ на один год. К числу уважительных причин были отнесены раны, полученные в военных действиях, болезни, потеря родных и «расстройство хозяйства от чрезвычайных случаев». Таким образом, с одной стороны, вольные матросы получали бы опыт мореплавания, полезный для дальнейшей службы на торговых судах, а с другой — их служба на казённых судах вознаградила бы правительство за льготы в пользу этого сословия²⁰.

После окончания боевых действий приём данной категории лиц на военные корабли возобновился. Но при уменьшившемся составе Черноморского флота невозможно было назначать на казённые суда всех поступающих на службу вольных матросов, численность которых ежегодно составляла от 300 до 500 человек. В связи с этим император Александр II указом от 5 декабря 1857 года в случае недостатка вакантных мест на военных кораблях для приёма вольных матросов Новороссийского края на пятилетнюю службу разрешил назначать их на суда Русского общества пароходства и торговли. В свою очередь Общество пароходства и торговли обеспечивало поступающих продовольствием, обмундированием и платило им жалование в размере как на военном флоте. Матросы по окончании пятилетней службы должны были получать патенты на том же основании, что и за службу на военных судах²¹.

В 1858 году руководством Морского министерства был поднят вопрос о выдаче пособий вольным матросам, участвовавшим во время Крымской войны в обороне Севастополя. «Чтобы оценить весь объем принесенной ими в этом случае жертвы, достаточно вспомнить, что вольные матросы принадлежат большею частью к сословию землепашцев, и что оставляя свои села и свои занятия для общего дела, они не только шли на смерть, но жертвовали благосостоянием своих семейств, которые жили единственно их трудами... Морское ведомство приняло на себя, по мере средств, помочь особенно нуждающимся»²².

Глава ведомства великий князь Константин Николаевич²³ поручил писателю А.С. Афанасьеву-Чужбинскому²⁴ собрать сведения о вольных матросах, участвовавших в обороне Севастополя, и определить, кто из них наиболее нуждался в материальной помощи вследствие увечья, ран или смерти членов семьи. Этот труд был окончен к 1860 году²⁵. В январе 1861 года Константин Николаевич испросил соизволения императора на вы-

деление 15 тыс. рублей серебром для раздачи раненым вольным матросам и семьям погибших. Распределение денег было поручено чиновнику Морского министерства В.А. Рачинскому, которому предоставили право в каждом конкретном случае устанавливать сумму пособия, исходя из материального положения нуждавшегося. «Нет сомнения, лица, которым выдавалось пособие, нуждались в нем, но тем не менее в радостной благодарности, с которой они принимали пособие, заметно было и иное чувство, чем обыкновенная признательность за денежное пособие: они были счастливы, что о них помнят»²⁶.

В «Списке вольных матросов, участвовавших в обороне Севастополя, о которых имеются сведения в Комиссариатском департаменте Морского министерства», хранящемся в РГА ВМФ, значатся 158 человек с указанием полученных ими ранений и сумм выданных им денежных пособий. Среди них были: «Степан Андрущенко, 36 флотского экипажа, 15 февраля [1855 г.] на 5 бастионе ранен в правую руку штуцерною пулею, без повреждения кости» (3 рубля); «Евдоким Бородовский, 30 флотского экипажа, 25 августа [1855 г.] на 3 бастионе при разрыве бомбы ушиблен живот мешками с

Генерал-адъютант
Б.А. фон Глазенап

землею. Чувствует боль в животе и пояснице» (9 руб.); «Петр Борщевский, 36 флотского экипажа, 25 августа [1855 г.] на 6 бастионе ранен камнем в голову» (6 руб.); «Гаврила Бурлаченко, 30 флотского экипажа, 8 июня [1855 г.] на 3 бастионе ранен осколком бомбы в левую стопу, которая и отнята» (50 руб.)²⁷.

В 1863 году сотрудник журнала «Морской сборник» В.А. Куницкий

предлагал Петербургскому речному яхт-клубу ходатайствовать перед петербургским опекунским советом о направлении в распоряжение клуба на лето, до отправления в Инспекторский департамент Морского министерства, молодых людей, избранных из числа питомцев воспитательного дома для поступления в вольные матросы. «Клуб, распределив эту молодежь на свои суда, преимущественно на парусные ботики, имел бы возможность обучить ее, так сказать, между делом, гребле и управлению парусами, т.е. дать им необходимые для предстоящей деятельности предварительные познания»²⁸. Сведений о том, было ли реализовано данное предложение, обнаружить не удалось.

Некоторые из вольных матросов участвовали в дальних плаваниях русских военных судов. Судьба одного из них, Егора Фёдорова, оказалась печальной. 29 марта 1866 года во время пребывания корвета «Варяг» в японском порту Нагасаки Фёдоров был уволен на берег и не вернулся на корабль. Через два дня японская полиция заявила об обнаружении тела утонувшего матроса. На носу и на губе у него были небольшие ушибы. Командир «Варяга» капитан 2 ранга Р.А. Лунд на основании этого заключил, что Фёдоров,

будучи пьян, шёл к набережной и, вероятно, во время отлива упал на камни, разбил себе лицо и уснул в иле, а когда вода начала прибывать, не смог встать и утонул²⁹.

Архивные материалы также содержат сведения о правовых коллизиях, связанных с особенностями положения и службы данной категории моряков. Так, в феврале 1868 года четверо бывших вольных матросов Черноморского флота — жители селения Чобручи Тираспольского уезда Херсонской губернии Никита Барбалат, Иван Бардьян, Иван Пушкаренко и Димитрий Горб обратились к генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу с прошением. Его авторы писали о том, что, выслужив обязательный пятилетний срок на военных кораблях, они были уволены, а в 1854 году после начала Крымской войны вторично призваны на службу и приняли участие в обороне Севастополя. После завершения военных действий вернулись ранеными, но не получили никаких льгот и вновь были вынуждены платить подушную подать. В связи с этим авторы прошения просили великого князя исходатайствовать у императора исключение их из податного сословия и зачисление снова в вольные матросы с

возвращением изъятых у них патентов³⁰.

Решением вопроса занялся главный командир Черноморского флота и военный губернатор Николаева вице-адмирал Б.А. Глазенап³¹. Бывшие вольные матросы, получившие в Крымскую войну раны, контузии и увечья, которые, по мнению местного медицинского начальства, не давали возможности нести морскую службу, в соответствии с постановлением Комитета министров, утверждённым императором 26 апреля 1860 года, имели право оставаться в матросских обществах с освобождением от занятия мореплаванием и продолжать пользоваться дарованными льготами. Как выяснилось, Барбалат, Бардьян, Пушкаренко и Горб не представили требуемых постановлением Комитета министров медицинских удостоверений, так как раны их были лёгкими и не служили препятствием к мореплаванию, которым они без уважительной причины не занимались шесть лет. Поэтому их просьба об исключении из податного сословия и зачислении вновь в вольные матросы была признана не заслуживающей внимания³².

25 сентября 1868 года Главный военно-морской суд рассмотрел

вопрос о том, могут ли вольные матросы переводиться в разряд штрафованных. Поводом для рассмотрения стало дело о вольном матросе Ревельского флотского полуэкипажа Александре Дмитриеве, по приговору суда подвергшемуся за проступки наказанию розгами с переводом в разряд штрафованных. В связи с этим вспомнили, что в отношении вольных матросов не предусмотрено последнее. Ознакомившись с обстоятельствами дела, император повелел «сообразить и дополнить этот пробел». Было принято решение о приведении положения вольных матросов в этом отношении в соответствие с положением нижних чинов армии и флота³³.

С начала 1870-х годов упоминания о вольных матросах исчезли из официальных документов. Нам не удалось обнаружить точных сведений о времени упразднения этих обществ. Вероятнее всего, они прекратили существование в ходе военной реформы 1874 года, установившей новые принципы комплектования вооружённых сил.

Вопрос о вольных матросах был тесно связан с дискуссиями в военно-морском руководстве России об эффективности различных способов комплектования

Черноморский флот в Феодосийском заливе накануне Крымской войны

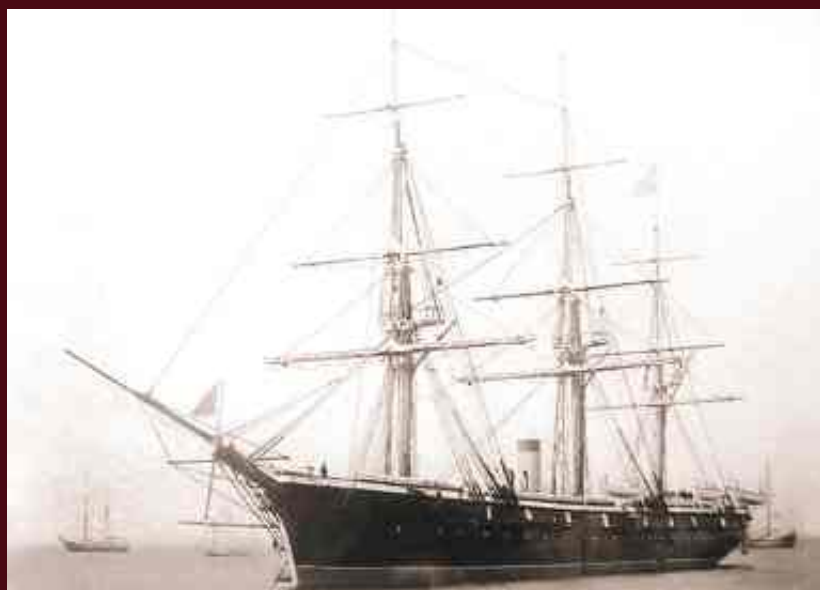
Художник И.К. Айвазовский, 1890 г.

Феодосийская картинная галерея имени И.К. Айвазовского

Вид Николаева в конце XVIII в.
Гравюра

Корвет «Варяг» на рейде

Почтовая открытка «Пароход “Принцесса Евгения Ольденбургская”
Русского общества пароходства и торговли»

военного флота рядовым составом. Думается, здесь следует привести мнения современников об этой категории моряков. Самые ранние обнаруженные нами оценки их деятельности относятся к 1850-м годам и принадлежат упомянутому ранее историку М.П. Щербинину. Он, в частности, писал: «Со времени приведения в действие этого, в высшей степени полезнейшего, постановления число желающих поступать в сословие вольных матросов постепенно возрастало, купеческие суда стали управляться шкиперами и матросами русскими, совершающими плавание по всем морям и появляющимися во всех зарубежных портах...»³⁴. Ссылаясь на мнение адмирала М.П. Лазарева, Щербинин положительно оценивал службу вольных матросов и в военно-морском флоте, указывая на «усердное стремление этих матросов к изучению своего ремесла» и на «истинную пользу, ими приносимую по служению их во флоте»³⁵.

Несколько позже, в 1863 году, один из авторов «Морского сборника» В. Мельницкий скептически оценил целесообразность существования вольных матросов. Касаясь вопроса о том, какими рекрутами следует комплектовать личный состав Военно-морского флота, он обратил внимание на население России, занимавшееся внешним и внутренним судоходством, предложив считать его источником комплектования ВМФ и постоянным резервом. «Тогда, — писал Мельницкий, — и самое учреждение цехов вольных матросов, из коих многие живут вдали от моря, рек и озер и явно тяготеют к обязательной службою на море, окажется совершенно излишним и бесполезным»³⁶.

Подобное мнение высказал в 1864 году капитан-лейтенант Ф. Чернопольский. Он писал о том, что вместо подготовки вольных матросов целесообразно принимать во флот рекрутами молодых людей из числа жителей приморских и приречных областей империи. Чернопольский предлагал обязать портовые правления вести списки таких юношей с тем, чтобы при объявлении рекрутского набора

высылать соответствующие реестры в губернские правления, которые дали бы распоряжения рекрутским присутствиям о направлении во флот значившихся в них людей. «Таким простым способом убыль в наших флотских экипажах пополнялась бы людьми, знакомыми с морем и матросским делом, без особен-

ного затруднения и издержек казенного интереса»³⁷.

Как бы то ни было, спустя много лет после упразднения указанных обществ, в начале XX века, один из авторов журнала «Море» писал о вольных матросах, прошедших пятилетнюю службу на судах Русского общества пароходства и торговли, характеризуя их как

«законченный тип испытанных опытных и выдержанных моряков»³⁸.

С нашей точки зрения, существование обществ вольных матросов можно оценивать как интересный опыт подготовки моряков для военно-морского и торгового флотов, не получивший, однако, дальнейшего развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Воронцов Михаил Семёнович** (1782—1856) — военный и государственный деятель, светлейший князь, генерал-фельдмаршал (1856). В 1823—1844 гг. императорский наместник в Бессарабии, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор.

² **Щербинин М.П.** Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семёновича Воронцова. СПб.: Типография Э. Веймара, 1858. С. 204—206.

³ **Мурзакевич Н.Н.** Очерк заслуг, сделанных наукам светлейшим князем Михаилом Семеновичем Воронцовым. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1860. С. 25, 26.

⁴ **Яковлев В.А.** Биографии Де-Рибаса, Ришелье и Воронцова. Одесса, 1894. С. 29.

⁵ **Зайончковский А.М.** Восточная война, 1853—1856 в 2 т. Т. 1. СПб.: Полигон, 2002. С. 555, 556.

⁶ **Бескровный Л.Г.** Русская армия и флот в XIX в.: военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. С. 539, 540.

⁷ **Захарова О.Ю.** Светлейший князь М.С. Воронцов. Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. 308, [2] с.

⁸ **Удовик В.А.** Воронцов. М.: Молодая гвардия, 2004. (Жизнь замечательных людей: серия биографий. Вып. 907). 448 с.

⁹ **Будко А.А., Селиванов Е.Ф.** Генерал-фельдмаршал М.С. Воронцов — один из «энергичнейших и культурнейших администраторов» // Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 63—65.

¹⁰ **Щербинин М.П.** Указ. соч. С. 204.

¹¹ **Зайончковский А.М.** Указ. соч. Т. 1. С. 555, 556.

¹² **Бескровный Л.Г.** Указ. соч. С. 539, 540.

¹³ О выдаче пособий вольным матросам // Морской сборник. 1861. № 7. Оф. статьи и известия. С. 93, 94.

¹⁴ **Щербинин М.П.** Указ. соч. С. 204.

¹⁵ Там же. С. 205.

¹⁶ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 243. Оп. 1. Д. 6063. Л. 13, 13 об.

¹⁷ О выдаче пособий вольным матросам... С. 93.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 5781. Л. 7

¹⁹ **Строганов Александр Григорьевич** (1795—1891) — военный и государственный деятель. Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор в 1854—1863 гг.

²⁰ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 5781. Л. 9—11.

²¹ Морской сборник. 1858. № 1. Постановления и распоряжения правительств. С. XLII.

²² О выдаче пособий вольным матросам... С. 93.

²³ **Константин Николаевич** (1827—1892) — великий князь, второй сын императора Николая I, генерал-адмирал. Возглавлял морское ведомство Российской империи в 1853—1881 гг.

²⁴ **Афанасьев-Чужбинский Александр Степанович** (1817—1875) — русский писатель. В 1856 г. наряду с А.Н. Островским, А.Ф. Писемским, М.Л. Михайловым и С.В. Максимовым получил поручение великого князя Константина Николаевича исследовать быт жителей приречных и приморских местностей России (так называемая «Литературная экспедиция»). Занимался изучением Приднепровья, результаты исследований изложил в ряде

статей, объединённых затем в этнографический труд «Поездка в южную Россию».

²⁵ О выдаче пособий вольным матросам... С. 93.

²⁶ Там же. С. 94.

²⁷ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1069. Л. 370 об.

²⁸ Морской сборник. 1863. № 8. Современное обозрение. Корреспонденция из портов. С. 59.

²⁹ Рапорт командира корвета «Варяг» капитана 2 ранга Лунда. Нагасаки, 15 мая 1866 г. // Морской сборник. 1866. № 9. Официальные статьи и известия. С. 249.

³⁰ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2989. Л. 1—2.

³¹ **Глазенап Богдан Александрович фон** (1811—1892) — военно-морской деятель, адмирал (1869). Главный командир Черноморского флота и военный губернатор Николаева в 1860—1869 гг.

³² РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2989. Л. 5—6.

³³ Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 190. Л. 3, 3 об., 6 об.

³⁴ **Щербинин М.П.** Указ. соч. С. 205.

³⁵ Там же. С. 206.

³⁶ **Мельницкий В.** Какими рекрутами комплектуется флот? (по поводу статьи г. Вольдемара) // Морской сборник. 1863. № 10. Часть неофициальная. С. 309.

³⁷ **Чернопольский Ф.** По вопросу о применении рекрутского набора к интересам земства и флота и об учреждении морского резерва // Морской сборник. 1864. № 5. Часть неофициальная. С. 58, 59.

³⁸ **Нагорский И.** О дисциплине на военных судах и о торговом флоте // Море. 1907. № 6—7. С. 166.

A.A. Bocharov

«...THE FINISHED TYPE OF EXPERIENCED AND SEASONED SAILORS»

Free sailors in the Navy of the Russian Empire (1830—1870)

Information about author. Aleksey Bocharov – assistant professor of the Higher School of Social Sciences of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Cand. Sc. (Hist.) (St. Petersburg. E-mail: alek.bocharov2014@yandex.ru).

Summary. This paper discusses the history of the free sailor service in the Russian Imperial Navy during the period from the 1830s to the 1870s. It describes a specific social group that existed in 19th-century Russia: free sailors. These sailors were created in the 1830s and 1840s by Mikhail S. Vorontsov, who was the governor-general of Novorossiysk and Bessarabia. Their purpose was to provide training for personnel in the Navy and merchant marine. They played a significant role in the Crimean War (1853-1856) and suffered significant casualties. However, their voluntary recruitment did not continue after the war.

Keywords: Navy of the Russian Empire; free sailors; lower ranks; training of naval personnel; Crimean War; defense of Sevastopol; Mikhail S. Vorontsov; Russian Society of Shipping and Trade.

«АРЕСТ ПОЛИЦЕЙСКИМИ... ЯВИЛСЯ СЛЕДСТВИЕМ ИГНОРИРОВАНИЯ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ КОНСПИРАЦИИ СО СТОРОНЫ САМОГО ТОВ. ПАВЛОВА»

Действия советских контрразведчиков по спасению попавшего в окружение
в ходе операции «Скачок» командира 25-го танкового корпуса
генерал-майора П.П. Павлова

Сведения об авторе. Зданович Александр Александрович — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, действительный член Академии военных наук, генерал-лейтенант запаса, доктор исторических наук, профессор (Москва. E-mail: mil_hist_magazin@mail.ru).

Аннотация. В статье рассказывается о подготовке и проведении Ворошиловградской наступательной операции 1943 года (кодовое наименование «Операция «Скачок»»), в ходе которой 25-й танковый корпус генерал-майора П.П. Павлова, входивший в состав 6-й армии генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонова, был окружён и с большими потерями прорвался к своим. Раненый командир корпуса был вынужден остаться в окружении. Для его спасения контрразведчики организовали специальную операцию. Однако вызволить Павлова не удалось: он был схвачен фашистами в результате предательства. В статье повествуется о дальнейшей непростой судьбе командира танкового корпуса.

Ключевые слова: Ворошиловградская наступательная операция 1943 г.; операция «Скачок»; танковый корпус; «Смерш»; контрразведчики; агентурно-оперативные действия; зафронтный агент; Н.Ф. Ватутин; П.П. Павлов; Ф.М. Харитонов.

После поражения под Сталинградом немецкая линия фронта от Воронежа до предгорий Северного Кавказа была ослаблена, и стратегическая инициатива перешла к Красной армии. Пользуясь ситуацией, советское командование решило нанести поражение многочисленным фашистским дивизиям, находившимся на Украине. Эта задача Ставкой Верховного Главного Командования возлагалась на войска трёх фронтов: Воронежского, Юго-Западного и Южного. Особая роль отводилась Юго-Западному фронту (ЮЗФ) под командованием генерал-полковника (с 13 февраля 1943 г. генерал армии) Н.Ф. Ватутина: 6-я и 1-я гвардейская армии, усиленные подвижными группами, наступая от Старобельска через Славянск на Мариуполь, должны были отрезать донбасскую группировку противника и прижать её к Азовскому морю. Южный фронт должен был наступать на Мариуполь с востока.

План наступления предполагал выход советских войск на Днепр в районе Херсона ещё до начала весенней распутицы. Одновременно планировалось вытеснить немецкие войска с рубежа Северского Донца

в Крым и, заняв Перекоп, отрезать их от остальных сил на Украине.

Операция получила название Ворошиловградской (кодовое наименование «Операция «Скачок»») и продолжалась с 29 января 1942 по 18 февраля 1943 года. К сожалению, выполнить задуманное нашим войскам не удалось. Пользуясь ошибками советского командования, немецкие войска не только вновь заняли Харьков, но и продвинулись на север до Белгорода. Бои были прекращены из-за наступившей распутицы.

Одним из элементов организации масштабного наступления стала передача 13 февраля командующим фронтом Н.Ф. Ватутиным из резерва фронта 25-го танкового корпуса (тк), которым командовал генерал-майор Пётр Петрович Павлов, в оперативное подчинение командующего 6-й армией генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонова. Нельзя не отметить, что к началу наступления в составе Юго-Западного фронта имелось 9 танковых корпусов, 2 механизированных, 3 танковые бригады и 14 танковых полков. В общей сложности на ходу были 986 танков. Внушительная сила, если не учитывать,

что из всех боевых машин было 370 лёгких танков Т-60 и Т-70 и только 14 тяжёлых КВ¹.

Танкисты в операции «Скачок» проявили себя героически и, так же как стрелковые соединения и артиллеристы, делали всё возможное, чтобы решить поставленные командующим фронтом задачи. Но из-за ошибочных данных разведки, а также основанных на них решений фронтового руководства понесли серьёзные потери в личном составе и боевой технике. Рассмотрим это на примере 25-го танкового корпуса. Его история, за исключением разве что ряда событий, связанных с работой чекистов и военных разведчиков, достаточно подробно исследована военными историками².

Итак, ещё 12 декабря 1942 года генерал П.П. Павлов получил приказ о включении корпуса в состав Юго-Западного фронта³. А 13 февраля 1943 года Н.Ф. Ватутин подчинил корпус 6-й армии. Ей ставилась задача выйти к Днепру, продвигаясь почти строго на запад. Корпус предполагалось сосредоточить в районе станции Лозовая и задействовать в овладении Павлоградом Харьковской области, далее районом

Синельниково, а затем и в освобождении города Запорожье⁴. Генерал Ватутин, подводя итоги первых дней проведения операции «Скачок», отметил заслуги танкистов в разгроме итальянских и немецких дивизий, но, что было характерно для командующего, подчеркнул необходимость повышения темпов наступления и потребовал этого⁵.

Однако намеченный план полностью реализовать не удалось. Германское командование перебросило в район боёв крупные силы, выведенные с Кавказа и снятые с правого фланга группы армий «Дон». Они деблокировали гарнизон вермахта в Славянске и явно намеревались перерезать коммуникации наступавших войск Красной армии.

Эту угрозу по указанию штаба ЮЗФ был призван устранить именно 25-й танковый корпус. Фронтовое командование, скорее всего, не зная, что в данном соединении на тот момент в строю имелось лишь 66 средних танков Т-34 и 14 лёгких Т-70, настаивало на активизации действий танкистов. Одна из бригад корпуса (111-я) вообще стояла на месте ввиду отсутствия горючего⁶. Была надежда, что на станцию Купянск должны были прибыть для корпуса 23 танка Т-34 и 21 Т-70, но подвели железнодорожники, и время пополнения техники растянулось. В боевых донесениях указывалось, что бригады танкового корпуса для переброски к Красному Лиману уже израсходовали три с половиной заправки из имевшихся четырёх. Прошедшие около 450 км боевые машины нуждались как минимум в профилактическом ремонте.

Поскольку генерал Н.Ф. Ватутин ранее уже сделал слабо обоснованный расчёт на откат германских войск из восточной части Донбасса и вообще уход за Днепр, то удар танкистов генерала П.П. Павлова по группировке немцев на Красноармейское виделся как краткосрочная задача перед продвижением в глубокий тыл группы немецких армий «Юг».

К 17 февраля 1943 года танковый корпус всё же успел сосредоточиться у Лозовой и предпринял стремительный рейд на Павлоград. На следующий день вместе с другими частями фронта 25 тк сумел овладеть этим городом.

Далее последовали бои за Синельниково. Но немцы в это время предприняли контрнаступление. Однако

Ф.М. Харитонов

Н.Ф. Ватутин и в этой обстановке продолжал настаивать на продолжении наступления наших войск, включая и 25 тк. Приказывалось осуществить прорыв к Запорожью.

Положение частей корпуса в тыловой зоне генерал-майор П.П. Павлов знать не мог и, продолжая наступательные действия, овладел Славгородом, а также железнодорожной станцией. При этом отметим особо — ввиду скудости запасов ГСМ представляется странным, что танкисты уничтожили вражеский эшелон с горючим, а не воспользовались им.

Вперёд вырвалась 162-я танковая бригада, которая достигла реки Днепр и остановилась менее чем в 20 км севернее Запорожья. Немецкий генерал Ф.В. фон Меллентин позднее написал в мемуарах: «21 февраля уже можно было наблюдать их <советских танкистов> из расположения штаба Манштейна у Запорожья»⁷.

Здесь нельзя не указать на попытки некоторых историков приукрасить, придать ещё больший эффект и без того действительно героическим действиям танкового корпуса. С некоторых пор стали вести речь чуть ли не о попытке захвата танкистами генерала П.П. Павлова Адольфа Гитлера, прибывшего в Запорожскую ставку 17 февраля 1943 года. В исторической литературе и сочинениях публицистов этот миф постепенно наполнялся деталями, призванными убедить читателей в реальности якобы происходившего в феврале 1943 года на подступах к

Запорожью. Чего стоит, к примеру, статья под кричащим, привлекающим внимание названием «Генерал Пётр Павлов, закошмаривший Гитлера»⁸. В статье правда была лишь в том, что командир экипажа самолёта Гитлера действительно описал на допросе в Главном управлении контрразведки Народного комиссариата обороны «Смерш» волнение окружения фюрера в связи с обнаружением советских танков в окрестностях аэродрома.

А наши танкисты даже не подозревали о присутствии Гитлера в Запорожье. Да что говорить о танкистах 25-го корпуса. Не знали об этом ни разведка Генштаба, ни 1-е и 4-е управления НКВД СССР, ни Штаб партизанского движения. По крайней мере, об этом не упоминается в рассекреченных на сегодняшний день документах...

Но возвратимся к боевым действиям 6-й армии и других частей ЮЗФ в ходе операции «Скачок». Если кратко, то они оказались в очень сложном положении ввиду активности двух танковых дивизий СС («Дас Райх» и «Тотенкопф»), предпринявших организацию окружения нашей армии. Генерал Ф.М. Харитонов вопреки настойчивым требованиям фронтового руководства решил не только отказаться от ускоренного продвижения на запад, но и перейти к обороне⁹.

25 тк оказался в окружении, и ему было приказано вырываться своими силами. При этом надо иметь в виду, что на 24 февраля 1943 года в корпусе оставалось в строю только 40 танков и 20 бронемашин. К своим частям в районе реки Волчья танкисты вышли лишь в конце марта с общим числом 2063 человека личного состава. Все танки были либо подбиты противником, либо подорваны самими экипажами, поскольку не имелось не только боеприпасов, но и горючего. От танкового корпуса осталось 10 бронетранспортёров и бронеавтомобилей и ещё 174 автомашины¹⁰. Остатки корпуса направили в Тульские лагеря для укомплектования, и лишь к началу Курской битвы соединение вновь прибыло на фронт.

Два командира танковых бригад 25 тк погибли в боях, один — подполковник Бондаренко — пропал без вести. Не вышел из окружения и комкор генерал-майор П.П. Павлов. С выяснением причин этого тщательно разбирались чекисты из

Управления контрразведки «Смерш» Юго-Западного фронта.

В нашем распоряжении имеются архивные документы, характеризующие действия командования, а также разведывательного отдела штаба 6-й армии, который возглавлял полковник С.И. Сурин, и Особого отдела НКВД армии, которым руководил капитан госбезопасности И.А. Игнатов. Прежде всего отметим, что командарм генерал-лейтенант Ф.М. Харитонов, подытожив всё известное о пребывании генерала П.П. Павлова в окружении и попытках вывести его на нашу сторону, доложил об этом 16 апреля 1943 года новому командующему ЮЗФ генерал-полковнику Р.Я. Малиновскому. Вышедший 12 марта из окружения заместитель командира корпуса по политической части полковник А.И. Стебловцев проинформировал командование о месте нахождения генерала П.П. Павлова. После этого были спланированы и начали реализовываться соответствующие меры с использованием сил и средств разведывательного отдела штаба и Особого отдела НКВД¹¹. Здесь заметим, что описание операции по спасению командира корпуса, приведённое военными историками В.А. Дёминым и Р.М. Португальским, далеко не в полной мере соответствует реальности¹². Как пример — без какой-либо ссылки на источник они утверждают, что вместо спасения комкора П.П. Павлова на первом самолёте эвакуировали на сторону наших войск лишь подполковника, начальника Особого отдела¹³. В связи со сказанным можно допустить — книга данных авторов увидела свет в 1988 году, т.е. в период, когда деятельность сотрудников, да и советских органов госбезопасности в целом, подвергалась дискредитации и очернению.

Задействовав все агентурно-оперативные возможности, военные контрразведчики ЮЗФ до 16 апреля 1943 года выясняли судьбу генерал-майора П.П. Павлова. Итоги проделанной работы были изложены в спецсообщении начальника Особого отдела НКВД ЮЗФ комиссара госбезопасности П.В. Зеленина в Военный совет фронта. Чекисты установили, что Павлов первоначально получил ранение в руку в бою в районе станицы Лозовой, а затем ещё несколько ранений, в

П.П. Павлов

т.ч. в ногу, и едва мог передвигаться. Поэтому при отходе остатков корпуса его пришлось оставить в селе Николаевка под видом врача. В этом же селе осталась и группа бойцов, подчинявшихся командиру батальона 162-й танковой бригады майору К. Пантелееву. Последний скрылся в доме назначенного оккупантами старостой местного жителя и рассказал немцам пособнику о месте, где скрывался «врач». Более того, проболтался, что за генералом Павловым вскоре придёт самолёт для его эвакуации. Староста предложил майору и его бойцам выбрать посадочную площадку, а сам через короткое время привёл трёх полицейских — дезертиров из Красной армии, и те арестовали генерала Павлова и передали его в германскую комендатуру.

За день до этого находившиеся в соседнем селе начальник Особого отдела НКВД танкового корпуса капитан госбезопасности Леонов и замполит командира корпуса полковник А.И. Стебловцев через посыльную медсестру Губареву, ухаживавшую за раненым чекистом, передали просьбу генералу укрыться вне деревни и ожидать там самолёта¹⁴. 11 марта медсестра выполнила указание. Павлов согласился с мнением Леонова и своего заместителя. Но в силу каких-то причин задержался и, как уже отмечено выше, был арестован.

Не располагая информацией об аресте П.П. Павлова, командующий

6-й армией и начальник Особого отдела отдали распоряжение о формировании разведотряда в 20—25 человек для вывоза комкора в тыл. Предварительно в село Николаевку была переброшена зафронтаной агент чекистов «Валентина Шелепова» для связи с советской патриоткой «Катей», которая, рискуя жизнью, добывала у немцев медикаменты и передавала их для лечения генерала П.П. Павлова и раненых бойцов.

С 18 марта спецотряд разведотдела штаба армии уже находился на полевом аэродроме, готовый к десантированию в тыл врага. Но лётчики, вылетевшие ранее для подготовки площадки в районе сёл Артельное, Орелька и Николаевка, совершили аварийную посадку из-за технической неисправности самолёта. Тем не менее «Дуглас» с разведгруппой на борту вылетел на задание по спасению комкора. Следующая группа вылетела вслед за первой.

К сожалению, сигналов с земли от «Кати» и «Шелеповой» получено не было. Чекисты и штабные разведчики забросили в район хутора Весёлый ещё одну разведгруппу, полагая, что там находятся раненый начальник Особого отдела НКВД танкового корпуса капитан госбезопасности Леонов и его связная медсестра, осведомлённая о месте нахождения П.П. Павлова.

На вновь посланном самолёте из тыла противника удалось вывезти только разведчицу «Шелепову» и её добровольную помощницу «Катю». Они сообщили о своём случайном аресте полицейскими. Именно поэтому лётчики не дождались сигнала с земли. Женщины также рассказали командующему 6-й армией и чекистам об обстоятельствах ареста комкора П.П. Павлова и о том, что они намеревались с оружием освободить генерала в помещении деревенской полиции. Но выяснилось, что немцы уже увезли его на станцию Лозовая в германский госпиталь. Туда была послана «Катя» с целью оценки условий содержания генерала и возможности отбить его у вражеской охраны.

Реализация такого рода операции не удалась. Резко испортилась погода, и «Дугласы» с разведотрядом вылететь не смогли. Уже 26 марта разведка штаба 6-й армии сообщила, что немцы переправили П.П. Павлова в Днепрпетровск. Начальника

Особого отдела НКВД танкового корпуса вывести из тыла противника также не удалось. Судьба его неизвестна до настоящего времени.

Оценивая произошедшее, командарм генерал-лейтенант Ф.М. Харитонов сделал вывод: «Арест полицейскими... явился следствием игнорирования элементарной конспирации со стороны самого тов. Павлова»¹⁵.

После приземления одного из самолётов в районе штаба 6-й армии доставленный на нём командир батальона майор К. Пантелеев был задержан, а потом и арестован чекистами, которые самым подробным образом его допросили. Пантелееву было предъявлено обвинение в том, что он не организовал должную охрану комкора, а, наблюдая арест генерала, вместе с несколькими имевшими оружие красноармейцами не предпринял мер по его освобождению. После проведения расследования чекисты передали его дело в военный трибунал ЮЗФ¹⁶.

Таким образом, попытка проведения операции по спасению

П.П. Павлова своей цели не достигла.

Дальнейшая судьба генерала была трудной. Он был доставлен в лагерь военнопленных Хаммельсбург, где предпринимались попытки вербовки его в Русскую освободительную армию генерала-предателя А.А. Власова. За отказ от предложения П.П. Павлов был помещён в Нюрнбергскую тюрьму, где подвергался пыткам. Вскоре он был переведён в концлагерь Флоссенбург.

В апреле 1945 года из оставшихся в живых заключённых концлагеря был организован «Марш смерти» через Альпы в концлагерь Дахау. По дороге 20 апреля генерал-майор П.П. Павлов сбежал, после чего сутки прятался и вскоре вышел на французскую территорию, где его обнаружили партизаны. Они помогли Павлову добраться до советской военной миссии в Париже. Вскоре генерал был направлен на сборно-пересыльный пункт репатриированных в Дрездене.

Павлов прошёл специальную проверку в органах НКВД, после чего

был восстановлен в кадрах РККА, и в марте 1946 года направлен на учёбу на Высшие академические курсы при Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова, после окончания которых с марта 1947 года состоял в распоряжении Управления кадров бронетанковых и механизированных войск для использования на преподавательской работе. В мае того же года он был назначен на должность заместителя командира 36-го гвардейского стрелкового корпуса по бронетанковым и механизированным войскам.

В июне 1950 года П.П. Павлов вышел в запас. Родина высоко оценила его ратный подвиг. Пётр Петрович был награждён пятью орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, многими медалями. 5 ноября 1946 года он стал кавалером ордена Ленина — высшей награды СССР.

Генерал-майор танковых войск П.П. Павлов скончался 4 сентября 1962 года в Москве и был похоронен в колумбарии Нового Донского кладбища.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мощанский И.Б., Исаев А.В. Триумфы и трагедии великой войны. М.: Вече, 2010. С. 255.

² Дёмин В.А., Португальский Р.М. Танки входят в прорыв: боевой путь 25-го танкового корпуса. М.: Воениздат, 1988.

³ Там же. С. 33.

⁴ Русский архив. Великая Отечественная война. Т. 4(3). С. 211.

⁵ Дёмин В.А., Португальский Р.М. Указ. соч. С. 44.

⁶ Исаев А.В. Легендарный 1943. Коренной перелом в ВОВ. М.: Яуза, 2018. С. 89.

⁷ Меллентин Ф. Танковые сражения 1939—1945 гг. М., 1957. С. 182.

⁸ Экштут С. Генерал Пётр Павлов за кошмаривший Гитлера. 19 февраля 1943 г. фюрер чудом спасся от пленения танковым десантом в Запорожье // Родина. 2023. № 4. С. 13—18.

⁹ Исаев А.В. Указ. соч. С. 110.

¹⁰ Там же. По другим данным, бойцы и командиры вывели из окружения 6 броневых автомобилей, 6 бронетранспортёров, 8 мотоциклов, 174 автомашины, а

также два 37-мм и три 45-мм орудия и 18 миномётов.

¹¹ Архивное личное дело генерала П.П. Павлова. Ч. 2. Л. 50.

¹² Дёмин В.А., Португальский Р.М. Указ. соч. С. 57, 58.

¹³ Там же. С. 57.

¹⁴ Архивное личное дело генерала П.П. Павлова. Ч. 2. Л. 50 об.

¹⁵ Там же. Л. 52 об.

¹⁶ Архив Управления ФСБ по Омской обл. Ф. 40. Оп. 30. Д. 510. Л. 40, 40 об.

A.A. Zdanovich

«THE ARREST OF COMRADE PAVLOV WAS A RESULT OF HIS FAILURE TO TAKE BASIC SECURITY PRECAUTIONS»

On the actions of Soviet counterintelligence officers to rescue Major General Pyotr P. Pavlov, the commander of the 25th Tank Corps during Operation Leap, when he was surrounded by enemy forces

Information about author. Aleksandr Zdanovich – senior researcher at the Military History Research Institute of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, full member of the Academy of Military Sciences, lieutenant general (res.), D. Sc. (Hist.), professor (Moscow. E-mail: mil_hist_magazin@mail.ru).

Summary. This paper describes the preparations and execution of the Voroshilovgrad Offensive in 1943, also known as Operation Leap. During this operation, Major General Pyotr P. Pavlov's 25th Tank Corps, which was part of Lieutenant General Fyodor M. Kharitonov's 6th Army, became surrounded and attempted to break out with significant losses. Despite the efforts of the wounded corps commander, he was unable to escape the encirclement. Counterintelligence agents attempted a rescue mission, but it was unsuccessful, resulting in Pavlov's capture by the enemy due to betrayal. The paper discusses the subsequent experiences of the tank commander and his difficult fate.

Keywords: Voroshilovgrad offensive operation of 1943; Operation Leap; tank corps; SMERSH; counterintelligence; intelligence operations; frontline agent; Nikolay F. Vatutin; Pyotr P. Pavlov; Fyodor M. Kharitonov.

«С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ГРАНИЦ ИМПЕРИИ ВСЕРОССИЙСКОЙ НЕОБХОДИМО... И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОНЫХ, НАЗНАЧА ПО УДОБНОСТЯМ НОВЫЕ КРЕПОСТИ...»

Карты крепостей Российской империи

Сведения об авторах. Туранцев Олег Юрьевич — генеральный директор издательско-полиграфического комплекса АО «Красная Звезда» (Москва. E-mail: transys2@gmail.com);

Алексеева Анастасия Дмитриевна — контент-редактор Управления военного издательства издательско-полиграфического комплекса АО «Красная Звезда» (Москва. E-mail: eto.normallno@yandex.ru).

Аннотация. В статье проводится анализ нового историко-картографического альбома «Российская империя на картах. Крепости», выпущенного издательско-полиграфическим комплексом АО «Красная Звезда» (Воениздат) и являющегося яркой наглядной демонстрацией многовековой фортификационной политики Русского государства. В основу издания положены уникальные картографические материалы, собранные в «Атласе крепостей Российской империи» 1830 года, а также хранящиеся в архивных фондах. В альбоме представлены основные российские фортификационные сооружения от Балтики до Тихого океана и от Калифорнии до Кавказа с разбивкой по военным округам в динамике их развития как элементы единой оборонительной системы страны.

Ключевые слова: карты Российской империи; крепости; фортификационные сооружения; Петропавловская крепость; крепость Севастополь; крепость Росс; Воениздат; историко-картографические альбомы; Атлас крепостей Российской империи; оборонительные сооружения; бастион; крепостная батарея; форт; карта военных округов Российской империи; Российско-Американская компания.

«Худшее, что может быть на войне, — это осаждать города, защищённые стенами», — считал древнекитайский стратег и военный мыслитель Сунь-цзы¹. Крепости на протяжении многих столетий действительно являлись важнейшим элементом обороноспособности

любого, в т.ч. Российского, государства, играя одновременно роль военных, административных, экономических и культурных центров. В энциклопедическом дискурсе под крепостью понимается важный стратегический пункт «с постоянным гарнизоном, вооружением,

запасами и самостоятельным управлением, подготовленный средствами долговременной фортификации к круговой обороне и обеспеченный всем необходимым для длительной борьбы в условиях осады»².

Классик отечественного военно-инженерного искусства В.В. Яковлев в работе «История крепостей» акцентирует внимание на том, что «крепостями были богаты все древние культурные государства, классическая Греция и Римское государство»³. Для России этот тезис приобретал особое значение в период собирания земель вокруг Москвы и последующего расширения отечественных границ. Ещё Ф.Ф. Ласковский в середине XIX века констатировал, что «масса укрепленных городов росла в течение нескольких веков без всякой связи относительно общей обороны России, пока соединение раздробленных частей ее в одно целое позволило ей иметь в виду одних внешних врагов»⁴.

Обложка альбома «Российская империя на картах. Крепости»

Современный исследователь Э.А. Шевченко в статье о фортификационном строительстве XV—XVI вв. обоснованно приходит к выводу, что образование сторожевых линий было не просто оборонительным мероприятием, а процессом создания «специфической системы расселения с целенаправленным формированием линейной оборонительно-жилой структуры, состоявшей из жилых и оборонных поселений, объединённых дорогами в единую структуру взаимосвязанных образований различного функционального назначения»⁵. Доктор исторических наук Н.Н. Гарунова в свою очередь обращает внимание на то, что российские города-крепости на Кавказе являлись «опорными пунктами Российской государственности, центрами дипломатических связей с кавказскими феодальными владельцами, государствами Закавказья и Востока»⁶. Одной из наиболее наглядных демонстраций этой многовековой фортификационной политики стал «Атлас крепостей Российской империи» 1830 года⁷, взятый наряду с другими источниками за основу нового историко-картографического альбома «Российская империя на картах. Крепости»⁸, выпущенного в 2026 году издательско-полиграфическим комплексом «Красная Звезда» (Воениздат).

Структура альбома отражает классификацию крепостей, закреплённую в «Положении об управлении крепостями», утверждённом 15 июля 1886 года приказом по военному ведомству № 82⁹, и «Высочайше утвержденном Положении об управлении крепостями» от 15 сентября 1901 года¹⁰. Согласно этим документам к 1-му классу относились крепости, имевшие стратегическое значение и отвечавшие всем военно-техническим требованиям; к 2-му классу — опорные пункты для полевых войск; к 3-му

классу — укрепления без важного военно-стратегического значения. В рецензируемом альбоме представлены крепости всех трёх классов, что позволяет читателю сравнить их устройство, предназначение и историческую судьбу.

Особое место в альбоме занимает Петропавловская крепость, заложенная 16(27) мая 1703 года на Заячьем острове, что подтверждается записями в «Журнале Петра Великого» и в «Марсовой книге»¹¹ (этот же день считается датой основания Санкт-Петербурга). Эскиз будущей крепости на чертил сам Пётр I при участии французского инженера Ж.Г. Ламбера. Как показано на приведённом в издании аксонометрическом плане 1796—1800 гг.¹², она имела форму неправильного шестиугольника с шестью бастионами, названными по именам сподвижников Петра: Меншиков, Нарышкин, Трубецкой, Головкин, Зотов, а также Государев. К осени 1703 года цитадель оснастили более чем 120 пушками¹³. На её территории располагались склады продовольствия, цейхгаузы, жилые дома.

Петропавловская крепость с первых дней своего существования имела двойное предназначение, став одновременно оборонительным укреплением с собственным гарнизоном (ни разу на практике не использовалась в этом качестве) и тюремным учреждением. В 1718 году в Трубецкой бастион был заключён царевич Алексей, а в 1790 году — вольнодумец А.Н. Радищев. В 1825—1826 гг. в крепости содержались декабристы, в 1849 году — петрашевцы, в 1862 году — Н.Г. Чернышевский, находившийся в камере секретной тюрьмы Алексеевского равелина. В 1870—1872 гг. в Трубецком бастионе расположилась новая секретная тюрьма на 69 одиночных камер, где «заключённые подвергались непрерывной психологической пытке одиночеством, могильной тишиной, круглосуточным наблюдением», а «бежать отсюда было невозможно»¹⁴.

На представленном в альбоме плане крепости Севастополь 1830 года можно увидеть расположение ещё каменно-земляных Константиновской, Михайловской, Павловской,

План Выборгской крепости и окрестностей
1830 г.

Александровской, Николаевской, Апостольской, Парижской, Святославской и нескольких номерных батарей, Северного укрепления, бастионов, полигонов, кораблей в Большой, Южной и др. бухтах. До подписания 21 февраля 1784 года именного указа Екатерины II «Об устройстве крепостей в Екатеринославском наместничестве и Таврической области и основании военного порта Севастополь» эта цитадель носила название Ахтиар, а с выходом документа была преобразована в «крепость большую Севастополь... где должно быть адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное поселение». По желанию императрицы «с распространением границ империи Всероссийской необходимо нужно сообразить и обеспечение оных, назнача по удобствам новые крепости и уничтожа те, кои сделались ныне внутренними»¹⁵.

Многим позднее, несмотря на отчаянные попытки главного командира Черноморского флота и портов, военного губернатора Николаева и Севастополя М.П. Лазарева создать единый план сухопутной обороны крепости Севастополь, к 1850 году были возведены лишь приморские каменные укрепления: Константиновская, Михайловская, Павловская, Александровская казематированные батареи¹⁶. В период Крымской войны 7-й бастион Севастопольской крепости, построенный на Артиллерийском холме, стал одним из ключевых оборонительных пунктов¹⁷. В 2019 году в ходе раскопок на этом участке были обнаружены восемь «полуземлянок» — временных жилых сооружений гарнизона, а также остатки батареи № 56, которая представляла собой подковообразный вал высотой 1,7 м, длиной 31 м с боевой площадкой шириной 2,2 м. Устроенные таким образом секторы обстрела указывают на то, что орудия должны были держать под

огневым контролем тыльную часть 6-го и 5-го бастионов и южные склоны Одесского оврага, а в конце августа 1855 года батарея могла прикрывать отход русских войск на Северную сторону¹⁸.

Наряду с указанными выше широко известными цитаделями в альбоме представлен и совершенно уникальный объект — русская крепость Росс в Калифорнии, единственное фортификационное сооружение Российской империи на Американском континенте, дошедшее до наших дней. Как свидетельствует архимандрит Августин (Никитин), «в 1812 г., 30 августа, в день тезоименитства императора Александра I, укрепление со всеми службами было со всевозможной торжественностью освящено с наименованием его Россом»¹⁹. Своим существованием крепость во многом обязана бывшему купцу и служащему Российско-Американской компании И.А. Кускову. Именно он выбрал место для размещения форта в 80 км к северу от Сан-Франциско и обменял порядка 400 гектаров понравившейся земли у местных индейцев племени помо на несколько предметов одежды, орудий быта и украшений. К слову, это был единственный случай, когда аборигенам хоть что-то заплатили за участки на их территории: «цивилизованные» европейцы предпочитали забирать всё даром²⁰.

На представленном в альбоме рисунке видно, что крепость Росс имела форму прямоугольника (75 м x 100 м), была обнесена бревенчатой стеной с двумя восьмиугольными башнями, внутри располагались дом правителя, казармы и склады. Крепостное вооружение состояло из 12 пушек. Здесь же была построена первая в Калифорнии русская судостроительная верфь, на которой в 1816—1824 гг. были спущены на воду три брига и шхуна водоизмещением около 200 т. Благодаря наличию пра-

вославной часовни цитадель стала не только военно-торговым форпостом, но и центром культурного и духовного влияния России на Американском континенте (в форте до сих пор проводятся православные службы). В 1818 году здесь насчитывалось 27 русских и 78 кадыкских переселенцев, а к 1836 году население Росса составляло уже 260 человек, из них 56 россиян, 115 креолов, 50 алеутов и 39 крещёных индейцев²¹.

Крепость Росс в качестве русского фортификационного объекта прослужила до 1841 года, когда была продана крупному американскому землевладельцу Джону Саттеру за 30 тыс. долларов. По сведениям исследователя А.А. Тарелина, «в контракте ничего не говорилось о продаже земли, так как на неё продолжало претендовать мексиканское правительство»²². К началу 1842 года русские колонисты окончательно оставили форт.

Помимо трёх рассмотренных крепостей альбом включает планы, рисунки и историческую информацию о многих других фортификационных объектах, каждый из которых заслуживает отдельного внимания. Среди них — крепости Александрополь, Анапа, Ахалкалаки, Ахалцихе, Владикавказ, Выборг, Дербент, Нарва, Кизляр, Шлиссельбург (Орешек), Измаил, Порт-Артур и др. Кроме архивных военнотопографических карт, схем и планов укреплений в издании размещены старинные рисунки, художественные картины и гравюры, портреты военачальников, изображения предметов геральдики, современные виды указанных мест, которые сопровождаются историческими справками, подготовленными специалистами Воениздата совместно с сотрудниками Российской государственной библиотеки. В справочном разделе альбома содержится перечень всех крупных крепостей с разбивкой по военным

округам, а также представлена карта разделения Российской империи на военные округа в 1867 году.

Главная ценность историко-картографического альбома «Российская империя на картах. Крепости» заключается в том, что он позволяет наглядно увидеть многие фортификационные сооружения в динамике их развития и оценить их не изолированно, а как элементы единой оборонительной системы государства, развивавшей-

ся в течение нескольких столетий на огромных просторах — от Балтики до Тихого океана и от Калифорнии до Кавказа.

Несмотря на то что данное издание не претендует на исчерпывающую полноту и его авторы указывают, что из примерно 3000 крепостей империи показаны лишь несколько десятков, это несколько не снижает ценности альбома, который будет полезен как специалистам — историкам, краеведам, музейным работ-

никам, так и широкому кругу читателей, интересующихся военной историей и исторической географией России. Этот том большого историко-картографического проекта Воениздата «Российская империя на картах» является достойным вкладом в популяризацию отечественного фортификационного наследия и может быть рекомендован для включения в фонды научных библиотек, музеев и образовательных учреждений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сунь-Цзы. Искусство войны. М.: Эксмо, 2025. С. 19.

² Большая советская энциклопедия в 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 13. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 389.

³ Яковлев В.В. История крепостей. М.: АСТ, 2000. С. 16.

⁴ Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России: опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1858. С. 21.

⁵ Шевченко Э.А. Фортификационное строительство в России XV—XVI веков как первый этап целенаправленного формирования системы расселения // Academia. 2018. № 2. С. 109.

⁶ Гарунова Н.Н. Российские городские крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе. Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. Махачкала, 2007. С. 33.

⁷ Атлас крепостей Российской империи. СПб., 1830. 119 с.

⁸ Российская империя на картах. Крепости. М.: Красная Звезда, 2026. 52 с.

⁹ Положение об управлении крепостями: утв. 15 июля 1886 г. СПб., 1886. С. 449—473.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е в 33 т. Т. XXI. СПб.: Гос. тип., 1903. № 20642.

¹¹ Пилявский В.И. Петропавловская крепость. Л.: Лениздат, 1967. С. 42.

¹² Аксонометрический план Петропавловской крепости. СПб., 1796—1800. 1 л. Рукопись. Перо, тушь, акварель; 52 x 65.

¹³ Пилявский В.И. Указ. соч. С. 51.

¹⁴ Пятковский Д.А. История Петропавловской крепости // Исторический путь России: из прошлого в будущее: материалы международной научной конференции, посвященной 800-летию со дня рождения Великого князя Александра Невского в 3 т. Санкт-Петербург, 2 апреля 2021 г. / Под ред. С.И. Бугашева, А.С. Минина. Т. 3. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2021. С. 339.

¹⁵ Российский государственный архив древних актов. Ф. 16. Оп. 1. Д. 798. Л. 117—118 об.

¹⁶ Ильичёв А.В. Севастопольский гарнизон в первую половину XIX века: состав гарнизонных войск, военное управление, состояние оборонительных укреплений // Genesis: исторические исследования. 2025. № 2. С. 32.

¹⁷ Моисеев Д.А. Батарея № 56 в системе фортификационных сооружений 7-го бастиона Севастопольской крепости в период Крымской войны // Под омофором Андрея Первозванного: от апостола Андрея к Андреевскому флагу: материалы всероссийской научной конференции, приуроченной к 350-летию учреждения в России Андреевского флага. Севастополь, 2—4 сентября 2024 г. Симферополь: Ариал, 2024. С. 77.

¹⁸ Там же. С. 79, 80.

¹⁹ Никитин А. Форт Росс — «русская крепость» в Калифорнии // Христианское чтение. 2014. № 4. С. 38.

²⁰ Там же. С. 37.

²¹ Там же. С. 47.

²² Тарелин А.А. Форт-Росс в истории Российско-американских отношений // США. Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 11. С. 84.

O.Yu. Turantsev, A.D. Alekseyeva

«WITH THE EXPANSION OF THE BORDERS OF THE ALL-RUSSIAN EMPIRE, IT BECOMES NECESSARY TO ENSURE THEIR SAFETY BY ESTABLISHING NEW FORTIFICATIONS WHEREVER CONVENIENT»

Maps of the fortresses of the Russian Empire

Information about authors. Oleg Turantsev – general director of the AO Krasnaya Zvezda Publishing and Printing Complex (Moscow. E-mail: transys2@gmail.com);

Anastasiya Alekseyeva – content editor of the Military Publishing Department of the AO Krasnaya Zvezda Publishing and Printing Complex (Moscow. E-mail: eto.normallno@yandex.ru).

Summary. This paper analyzes the new historical cartographic album, *The Russian Empire on Maps: Fortresses*, published by the Krasnaya Zvezda publishing and printing complex (Voenizdat). The publication provides a vivid visual representation of the centuries-long fortification policy of the Russian state, based on unique cartographic materials collected in the 1830 Atlas of Fortresses of the Russian Empire and archival collections. The album presents the main Russian fortifications, from the Baltic to the Pacific Ocean and from California to the Caucasus. It is divided into military districts, showing their development as part of the country's unified defense system.

Keywords: maps of the Russian Empire; fortresses; fortifications; Peter and Paul Fortress; Sevastopol Fortress; Ross Fortress; Voenizdat; historical and cartographic albums; Atlas of Fortresses of the Russian Empire; defensive structures; bastion; fortress battery; fort; map of military districts of the Russian Empire; Russian-American Company.

НОЯБРЬ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

2 ноября 1871 года, 155 лет назад, родился А.И. Непенин, вице-адмирал (1916), участник Русско-японской войны 1904—1905 гг., командующий Балтийским флотом в 1916—1917 гг. Убит революционными матросами в марте 1917 года в Гельсингфорсе (Хельсинки).

2 ноября 1901 года, 125 лет назад, родился Д.Д. Лелюшенко, генерал армии (1959), дважды Герой Советского Союза (1940, 1945), Герой ЧССР. В годы Гражданской войны сражался в составе партизанского отряда Б.М. Думенко. В составе Первой Конной армии участвовал в Воронежско-Касторненской, Донбасской, Северо-Кавказской и других операциях. Участник Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. В годы Великой Отечественной войны командовал механизированным и стрелковым корпусами, армиями, с 1944 года — 4-й танковой (с 1945 г. гвардейской) армией. С 1956 года командовал войсками ряда военных округов. В 1960—1964 гг. — председатель ЦК ДОСААФ СССР. Умер 20 июля 1987 года.

4 ноября — День воинской славы России. День народного единства.

5 ноября — День военного разведчика.

6 ноября 1941 года, 85 лет назад, в Москве на станции метро «Маяковская» состоялось торжественное собрание, посвящённое двадцать четвёртой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. С докладом выступил председатель Государственного комитета обороны И.В. Сталин.

6 ноября 1976 года, 50 лет назад, на боевое дежурство заступил первый ракетный полк с ракетным комплексом РС-16Б повышенной защищённости (г. Бологое, Тверская обл.).

7 ноября — День воинской славы России. День проведения военного парада на Красной площади в г. Москве в ознаменование двадцать четвёртой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 г.).

Д.Д. Лелюшенко

13 ноября — День войск радиационной, химической и биологической защиты.

15 ноября 1881 года, 145 лет назад, капитан 1 ранга А.Ф. Можайский получил авторское свидетельство на изобретённый им «воздухоплавательный снаряд».

18 ноября 1586 года, 440 лет назад, родился М.В. Скопин-Шуйский, князь Рюрикович. На службе находился с 1604 года, являясь стольником у Бориса Годунова. С 1606 года командовал войсками, действовавшими против восставших отрядов И. Болотникова. В период Смутного времени проявил военный талант и разбил войска Лжедмитрия II под Торжком, Тверью и Дмитровом. Руководимые им войска в 1610 году освободили Москву от польской блокады. В марте того же года торжественно вступил в столицу. Умер внезапно 3 мая 1610 года. Похоронен по требованию народа в Архангельском соборе Кремля в приделе Иоанна Крестителя.

18 ноября 1896 года, 130 лет назад, родился М.И. Чистяков, маршал артиллерии (1944). В армии — с 1915 года. Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. С 1973 года — заместитель командующего артиллерией Вооружённых сил СССР. Умер 15 сентября 1980 года.

18 ноября 1971 года, 55 лет назад, в СССР был учреждён институт прапорщиков и мичманов.

19 ноября — День ракетных войск и артиллерии.

21 ноября — Памятная дата России. День Военной присяги.

23 ноября 1916 года, 110 лет назад, родился Б.И. Купенский, кораблестроитель, лауреат Ленинской премии (1966). Главный конструктор боевых надводных кораблей (проекты 50, 61, 1144). Умер 12 мая 1982 года.

27 ноября — День морской пехоты.

Публикация Н.Л. Крыловой